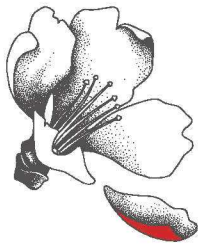

ДЮРДАНЕ АГАЕВА

**ВОСЕМЬ ДНЕЙ
В АРМЯНСКОМ ПЛЕНУ**

Воспоминания ходжалинской девушки

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ
ХОДЖАЛАМ**

www.justiceforkhojaly.org

Дюрдане Агаева
Восемь дней в армянском плену:
Воспоминания ходжалинской девушки

Переводчик - БУРЦЕВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА

Данная книга повествует о трагической судьбе 20-летней азербайджанской девушки, пережившей геноцид в Ходжалы и оказавшейся в плену армян. Автор, Дюрдане Агаева, рассказывает пережитые ею ужасы восьми дней армянского плена. Книга издана в рамках Международной Информационной Кампании «Справедливость Ходжалам», инициированной 8 мая 2008 года генеральным координатором Форума Молодежи Исламской Конференции за Диалог и Сотрудничество Лейлой Алиевой. Кампания призвана повысить уровень осведомленности международного сообщества о Ходжалинском геноциде, а также об основных причинах и последствиях армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта и необходимости скорейшего и безоговорочного вывода армянских вооруженных сил из Нагорно-Карабахского региона и семи оккупированных районов Азербайджана. Задача этой кампании - отдать дань уважения памяти жертвам Ходжалинского геноцида, сохранить и передать новым поколениям память о них, поддержать выживших и помочь облегчить их страдания.

ISBN: 978-9952-8312-0-7

© Справедливость Ходжалам, 2017

Дюрдане Агаева

**Восемь дней
в армянском плену:
Воспоминания ходжалинской
девушки**

Предисловие

Хождение по мукам

Начну с предупреждения: книга Дюрдане Агаевой о ее адских муках в армянских застенках и страданиях жителей Ходжалы - града обреченного, трудна для восприятия. Она не взывает к мести, не рождает ненависть - нет. Этот искренний документ, в каждой строчке которого - скорбь, страх, волнение, - пробуждает омерзение к извергам рода человеческого - Каро, Монте, Виталию и неназванным по имени садистам. Одни из них сами избивали беззащитную и беспомощную девушку-телефонистку из осажденного города Ходжалы, другие сами не били, но отдавали приказы на издевательства.

Она на себе воочию испытала человеческую злобу - низкое величие и радость мучителей, их погасший разум, ослепленные глаза, жажду нанести боль. После моря крови и тьмы разрушений ей не раз казалось, что умереть легче, чем жить.

При моем нездоровом сердце вызванное чтением омерзение к мучителям раскалывает сознание и разрывает грудную клетку.

Похожее читательское переживание я испытал полвека назад при чтении повести Маши Рольникайте «Я должна рассказать». То была книга о вильнюсском гетто, куда попала юная Маша в годы фашистской оккупации. В гетто погибла ее семья - мать, сестра, брат.

И не случайно к Дюрдане Агаевой часто приходило ощущение Великой Отечественной войны, знакомое девушке по военным фильмам. Осада Ходжалы, ночные обстрелы реактивными системами

залпового огня (Град и Алазань), террор на дорогах, танковые атаки 366-го мотострелкового полка, который ходжалинцы верно называли советским.

В начале 1992 года всё еще действовала известная формула М.С. Горбачева и его армянских советников: «Воздушно-десантные войска плюс Военно-транспортная авиация равняется советская власть в Закавказье».

31 января 1992 года в отрезанный от мира город, в недавнем прошлом - райский уголок азербайджанской земли, где, по библейскому сказанию, текли молоко и мед, прилетел последний вертолет. И - улетел. Не покинувшим родной земли оставалось верить в Божью помощь.

Уже 10 февраля 1992 года начался обстрел Ходжалы из тяжелых орудий. 11 февраля интенсивным обстрелом из БТР и БМП боевики отсекали от Ходжалы азербайджанское село Малыбейли. В тот же день стало известно, что часть жителей Малыбейли, не успевших скрыться, загнана армянами в мечеть, которую они намерены были сжечь вместе с ними. При разгроме села Малыбейли трое солдат 366-го полка, взяв в руки белый флаг, попытались вывести уцелевших жителей села, но были расстреляны армянскими бандитами на глазах у других: чтоб неповадно было. «Вы должны сеять в азербайджанцах такой ужас, чтобы в течение столетий они глаза не посмели поднять на армянина!» - примерно такая стратегия насаждалась главарями армянских сепаратистов.

Четверть века назад, в ночь на 26 февраля, после шквала артиллерийского огня, армянские головорезы атаковали Ходжалы. До рассвета клочкотал бой, оставляя груды трупов. Дома и люди в них горели как свечи. Крики раненых, предсмертные стоны сопровождали беженцев.

Той ночью люди выскакивали из домов на снег, полуодетые, иные босиком, в февральскую стужу, и бежали, чтобы вырваться из этого ада. Поток обезумевших от страха людей убегал от неандертальцев с автоматами в черную зимнюю ночь. Кричали дети, падая и разбивая до крови колени и головы. Скалистые склоны, запорошенные снегом и покрытые безжалостным скользким льдом, были трудно преодолимы не только для детей, но и для взрослых. По дороге уцелевших ходжалинцев не раз обстреливали. Люди, не ожидавшие, что попадут в засаду, под предательский огонь боевиков, падали как подкошенные. Вынести их не было сил: надо было спасать живых.

Этот смертоносный исход из Ходжалы получил название «армянского коридора смерти».

Творилась бесчеловечная расправа, перед которой меркнут кошмары средневековья. В древнем азербайджанском поселении Ходжалы пострадали тысячи мирных жителей, в том числе женщины, дети, старики. Армянские боевики вели себя так, словно на азартной охоте. Страшной смерти были преданы и турки-месхетинцы, беженцы из Ферганской долины, – те несчастные, которые, миновав все круги ада, казалось бы, нашли приют на земле Азербайджана. Их вина заключалась только в одном: они были тюрками.

Изувеченные трупы самосвалами свозили к мечети в Агдам. Те, кто их обмывал и оплакивал, уже привыкли к виду смерти. Но живые содрогнулись, увидев мертвых ходжалинцев. Казалось, что трупы были перепаханы гусеницами танков и бронемашин. Последний миг этих людей был поистине страшным. Они умерли в муках, с которыми могли, быть может, сравниться страдания распятого Иисуса Христа.

К концу 1993 года Азербайджан потерял семь административных районов вне территории Нагорного Карабаха. На занятых пространствах, где, по народной поговорке, ступали дашнакские боевики, даже трава больше не вырастала. Исход азербайджанских беженцев со своей земли был одним из самых массовых в Европе со времен Второй мировой войны.

Страна огней и ее народ оказались в преддверии ада, преданные, обманутые, покинутые. Проблемы кризиса и хаоса полупарализованного общества слились в один гамлетовский вопрос: быть или не быть азербайджанской государственности вообще? За шесть лет, с 1988 по 1993 год, в республике сменилось пять лидеров. Наличие конфликта упрощало манипулирование регионом.

Но народ сохранил самообладание и вспомнил того человека, которого никогда не забывал, как своих эпических героев – Бабека, Кероглы, Ази Асланова. К Гейдару Алиеву в отчаянии обратилось правительство Народного фронта за помощью и вызвало его из заточения в почти изолированном от мира Нахчыване. Он не пришел к власти, а возвратился к ней – ради своего народа. На улицах его встречали людские толпы.

«Азербайджанский народ переживает самый сложный, трагический период своей истории, – знакомый всем голос не скрывал правды. – Я глубоко осознаю ответственность за стоящие передо мной задачи, заверяю, что всю свою деятельность, всю жизнь посвящу, чтобы оправдать доверие моего народа».

У лидера нации не бывает другой прочной опоры, кроме народного плеча: «Возлагая на себя столь высокую ответственность, я, в первую очередь, полагаюсь на честь, мудрость и мужество азербайджанского народа».

3 октября 1993 года Гейдар Алиев был избран президентом Азербайджана. Народ, метавшийся между мщением и миролюбием, поверил авторитету Г.А. Алиева. Ему удалось побудить общественность обеих стран к началу мирного сотрудничества, а не к взаимной враждебности и цинизму.

Карабахский армянин Серж Саргсян (Саркисян) в августе 1993 года был назначен министром обороны Армении, после чего грань между воюющими силами Армении и Нагорного Карабаха окончательно стерлась.

Азербайджан и Армения, истощенные войной, подписали перемирие вступившее в силу 12 мая 1994 года.

Гейдар Алиев не был бы национальным лидером, если бы 9 мая 2001 года, спустя всего лишь месяц после серьезного обсуждения мирного соглашения в Ки-Уэсте, не провел параллель между вторжением нацистов на территорию Советского Союза и оккупацией армянами азербайджанских территорий. В своей речи президент Г. Алиев сказал, что агрессор обязательно должен быть наказан.

На том же настаивает и автор книги, мужественная женщина и мать Дюрдане Агаева. Из ее нечеловеческих испытаний, без признаков страха и подбострастия, следует простая народная нравственность: общая потребность людей в самопожертвовании. Она убеждена: после хождения по мукам непременно наступит Воскресение, а палачи и узурпаторы чужих земель за их позорные и скверные дела станут страдальцами навек.

Земля Ходжалы, как известно, праматерь цивилизации Южного Кавказа. Это сакральное место. В Эрмитаже хранится Ходжалинская бусинка – след древней культуры азербайджанского народа.

Пусть такой бусинкой войдет в историю народного сопротивления и представляемая читателю книга Дюрдане Агаевой «Восемь дней в армянском плену: воспоминания ходжалинской девушки».

*Юрий Помпеев,
член Союза писателей России,
Почетный член Союза писателей
Азербайджана.
Санкт-Петербург*

Довоенный Ходжалы

Ходжалы, окруженный со всех сторон лесом и горами, был самым настоящим райским уголком. Перед оккупацией город Ходжалы состоял из трех районов. До войны население Ходжалы занималось сельским хозяйством. На окраине Ходжалы – то есть на берегу реки Гаргар – было большое поле. Часть жителей поселка пасли там крупный рогатый скот. Помимо этого, в Ходжалы выращивали виноград, овощи, заготавливали лес. В те времена люди вместе со своими семьями и родственниками жили в достатке и счастье. Отношение жителей друг к другу было превосходным. Семьи, родственники, соседи садились вместе за стол, пили чай, вели беседы. В сущности, в Ходжалы многие приходились друг другу родственниками. Жизнь в поселке была наполнена умиротворением и спокойствием, радостью и счастьем. Благодаря своей уникальной природе, воде, воздуху и плодородной почве Ходжалы был подобен раю на земле. Весна, лето, осень и зима – то есть все времена года – в Ходжалы тоже отличались от других областей Азербайджана. Когда в наш край приходила весна, распускались нарциссы, фиалки и подснежники, их аромат доставлял наслаждение всем жителям. Летом климат был умеренный – золотая середина, которая была по душе всем жителям. А какая в поселке была плодородная земля – ведь она давала урожай трижды в год, и благодаря ей семьи могли получить все, в чем они нуждались в течение года. Каждый год в третью декаду марта мы отмечали праздник Новруз¹, и сразу после него сажали картофель, тем самым открывая новый сельскохозяйственный сезон. В мае мы уже собирали урожай картофеля, и после этого начинали сажать другие овощи. Летом же люди в своих огородах выращивали помидоры, перец, фа-

¹ Новруз, Новруз байрам – один из важнейших национальных праздников в Азербайджане и связан с наступлением Нового года по астрономическому календарю (прим. перев.)

соль, капусту, баклажаны и прочие необходимые овощи. Деревенские жители привозили все это на рынок Ходжалы и продавали.

Насколько плодородной была земля в Ходжалы, настолько обильными были и воды. В Ходжалы находилось много родников – Рахим, Ахмет, Намаз, Кетик – вот те, что первыми пришли мне в голову... Эти родники и источники были очень важны для людей Ходжалы, каждый из них по-особенному. В Ходжалы находилась начальная школа, где мы учились первые три года. Были также несколько детских садов. Таким образом, несмотря на то что Ходжалы был довольно небольшим поселком, в нем была вся необходимая инфраструктура, а у нас, его жителей, было много разных возможностей. В Ходжалы построили хлебозавод, а позже у главной дороги начали строить большую телефонную станцию. Однако ее строительство так и не было завершено. Ходжалы разделялся на три района рекой Гаргар и кладбищем, и в каждом из этих районов были свои магазины, библиотеки и киоски с прессой.

Нагорно-Карабахский регион Азербайджана в 1923 году при содействии советского правительства получил статус автономной области. В период существования Азербайджанской Советской Социалистической Республики, у Нагорного Карабаха в Парламенте СССР был собственный представитель армянской национальности.

Армянское руководство, заручившись поддержкой советского правительства, в 1923-1988 гг. проводило политику притеснения азербайджанского населения. В тот период Ходжалы относился к Аскеранскому району. С точки зрения географического положения Ходжалы располагается между Аскераном и центром Нагорно-Карабахской автономной области городом Ханкенди. С одной стороны, от Ходжалы находились леса, а с другой его окружали деревни, населенные армянами. Стратегическая важность Ходжалы была связана с аэродромом, располагавшимся рядом, и дорожной магистралью Агдам-Шуша, Агдам-Лачин, Аскеран-Ханкенди и Агдам-Ханкенди. Все эти направления проходили через Ходжалы.

Жители нашего поселка всегда были очень радушными, скромными, приветливыми. Особенно это проявлялось во время национальных и религиозных праздников, когда все ходили друг к другу в гости и отмечали наступление того или иного праздника.

Празднованию же Новруза в Ходжалы придавали особое значение. Во время него все зажигали костер перед своими домами, родственники и соседи обменивались подарками, девушки и невесты подготавливали подносы со сладостями и печеньями и украшали их молодой зеленью. В каждом доме готовили праздничный плов и сладости. Все собирались большими семьями и отмечали Новруз. Девушки в среду накануне праздника не спали до утра, всю ночь бодрствовали и рано утром шли купаться в роднике. Дети же тайно закидывали свои шапочки в окна домов и получали их обратно, наполненные подарками. В нашем поселке праздники проходили в совершенно особой атмосфере.

В лесах перед Ходжалы росло много елей и других вечнозеленых деревьев. Зима в Ходжалы была снежной. Из-за того что город находился в горном районе, снега выпадало много. Местные ребятишки очень радовались снегу, играли в снежки и лепили снеговиков. Лето в Ходжалы было жарким, осень дождливой. Каждый занимался своим делом, и никому даже в голову не приходило причинить комунибудь вред. На свадьбах и похоронах все жители поселка объединялись, оказывали всевозможную помощь и поддержку друг другу. Материальное положение жителей Ходжалы в тот период было очень неплохим. У каждой семьи был собственный сад, имущество и скот, кур, тандыр. Бабушки месили тесто и выпекали в тандыре лепешки. Они смазывали их сверху желтком, и готовый хлеб получался желтого-прежелтого цвета. Запах свежее испеченного в тандыре хлеба действительно мог опьянить любого человека.

Мое детство

Я родилась 12 января 1972 года в Ходжалы и была старшим ребенком в семье. Потом на свет появились еще три моих брата. Мой отец был рабочим, а мама – домохозяйкой. Бабушка тоже жила с нами, мы были скромной и крепкой семьей. Отец уделял мне больше внимания, потому что я была его единственной дочерью. Мой папа рано потерял своего отца, мы совсем не застали деда. Вторая бабушка жила не с нами, а в городе Агдам, находившемся неподалеку. Когда мне было примерно 6-7 лет, папа работал на бетонном заводе в Аскеране. Дед по матери в те времена работал шофером. Мои мама и бабушка занимались домом и садом. Мы пасли на своем поле скот, разводили кур. Мой отец так сильно уважал родителей матери, словно был их родным сыном. Мы были очень скромной и добродетельной семьей.

Первого сентября 1979 года я пошла в первый класс начальной школы в Ходжалы. Мои школьные годы были незабываемыми. Мама одевала меня в чистые и выглаженные платья, расчесывала волосы, заплетала косы и повязывала белые ленточки. У меня была школьная форма черного цвета с белым передником. Моя первая учительница очень любила меня. Ее звали Хамаил. Впоследствии она погибнет во время военных действий. Она была замечательным человеком – не выбирала себе любимчиков, часто водила нас на экскурсии, не уставая повторять: «Хорошо поучимся, узнаем еще больше интересного». Хамаил все время говорила нам, чтобы мы хорошо учились на пятерки, чтобы в дальнейшем обязательно получить хорошее высшее образование и могли по ее наставлению стать теми, кто словом и делом создавал бы будущее Ходжалы. Всю начальную школу я училась на одни пятерки.

В средней школе учиться стало сложнее. Папа постоянно помогал мне с домашними заданиями. Он все время говорил: «Ты моя единственная дочь, учись прилежно, я отправлю тебя в университет». К сожалению, отцу оказалось не суждено увидеть меня взрослой. В 1985 году ему сделали операцию на сердце. В те времена к врачам мы ездили в главный город Нагорно-Карабахской автономной области - в Ханкенди. 31 января моего отца положили в больницу, а уже 1 февраля ему сделали операцию. Армянские врачи ничего не сказали моей маме о состоянии отца. На следующий день был большой снегопад, мы сидели дома и ждали новостей от отца. И вот домой пришла мама. Рыдая, она рассказала нам, что отца не стало. Моему папе на тот момент было около 35-36 лет. Мне же было 13, моему брату Эльшаду - 12, Эльману - 9, а Ильденизу - 8 лет. После смерти отца главой семьи стал дедушка, который работал, чтобы прокормить нас. В то время он был сторожем. Мой дед был искренним и открытым человеком и очень трепетно относился ко всем своим внукам.

В 1988 году, окончив лицей, решила, что должна помогать матери и деду. Я все время твердила: «Мне обязательно нужно работать». Когда в нашем поселке построили текстильную фабрику, я устроилась туда. Полгода проработала там, и вдруг узнала, что на телефонную станцию в отдел телефонных переговоров набирают персонал по результатам экзаменов. Я успешно сдала эти экзамены и стала телефонисткой. Очень часто после дневных смен оставалась работать и в ночные. Работа телефонисткой - не из легких. Необходимо было со всеми людьми находить общий язык, всегда улыбаться при общении с ними. Условия работы тоже были не самыми лучшими для 17-летней девушки. Когда я получила свою первую зарплату, то прибежала к деду и радостно сказала: «Я получила зарплату, и всю ее отдаю тебе, дорогой дедушка!» У деда слезы навернулись на глаза, он поцеловал деньги, поднес их к глазам и обратился к Аллаху: «О, Аллах, благодарю тебя за то, что подарил мне внучку-кормилицу». Это растрогало меня. Я вспомнила отца и подумала, что если бы он был жив, то не разрешил бы мне работать, потому что он хотел любой ценой дать мне, своей единственной дочери, высшее образование.

Пусть зарабатывала я немного, все равно это была ощутимая помощь семье. У нас был средний достаток, особых материальных проблем не

было. Дед работал, мама и бабушка обрабатывали наше поле. Мои братья еще не закончили учиться. Старший из братьев учился в городе Шуша в профессиональном училище, а младшие – в общеобразовательном лицее. В тот период я делала все возможное, чтобы помочь матери, особенно сильно я старалась потому, что она потеряла моего отца.

Но вот до Ходжалы дошли слухи о том, что Армения хочет присоединить к себе Нагорный Карабах. Мы в то время смеялись над этой новостью, потому что знали, что Нагорный Карабах принадлежит Азербайджану. Однако оказалось, что армяне уже очень давно на своих тайных собраниях планировали захватить Нагорный Карабах. Первое нападение армян произошло еще 17 сентября 1988 года армяне атаковали Ходжалы со стороны столицы Нагорно-Карабахской автономной области Ханкенди, то есть со стороны аэродрома. Жители Ходжалы, вооружившись охотничьими ружьями, топорами и всем, что они смогли найти, встали на защиту родной земли, отбили атаку и отбросили армян. В те дни армянские дашнаки² стали закидывать камнями транспорт, двигавшийся по трассе Агдам-Шуша через центр города Аскеран.

Дед все время говаривал: «Не может быть, чтобы армяне решились на захват Нагорного Карабаха! Этого не может быть». Действительно, мы, жители Ходжалы, и подумать не могли, что армяне окажутся такими хитроумными предателями. Я каждый день ходила на работу, дед продолжал работать сторожем на кладбище в одном из окраинных районов Ходжалы. Бабушка постоянно предупреждала деда: «Не работай уже, увольняйся оттуда, в одну из ночей армяне тебя застрелят!» Дед же на это отвечал: «Армяне не смогут убить человека, они не посмеют». Да и откуда нам было знать, что предатели-армяне тайно планируют на своих собраниях? Тем не менее каждый день мы слышали новости о том, что в Ханкенди армяне устраивают демонстрации и митинги. В свою очередь азербайджанцы стали покидать Ханкенди, центр Нагорно-Карабахской автономной области. Дед же все твердил: «Не бойтесь, если что-то серьезное случится, я вас защищу и не позволю даже волосу упасть с вашей головы». Тем временем ситуация постепенно ухудшалась. Армяне закидывали камнями весь наш транспорт, едущий по трассам Агдам-Шуша и Агдам-Ходжалы через Аскеран. Но храбрые и

2 Дашнаки (разг.) – члены Армянской революционной федерации Дашнакцутюн, армянской политической партии (прим. переводчика)

бесстрашные сыны Ходжалы каждый раз давали армянам достойный ответ. Обстановка потихоньку накалялась. Дошло до того, что в 1989 году несколько машин жителей Ходжалы обстреляли. С ростом напряженности люди стали все более осторожными. Бабушка по отцу все время предлагала моей маме: «Отправляй детей сюда, пусть поживут у меня, у вас там слишком опасно, армяне слишком близко». При этом мой дед сказал: «Если хотите, поезжайте в Агдам, какое-то время побудьте там», однако мы не собирались покидать родной город.

Дни шли, ситуация не улучшалась. В начале 1990 года армяне стали организовывать митинги на улице и всюду развешивали плакаты с надписями: «Нагорный Карабах принадлежит Армении». 9 мая 1990 года дед умер от удара электричеством. После его гибели мы словно осиротели. Страх и волнение, поселившиеся в моей душе, стали еще сильнее. Я продолжала каждый день ходить на работу, мои братья так же учились в школе. Доля моей матери стала еще тяжелее – теперь все лежало на ее хрупких плечах: она следила за домом и садом, ухаживала за домашними животными. Ее мать старалась ей помочь, мой брат Эльшад тоже помогал ей. Самый младший из братьев пас скот. Мы очень боялись армянских выстрелов, они были слышны по ночам. Жители Ходжалы вынуждены были постоянно быть настороже из-за всех этих событий. В 1990 году из добровольцев были сформированы группы обороны Ходжалы, потому что в те дни армяне уже абсолютно открыто готовились к военным действиям. Мы, жители Ходжалы, очень четко стали понимать всю серьезность ситуации. Я все так же продолжала ходить на работу каждый день. На телефонной станции установили дополнительные антенны. Мы, телефонистки, каждый день передавали в Агдам, Шушу и Баку сообщения о том, что армяне с каждым днем все больше вооружаются и каждую ночь обстреливают Ходжалы. Хотя мы и отправляли эти сообщения, но отправить помощь в Ходжалы было невозможно. На тот момент военачальником аэродрома был Элиф Хаджиев. Так как атаки армян усиливались, командир Элиф собрал парней Ходжалы. Для отражения этих атак были сформированы как небольшие группы добровольцев, так и отряды полиции, что подчинялись Элифу Хаджиеву. Но, к сожалению, им очень не хватало оружия и обмундирования. Осенью 1990 года из Баку в Ходжалы была отправлена рота из 27 человек под командованием Акила Кулиева.

Армяне продолжали каждую ночь открывать перекрестный огонь по Ходжалы из пулеметов и автоматов Калашникова. Ситуация ухудшалась, с каждым днем количество атак со стороны Армении увеличивалось. Добровольные защитники Ходжалы храбро сражались без сна и отдыха. Мы, операторы телефонной станции, сменяли друг друга на посту и каждый день сообщали в Агдам об ухудшении обстановки в Ходжалы. А как нам было оставаться стойкими без оружия и боеприпасов? Армяне ночами обстреливали Ходжалы из ракетниц и пулеметов. Как нам было отражать удары такого сильного оружия? По ночам дети, женщины и старики вынуждены были прятаться в подвалах от постоянных атак армян. Там жители поселка проводили почти каждую ночь.

Незадолго до всех этих событий Ходжалы получил статус города и разросся. Были построены девятиэтажные дома, большая больница. Более того, для азербайджанцев-беженцев из Армении были построены жилища, в которые их и поселили. В верхней части Ходжалы построили такие же дома и отдали их тюркам-месхетинцам, бежавшим из Узбекистана. За счет этого переселения месхетинцев население Ходжалы увеличилось. На главной магистрали Ходжалы строилось новое здание телефонной станции. Но на тот момент нас уже не интересовали ни новые дома, ни больница, мы стремились лишь сделать все возможное для того, чтобы отстоять Ходжалы и дать отпор армянам. Население Ходжалы жило в страхе и волнении. Как-то в центре Аскерана машину азербайджанцев из Ходжалы обстреляли, и два ходжалинца погибли. В то время Ходжалы день ото дня увядал, словно роза. На лицах жителей можно было заметить скорбь, страх и волнение, но никто и не заикался о том, чтобы покинуть родную землю, свои дома. Как могли мы покинуть и оставить армянам дома, что мы, коренное население, строили в поте лица? Да, нас пугали атаки армян, обстреливающих наши земли из пулеметов и ракетниц, однако ни одному из ходжалинцев и в голову не приходила мысль покинуть родные края. Мы старались выдержать, вытерпеть все эти испытания. Солдаты из отрядов обороны каждую ночь вставали на свои посты, женщины, дети и старики до утра прятались от бомбежек в подвалах.

Ходжалы под осадой

С первого ноября 1991 года все дороги в Ходжалы были перекрыты, и город полностью перешел на осадное положение. Обстановка с каждым днем ухудшалась, продукты в лавках быстро заканчивались. В какой-то момент стало сложно найти даже хлеб. В этой непростой ситуации глава Ходжалинской администрации Эльман Маммедов запросил из столицы вертолет, чтобы эвакуировать женщин, пожилых людей и детей. В декабре в Ходжалы три или четыре раза прилетал вертолет, и на нем вывезли из поселка много стариков, детей и женщин. В то время никто из моей семьи даже на аэродром не пошел. У меня и мысли не было оставить работу и покинуть Ходжалы. Моя мать готовила еду для добровольцев Акила Кулиева, и даже не помышляла о том, чтобы уехать из Ходжалы.

Вскоре для жителей поселка наступили очень сложные времена. Люди по ночам почти не спали, целыми днями работали. Армяне отключили нам электричество, поэтому нам пришлось перевести генератор на телефонной станции на дизельное топливо, чтобы обеспечить хотя бы какую-то связь с внешним миром – ведь телефонная станция – это единственное, что связывало нас с миром. Если бы связь оборвалась, мы не смогли бы ни принять, ни передать сообщения. Я не боялась, каждый день ходила на работу – ведь очень сильно любила то, чем занималась. В один из дней, когда я работала в ночную смену, зазвонил телефон. Немедленно сняв трубку, я услышала мужской голос. Мужчина грубо закричал, что мне осталось недолго, что он уничтожит наш род и сожжет нас. Придя домой, я рассказала матери о звонке, о том, что армяне угрожают нас сжечь, меня это очень напугало. Затем я рассказала об этом Элифу Хаджиеву, а он стал успокаивать:

- Ты что, испугалась слов этого грубияна?

- Очень, - ответила я.

- Так не бойся, мы еще не умерли! Будь храброй, ты же телефонистка!

Слова Элифа Хаджиева меня воодушевили. Народ Ходжалы очень верил в Элифа, потому что он был настоящим мужчиной - не боялся, не уставал; более того - ходил в населенные армянами пункты на разведку. Часто заходил он и к нам на телефонную станцию, расспрашивал о ситуации, новостях, о том, кто звонил. Еще он постоянно звонил в Агдам, чтобы попросить оружие, еду и помощь.

В Ходжалы тем временем стала ощущаться нехватка припасов. Жители резали крупный и мелкий скот, кур, ели что придется. Помню, как с вертолета сбросили мешки с едой, но вертолет почти сразу улетел, потому что армяне стреляли по подлетающим к поселку вертолетам. Несмотря на голод, наши добровольцы днями и ночами находились на позициях. Мы же, телефонистки, были на своем посту - телефонной станции. Нас осталось четверо - я, Гюльбахар, тетушки Гюльшен и Рейхан. По очереди мы дежурили на станции, ведь очень важно было не прерывать связь.

Каждый раз, когда я возвращалась с дежурства, пожилые люди меня спрашивали: «Солнышко, не было сегодня новостей? Не знаешь, когда дороги откроют и вернут электричество?» Я не могла подобрать слов, чтобы ответить им, говорила только: «Был звонок из Агдама, осталось недолго, потерпите чуть-чуть, скоро дороги разблокируют!»

С каждым днем в Ходжалы становилось все хуже, заканчивались еда, хлеб, оружие и боеприпасы. Мы оказались в безвыходном положении. Как то раз Эльман Маммедов принес из Агдама какое-то оружие, патроны и муки. Муку отнесли на хлебозавод, там сделали из нее тесто и раздали семьям - на человека пришлось полкилограмма теста. Я такое видела только в фильмах про Великую Отечественную войну! Но, однако же, теперь и мы оказались в подобной ситуации.

Армяне причинили нам много бед - дороги были перекрыты, электричества нет, оружия у нас не было. Мы оказались на самом что ни на есть военном положении. Я очень переживала, не находила себе места. Шла на работу - и меня охватывал страх, приходила домой - сразу на душе становилось беспокойно. Еще я очень переживала и расстраивалась из-за мамы. Как только начинался какой-нибудь шум,

она начинала нас звать, собирала вокруг себя, все время говорила нам не бояться, обещала нас четверых отправить на вертолете в Агдам к бабушке, как только появится возможность. Я же и думать не могла о том, чтобы оставить мою маму и свою бабушку по маме здесь, но очень волновалась из-за младшего брата Ильдениза, потому что он был самым маленьким в нашей семье. Когда по ночам армяне начинали обстреливать город из ракет Алазань и Град, мои младшие братья сразу прибегали домой. Я понимала, что если бы был жив отец, он бы точно не допустил того, чтобы мы жили в таких опасных условиях. Еще по ночам я тихо плакала из-за матери, она же всем жертвовала ради нас, ведь ей никто не мог помочь, кроме нас – четверых детей – и ее пожилой мамы. Были дни, когда она почти ничего не ела и переживала, что не может нас прокормить. Волновалась она и от того, что не знала, куда нас спрятать от ночных армянских обстрелов. У мамы был родной дядя, который однажды нанял вертолет и перевез свою семью в Агдам. Даже если бы он предложил мне лететь вместе с ним, я бы ни за что на свете не оставила своих родных в Ходжалы.

Когда человек постоянно живет в страхе, он не замечает многого. Я все время думала о маме, бабушке, своих братьях. Если начнется атака или настоящая война, где мы будем искать убежище? Когда я ходила на ночные дежурства на телефонную станцию, мама не отпускала меня одну и ходила вместе со мной. До утра она помогала мне работать, ободряла меня, все время говорила, что эти армяне нам ничего не смогут сделать. Я знаю, что все это она говорила лишь для того, чтобы я не боялась.

Однажды утром я возвращалась домой после дежурства. Перед дверями я увидела две пары солдатских сапог. «Интересно, кто это с утра пораньше пришел к нам?» – подумала я, входя внутрь. Я точно помню, что был конец января. И тут я увидела двух русских солдат, которые ели лепешки с молоком. Моя мама была очень отзывчивым человеком, поэтому, когда она услышала, что солдаты, проходя мимо нашего дома, сказали по-русски «хлеб», она тут же позвала их к нам и накормила. Это были солдаты 366-го советского мотострелкового полка, базировавшегося в Ханкенди. Позже мы узнаем, что данный полк сыграл ключевую роль в оккупации Ходжалы.

После того как русские солдаты ушли, мама сказала, что надо постирать белье добровольцев, которые защищают наш город. Я предложила свою помощь, на что она ответила: «Мы вместе с Адиле постираем все». С Адиле мать работала вместе. Со словами: «Надо постирать и приготовить обед добровольцам», мама ушла. Я тогда только вернулась с ночного дежурства, была невыспавшейся и уставшей, поэтому ненадолго прилегла.

В те дни армянские атаки усилились. Они стали обстреливать город каждую ночь. У нас был сосед Тайип, который, к тому же, приходился дальним родственником матери. Тайип все время звал нас к себе, как только начиналась очередная атака. Его жена, Гекчек, была учительницей. У моих соседей было четверо детей – три дочери и сын, старшая дочь была моей ровесницей. Все наши соседи были замечательными. Напротив нас жили Хасан и Фитат, справа Хюсейн и Сюрейя. Едва услышав первые залпы, мы все бежали в подвал дяди Тайипа.

31 января в Ходжалы опять прилетел вертолет. Он был последним из тех, кому удалось до нас долететь. Забрав на борт нескольких человек, он тут же улетел, потому что армяне могли открыть огонь. Несмотря на то что вертолеты редко до нас добирались, даже это было очень важно для Ходжалы. Мы все сильнее чувствовали, как над нами сгущаются тучи. Залпы орудий непрерывно звучали каждую ночь, в нас все время запускали ракеты Град и Алазань. Было настоящим мучением все ночи напролет прятаться в подвале и дрожать от страха. Ходжалы был под осадой как со стороны Аскерана, так и со стороны деревень, населенных в основном армянами. Каждую ночь со всех четырех сторон по нам стреляли. В те дни был ранен командир добровольцев Акил Кулиев. Очень переживала я и за беременных женщин поселка, за маленьких детей, больных, стариков... Где нам было всех их прятать от ракет Град и Алазань?

Мы были беспомощны и беззащитны под армянской осадой. В начале февраля стало не хватать даже топлива, если бы оно закончилось, мы остались бы без связи с миром. Поэтому жители стали ведрами приносить керосин из своих домов. Это были очень тяжелые дни, жить стало невыносимо.

Была середина февраля. Я уже примерно 10-12 дней была дома. Однажды мама как обычно пришла домой с большим пакетом. На мой

вопрос «Что в пакете?» она ответила, что это одежда добровольцев, которую надо постирать. Эти 27 человек приехали, чтобы нас защитить, и нашей обязанностью было им помогать. Но у нас не было даже стирального порошка! Мама нагрела воды и начала вручную стирать белье. Потом она повесила его перед газовой плитой сушиться. После того как белье высохло, она собрала все в пакет и отдала нам, наказав отнести солдатам и забрать грязные куртки, чтобы постирать и их.

День за днем росло число ракет Град и Алазань, выпущенных по нам. Столкновения становились все более жесткими. Жители поселка не давали армянам войти в Ходжалы. В то время как армяне обстреливали нас из ракет, наши силы самообороны, созданные из добровольцев села, отвечали из автоматов Калашникова. Часто у них не было патронов, чтобы перезарядить оружие, но они не подавали вида, чтобы враг не догадался, и делали все, что могли. Но в сущности даже если бы у нас были солдаты, как нам было отражать армянские атаки без боеприпасов? Враги постоянно доказывали нам силу своего войска. Жители поселка перестали надеяться на помощь правительства и понимали, что ситуация становится еще хуже. Но мы не переставали верить в Божью помощь.

Даже я, молодая девушка, прекрасно понимала, что рано или поздно эта война сильно по нам ударит, потому что все было очевидно. Положение осложнял голод и отсутствие электричества – мы вынуждены были по ночам прятаться от выстрелов в темных подвалах без света. Все это очень пугало нас, неоткуда было ждать помощь и поддержку. В домах не было хлеба. Свет я видела, только придя на работу. У армян были снайперы, и они могли стрелять по нам со стороны леса. Мы все время жили в страхе и понимании того, что каждую секунду ситуация может измениться. Единственное, что мы могли сделать – не спать и быть начеку. Так как все происходило зимой, из-за снега и мороза было еще тяжелее.

В ночь с 24 на 25 февраля я плакала, всюду звонила, звала на помощь, но никакая помощь не пришла. Когда утром возвращалась с дежурства, я увидела, что все от мала до велика собрались на дороге. Никто не спал. Старики спросили, удалось ли передать в Баку сообщение о том, что у нас происходит. Когда я сказала, что передала, они спросили, что ответили из Баку. «Руководство в Баку и Агдаме говорят

нам не торопить события, быть терпеливыми», - передала я им слова лидеров. Старики после моих слов разволновались, сказали, что армяне нас уничтожат. Так как я всю ночь работала то, придя домой, я прилегла на пару часов. Когда взошло солнце, все успокоилось. На улице было морозно. Пусть у нас не было электричества, газовые плиты хорошо отапливали дома. Было тепло, но без электричества мы не могли получать новостей. Не работали телевизор и радио. В тот период Ходжалы очень напоминал мне о годах Великой Отечественной войны. Все мы видели по телевизору военные фильмы, и теперь все то, что в них было, можно было увидеть и у нас в Ходжалы - жизнь в страхе, голод и холод, печальные лица.

Обычно в конце февраля все женщины Ходжалы устраивали большую стирку и уборку, готовились к мартовским праздникам. Все старались как можно лучше справиться с Новруз байрам. Но теперь никто и не думал о подготовке к этому празднику. Было такое ощущение, что для нас теперь все - и даже Новруз байрам - стало просто обычным днем. Но мы еще не знали о том, какая трагедия нас ждет впереди.

Мы просто чувствовали, что добром это не кончится. Ежедневные обстрелы из орудий и ракетниц изрядно подорвали нашу стойкость. 25 февраля в 8-9 вечера все было относительно спокойно. Армяне не стреляли, и наши спокойно ждали. Но это затишье на нас не подействовало - мы пытались понять, что еще армянские предатели готовят против нас. И хотя в тот день все было внешне спокойно, но я очень нервничала. Очень боялась я за моих братьев, маму и бабушку. Я все время думала о том, что мы будем делать, если армяне нападут. Возможно, если бы были живы мой отец и дед, я бы так сильно не переживала.

Ночь с 25 на 26 февраля: Ходжалинский геноцид

В 10 вечера 25 февраля все было достаточно спокойно. Мы были у себя дома, к нам даже пришла соседка Шаркия со своей дочкой Ирадой, мы сидели и разговаривали. С одной стороны, установившееся затишье нас радовало, с другой - вселяло беспокойство, потому что мы никак не могли понять, что замышляют против нас армяне. Однако нам и в голову не приходило, что в эту ночь они нападут на нас. Двое моих братьев были на посту, дома был только самый младший, Ильдениз. На следующий день мне нужно было идти на работу, я хотела поспать, когда тетя Шаркия уйдет домой. Я все время была невыспавшейся и уставшей из-за ночных дежурств. Наконец, Шаркия с дочерью ушли домой, мы начали укладываться, потому что наконец установилось затишье. Я почти засыпала на ходу. Вдруг послышались звуки, было примерно пол-одиннадцатого. Потом начали стрелять из артиллерийских установок - стены дома даже задрожали. После этого армяне с небывалой силой стали обстреливать город ракетами Град и Алазань: казалось, что с неба льется дождь из ракет. Мама сразу же нас собрала и отправила в подвал дяди Тайипа. В подвале кроме нас отсиживались дядя Тайип с семьей, наша соседка Фитат с невесткой и внуками, тетушка Сюрейя с дочерью Саидой и внуками, тетушка Саида со своей дочкой Шейдой. Мы тихо сидели, но звук непрерывающихся выстрелов нас очень пугал. Мы еще ни разу не попадали под настолько сильный обстрел. Мне и другим девушкам - Шейде, Севде, Саиде, Хатыре - было около 17-20 лет. Мне было очень страшно, казалось, что сердце бьется где-то в горле. Я задыхалась от страха. У Хатыры от страха стучали зубы, другие дети плакали. Дядя Тайип сказал: «Похоже, пришел наш конец. Это хорошо не кончится, нас здесь зава-

лит». Все от бессилия плакали. Не прошло даже двух часов с того момента, как мы прибежали в подвал. Сосед Мухаммед открыл дверь и спросил: «Почему вы до сих пор здесь? Армяне подступают к аэродрому, если мы прямо сейчас не окажемся там, они нас здесь всех убьют». В этот момент пришли два моих брата - Эльшад и Эльман. Мама сильно плакала, потому что боялась за нас, своих детей. Мы все вышли из подвала и пошли по обочине асфальтовой дороги в сторону выезда из Ходжалы, но бежать или даже идти ночью было нелегко. Хотя и было очень светло из-за горящих домов и постоянно взрывающихся снарядов. Наконец мы добрались до моста через реку Гаргар и спрятались под ним. Но и там ждать было нельзя.

Да и чего было ждать! Армяне захватили уже половину поселка, это было ясно, что легкую оборону Ходжалы прорвали. Мы все ждали, не желая расставаться с последней надеждой, никто не хотел переходить реку и входить в лес. Как было оставить свою землю врагу? Матери искали своих детей, братья - сестер, никто не хотел входить в реку Гаргар. Как, ну как можно покинуть Ходжалы?! Наши дома, все вещи и, самое важное, могилы предков оставить врагу и убежать? Но у нас не было другого выбора. Все жители Ходжалы были вынуждены в суровую зимнюю ночь подойти к реке Гаргар, войти в ледяную воду, затем пойти в лес, потому что враг был уже слишком близко. Снега было по колено, плач детей и крики матерей разрывали наши сердца. Мы ушли, но наша душа осталась в Ходжалы. Как они посмели заставить нас это сделать морозной зимней ночью, если обычно человек даже птичье гнездо в такое время старается не трогать? Если бы было лето, мы бы не боялись, а эта же холодная зима, что означало - идем на верную смерть. Старики, больные, дети, девушки, невесты - все плакали, невозможно было спокойно это слушать. Если бы кто-то увидел все это, он пришел бы в ужас.

Пока мы стояли у реки, не решаясь в нее войти, мама первая вошла в воду. За ней хотела было зайти моя бабушка, но брат Эльшад не дал ей этого сделать, а на спине перенес ее. Мы все спешно пошли в сторону леса. Было очень тяжело - мы все время забирались на горы, скатывались с них вниз, но продолжали свой путь в лес. Когда я оглянулась, то увидела свой родной город, охваченный пламенем. Когда люди видят родину своих предков, охваченную огнем, их боль словно удваи-

от родителей, каждый старался уцелеть. Пули лились на нас словно дождь, от них негде было спрятаться – армяне подстерегли нас, когда мы были в поле. За час погибло несколько сотен человек. Я оказалась вдали от своих братьев, мамы и бабушки. Я поползла, стараясь спастись, но так и не увидела своих близких. Я была совсем одна. Вдруг в мою правую ногу что-то попало, но я была настолько замерзшей, что не почувствовала боли от пули, попавшей в меня. Я положила голову на землю и забылась, потеряла счет времени. Внезапно я очнулась. Вокруг меня вся земля была застлана телами погибших людей. Всего лишь за несколько часов погибли сотни людей! Я из последних сил поползла. Рядом со мной была женщина с ребенком примерно пяти лет. Через какое-то время она встала, взяла ребенка на руки, но не успела пробежать и пары метров, как армяне выстрелили в нее. Ребенок начал плакать и кричать: «Мама, мама!», но армяне выстрелили и в это несчастное дитя. Когда я это увидела, мне стало очень плохо, сердце чуть было не остановилось. Многие люди вокруг меня в мучениях умирали, я видела, как они отрубали им головы или заживо сжигали. Особенно они мучили тех, кто был в военной форме. Армян не остановило даже то, что уже совсем рассвело. Сколько крови было пролито в ту ночь, сколько людей погибло! Я смотрела на их трупы – замерзшая красная кровь, покрывающая их животы, выглядела словно красное покрывало. Это был страшный, ужасный день. Я попыталась ползти в сторону Агдама, но из-за обстрела не смогла. Еще страшнее становилось из-за десятков трупов вокруг меня. Но я все-таки потихоньку продолжала ползти, и, наконец, увидела своего брата Эльшада. Какая же это была радость! Приблизившись к нему, я поняла, что он ранен – в живот ему попала пуля. Он был бледный, как полотно, и я очень за него испугалась. Вдруг сзади к нам приблизились четверо – среди них я узнала парня по имени Валех, который часто играл в Ходжалы на гитаре, и его беременную жену Саадет. Саадет еле двигалась, Валех без конца ее поторапливал. За ними полз Гамбой с пятилетним сыном. Они не прошли и 7-8 метров, как армяне выстрелили по Саадет, которая умерла на месте – а ведь она была беременная, через два месяца должна была родить ребенка. Безжалостные армянские палачи убили беззащитную беременную женщину... Все мы застыли от ужаса. Мы были в самом центре сражения – если так можно было сказать.

Какое-то время спустя мы услышали приказ сдаваться. «Мы знаем, что у вас нет оружия. Мы не убьем вас, не бойтесь! Мы вас не убьем, обменяем на наших заложников, вставайте!» Мы поняли, что армяне были уже совсем рядом с нами. Кое-как мы поднялись. Армяне приказали положить руки за голову, мы подчинились. Было сложно, но все-таки мы шли по грязи и снегу, держа руки на затылке. Из-за раненой ноги мне тяжело давался каждый шаг. Все выбились из сил. Так мы прошли около трех-четырёх километров и добрались до Аскерана. Находившиеся там армяне стали на нас бросаться, армянки чуть не убили нас - кидали в нас камни, палки; солдаты оскорбляли нас. Потом они приказали нам лечь на землю. Какое-то время мы лежали лицом вниз прямо посередине улицы, после этого нас отвели в дом, который раньше был полицейским участком. Это был ад. Здесь армянские фашисты пытали своих пленников. Я ни разу в жизни больше не сталкивалась и ни от кого не слышала о таких ужасных пытках и издевательствах, как те, которые были в аскеранском полицейском участке. Только Богу известно, сколько всего я пережила там! До того, как попасть туда, я не понимала смысла слова «ад». На грани жизни и смерти за восемь дней я перенесла там столько издевательств, что не раз умирала и воскресала снова. За эти дни я состарилась.

Армяне отвели нас в подвал. Я думала, что из жителей Ходжалы в Аскеране были только мы, но как только я вошла внутрь, я увидела сотни односельчан - девочки, девушки, старики, парни, маленькие дети... Я пришла в ужас от этого. Все плакали, дети рыдали. На лицах людей я видела страх и ненависть. Иногда мне казалось, что это просто сон, при этом сердце стучало так, что я почти задыхалась.

Через какое-то время женщин и мужчин посадили в разные камеры, после этого составили список всех пленников. Потом снова поместили вместе. Среди нас были и армянки, которые когда-то вышли замуж за ходжалинцев. То одну, то другую из них вызывали на допрос, они постоянно шептались на своем языке и посмеивались. Я не знала армянского, поэтому не понимала, о чем они говорят. Спустя какое-то время армянкам принесли подстилки, чтобы они на них сидели, хлеб, горячий чай. Я не была близко знакома с ними, но знала, что они из Ханкенди и жили в финских домах. Пожилую армянку звали Рая, две ее дочери и внучки тоже были здесь. Они совсем не вы-

глядели испуганными, но наши девушки и женщины очень боялись. Очень тяжело и страшно попасть в плен к врагу! В каменной клетке, куда нас бросили, окно было без стекла, задувал ветер, залетал снег, было очень холодно, пол был бетонным. Мы все сидели на этом полу, который был залит водой. Маленькие дети плакали, матери стонали. Дверь постоянно открывалась и закрывалась. Часто вызывали тех армянских девушек, куда-то и зачем-то уводили и наших женщин. В чем я так провинилась, за что мне выпало такое испытание?!. Попасть в плен к врагу - ужасная трагедия. Я стала сама не своя от страха, больше всего боялась за брата, потому что он был не со мной. Я думала о том, что же делать, если Эльшада убьют - ведь я вырастила его, заменила ему отца. Я любила его больше себя и понимала, что если с ним что-то случится, я не смогу жить. Тут армяне принесли нам ведро воды: «Пейте и заткните своих детей!» Мне было очень жаль женщин - враг нас оскорбляет, забирает все украшения и деньги, что у нас были, все время угрожает. У меня оставалась только маленькая сумка, в ней была тысяча русских рублей, золотые часики и еще несколько вещей. Когда мы пробирались через лес, я складывала в нее патроны, которые находила на снегу, чтобы потом отдать их нашим солдатам. Когда один из армян открыл мою сумку, то так закричал, будто зверь какой-то:

- Эй ты, ты что, тоже солдат?

Я молчала. Этот армянин взял все патроны и изо всех сил бросил их мне прямо в лицо. Я очень испугалась. В тот день армяне забрали много денег и ценностей у моих односельчан.

Темнело. Было около 6-7 часов вечера. Стало еще страшнее, каждый раз, когда армяне открывали дверь и светили фонариком нам в лицо, мое сердце уходило в пятки. Вот дверь снова открылась. Армяне втащили раненого внутрь и ушли. Я знала этого человека - это был Вагиф, мужчина средних лет, работал у нас в книжной лавке. Он был очень тяжело ранен и потерял слишком много крови. Казалось, еще чуть-чуть, и его душа отделится от тела. Он все время жаловался, что замерзает, плакал, словно маленький ребенок. Я села у его ног. «Дюрдане, у меня пальцы на ногах отмерзают, сожми их крепко!» обратился он ко мне. Я сделала, как он просил. Приглядевшись, я заметила, что тело Вагифа было усыпано осколками от разорвавшейся мины - оказалось,

что кто-то рядом с ним наступил на нее, и его засыпало осколками. Он стонал: «Замерзаю, здесь очень холодно!»

Что бы я ни делала, не могла избавиться от тревоги за брата. Эльшаду было всего 19 лет, но он был высокого роста, широкоплечий парень, поэтому я боялась, что армяне решат, что он старше своих лет. Мне казалось, что армяне убьют наших мужчин, а нас заставят работать на них, как рабов. Дети плакали от голода, они не могли вынести ни голода, ни холода. Да и как им было понять, что происходит! Вагиф все сильнее дрожал, я пыталась своим дыханием согреть ему ноги. Всем было очень страшно. Среди женщин была Адиле, с которой моя мама когда-то вместе работала. Тетя Адиле все время ободряла меня, повторяла, что армяне быстро нас сдадут. «Тетя Адиле, то есть они нас не убьют?» - спросила ее я. «Нет, не бойся», - ответила она. - «Я видела твою маму на поле, она была ранена. Возможно, она погибла...» Мой мир будто рухнул, я будто сама умерла. Разве можно человеку в таком жутком месте говорить такие новости?! Я заплакала навзрыд, образ мамы стоял у меня перед глазами.

Я жалела себя, не понимая того, кто же у меня остался из близких. Бабушка была уже старой, вероятно, и она погибла. Интересно, что с моими младшими братьями? Мне самой в тот момент хотелось умереть. Я твердила себе: «Вот бы и меня они убили, я больше не хочу жить», ведь я осталась совсем одна. Возможно, они убили и Эльшада! Мне подумалось, что армяне расстреляли всех мужчин. Чем больше я об этом думала, тем больше мне хотелось умереть. Это были очень страшные минуты. Каждый раз, когда открывалась дверь, я цепенела от страха. Армяне выглядели очень устрашающе: все носили длинные бороды и были одеты в черное. И не только я, все женщины очень боялись. Между тем было уже около 3-4 часов утра. Снова открылась дверь, с фонарем в руке зашел армянский солдат и всем раненым велел подойти к выходу. Я даже не шелохнулась. Рядом со мной сидела тетя Мелике, довольно пожилая женщина.

- Дочка, ты же тоже ранена, иди к двери, - прошептала мне она.

- Нет, я никуда не пойду, тетя Мелике, никуда, мне очень страшно!
- ответила я.

Услышав это, тетя Мелике расплакалась:

- Не бойся! Может, они отвезут всех раненых в Агдам!

Снова открылась дверь, на этот раз велели собраться всем женщинам с детьми. Армянин сказал, что их обменяют на заложников в Агдаме. Тетя Мелике сняла платок с головы, разорвала его на две части и одну из них повязала мне на голову, взлохматила мне волосы, а потом взяла с пола грязь и размазала мне по лицу. Когда я спросила, зачем она все это сделала, Мелике ответила:

- Ты же совсем молоденькая, это для того, чтобы ты выглядела старше и некрасивей, чтобы они ничего плохого с тобой не сделали. К тому же ты ранена, ну-ка иди ближе к выходу! Они тебя вместе со всеми отвезут в Агдам.

- Нет, тетя Мелике, я отсюда без брата никуда не пойду. Умру, но без него не уеду! - ответила я.

Тетя Мелике стала меня тянуть к выходу, делать все, чтобы меня скорее отправили в Агдам. Я все прекрасно понимала - что может произойти с двадцатилетней девушкой, попавшей в плен к врагу.

Дверь открылась еще раз. Внутрь вошли двое армянских солдат, забрали Вагифа и ушли. Через какое-то время они вернулись и увели всех женщин с детьми. Тетя Мелике снова стала мне говорить:

- Послушай меня, дочка, не бойся! Они забирают всех, чтобы отвезти в Агдам. Ступай ближе к выходу.

- Тетя Мелике, там еще остались раненные, пойду после них. Ты иди, впереди появилось место, - упиралась я.

Тетя Мелике потихоньку прошла вперед. Не прошло и получаса, как армяне увели еще 6-7 женщин с детьми. Постепенно в камере оставалось все меньше женщин. Наконец, холодная и промозглая камера почти опустела, нас осталось шестеро, и вот-вот за нами должны были прийти.

До рассвета было еще далеко. Несмотря на то что мое положение было очень тяжелым, я повторяла про себя: «Без брата я отсюда не уйду». Я никак не могла перестать думать о нем. Наконец, железная дверь открылась еще раз. Я забилась в угол за дверью. Армяне зашли внутрь, но меня не увидели. «Вставайте, быстрее, шевелитесь!» - кричали они на оставшихся в камере женщин. Всех увели, и я осталась совсем одна, задыхающаяся от ужаса. Сердце колотилось так сильно, что почти выпрыгивало из груди. Я дрожала от страха и холода и думала о том, какой конец меня ждет. Интересно, что они со мной сделают, когда увидят,

что я до сих пор тут? Слова тети Мелике не выходили у меня из головы. Как же она старалась меня защитить! Я тогда до конца не понимала, что значит для двадцатилетней девушки оказаться в руках у армян. Когда нас схватили в лесу, среди нас была армянка примерно 25-26 лет. Я не могла забыть того, с каким презрением она на меня смотрела. Помню, как она показывала на меня пальцем, что-то говорила другим армянкам, а потом они все смеялись. Я не понимала ни слова из их разговора. После этого меня повели в Аскеран, все время оскорбляя и осыпая ударами. Рядом со мной шел Гамбой со своим пятилетним сыном. Армянские солдаты угрожали ему: «Мы тебя изрешетим пулями и ребенка твоего убьем!» Вспоминая все это, я сидела на полу холодной каменной клетки и думала о том, какая смерть меня ждет.

Рассвело. Вокруг все было спокойно. Я сидела и ждала, боясь издать звук. Вдруг железная дверь отворилась, и внутрь зашел пожилой армянин. В руках у него был веник и ведро. Он заметил меня не сразу, только когда начал подметать.

- Что ты тут делаешь? Они что, тебя не увезли? Почему ты осталась тут?! - кричал он.

Я молчала, не в силах произнести ни слова. Мужчина подошел ко мне, наклонился, посмотрел мне прямо в лицо и начал меня бить веником. Он ругался на армянском и что есть силы ударял меня. Он бил так сильно, словно я была не человеком, а каким-то животным. Я сгорбилась, старалась спрятать лицо от ударов.

- Кто тебя здесь оставил? Почему это тебя не увезли? Сейчас я тебя как следует поколочу! - снова кричал он.

Этот мужчина говорил на азербайджанском без акцента, и я очень хорошо его понимала. Он все продолжал меня бить и одновременно задавать мне вопросы, я все так же молчала.

Какое-то время спустя он ушел, но не прошло и пяти минут, как вошли 3-4 армянских солдат. Они на меня очень страшно посмотрели, как будто увидели что-то ужасное. Солдаты задали мне какие-то вопросы, но я ничего не поняла. Один из них подошел ко мне и начал меня избивать своей дубинкой. Этот армянин меня очень сильно побил. Я согнулась под его ударами, когда он прекратил, все тело у меня болело, горело, но я все равно не издала ни звука. В это время внутрь вошел какой-то мужчина и что-то сказал солдату, который меня бил.

Потом он обратился ко мне: «Поднимайся, на выход». Я с большим трудом смогла встать на ноги. Меня отвели в какую-то комнату, где топилась газовая печь. Там было очень жарко. В комнате сидели четверо или пятеро армян. Один из них, высокий и худой мужчина 27-28 лет, указал мне на пол, чтобы я села.

- Ты кто такая? Как тебя зовут? - спросил он.

- Дюрдане.

Он тут же открыл какую-то тетрадь и начал читать записи. Вдруг он от удивления поднял брови:

- Дюрдане, ты что, была телефонисткой?

- Да.

- Сколько тебе лет?

- Двадцать.

- Так, а почему ты осталась? Мы всех женщин и детей отправили в Агдам, а ты, оказывается, тут была. Это для нас очень хорошо.

Услышав эти слова, я очень испугалась. Он что-то сказал остальным, показывая на меня, и все они засмеялись. Мужчина снова спросил меня:

- Почему ты не ушла? Только говори правду!

- У меня никого нет. Папа, мама, братья - все умерли. Остался только один брат да я.

- Хорошо, а где твой брат?

- Он здесь, с остальными мужчинами.

- Так и твой брат здесь? Прекрасно, - сказал он и снова засмеялся. Он смотрел на меня так, словно хотел убить прямо на этом месте. Потом он приказал мне встать, я с трудом поднялась. Армянин увидел рану на моей ноге:

- Что с твоей ногой? У тебя на ботинке кровь.

- Я ранена, в ногу попала пуля.

Он повернулся к остальным мужчинам и что-то сказал. Один из них сразу достал из-за пояса большой нож и приблизился ко мне. Я испугалась - на минуту мне показалось, что он меня сейчас убьет. Армянин сказал мне:

- Протяни ногу ко мне.

Я подумала, что он сейчас мне ее отрежет, но подчинилась. Ножом он разрезал мой ботинок и посмотрел на рану. Возможно, они просто

не поверили тому, что я на самом деле ранена. После этого они ударили меня прямо по ране и стали избивать. Удары дубинок были очень болезненными, но я от страха не издала ни звука. Армянин, что привел меня на допрос, заговорил на азербайджанском:

- Хватит, больше не бейте, она и так ранена. Отведите ее назад в камеру.

Я из последних сил поднялась. Этот высокий и худой армянин повернулся ко мне и сказал:

- Эх, девочка, ты и солдат, и связистка! Я здесь командир, меня зовут Виталий. Я отдам приказ, чтобы тебя не мучили. Пока ты остаешься здесь.

По его приказу меня отвели обратно. Я оказалась одна в ледяной камере, было очень холодно. На ногах у меня ничего не осталось. Когда я выбегала из дома, не успела надеть даже носки, теперь с меня сняли ботинки, и я оказалась босой. Было невероятно холодно, я замерзала от холода, сидя на бетонном полу, покрывшемся коркой льда. Мне было очень страшно, болела голова. Меня так сильно били, что все ныло и болело. На мне осталось только красное платье и куртка. Я думала о том, что стало с мамой, бабушкой и братьями.

Виталий Баласанян был начальником этой тюрьмы. Хорошо, но откуда он узнал, что я была телефонисткой? Почему назвал меня солдатом? Ведь я совсем не солдат! Значит, меня кто-то выдал. Тут я подумала о тех армянках - вдруг это они все рассказали? Они приехали в Ходжалы из Ханкенди, столицы Нагорного Карабаха и вышли замуж за азербайджанцев. Видимо, эти женщины выдали армянам не только меня, а еще сотни людей. Скорее всего, это они сказали, что я телефонистка и солдат, вот поэтому-то Виталий и назвал меня так. Но как же Виталий чисто говорит на азербайджанском! По его речи сложно подумать, что он армянин - армяне в Ханкенди и Аскеране, да и во всем Нагорном Карабахе очень хорошо говорят по-азербайджански. Некоторые азербайджанцы у нас хорошо знают армянский, но я почти ничего не понимала из разговоров солдат - я была слишком маленькой, да и в нашем поселке жило не так много армян, поэтому я совсем не знала их языка.

Меня пугало одиночество. Армяне уже знали, что я телефонистка. Перед глазами проносились картины той страшной ночи. Господи,

никого из наших не осталось, все пострадали! Когда я думала о погибших, я словно сходила с ума – до той ночи я ни разу не видела мертвых. И вот за час я увидела сотни трупов детей, стариков, женщин... Когда я вспоминала их, мое сердце начинало обливаться кровью. Я продолжала волноваться за Эльшада. Интересно, как там наши мужчины, старики, мальчики? Я понимала, что они либо нас обменяют, либо убьют. Вокруг все было тихо, словно не были ни души. Поэтому я решила, что мужчин могли перевезти в другое место, но я бы сошла с ума без Эльшада. Не знала, который был час, но понимала, что было утро 27 февраля. Возможно, было около 10-11 часов. Я не могла придумать, что в таких случаях надо сделать. Мне некого было позвать на помощь, некого спросить. От страха я не вставала с места, к тому же все тело болело. От боли я не могла дотронуться до головы, но было ощущение, что она распухла. «Как же этот народ мог так озвереть?» – думала я. Какому человеку придет в голову поднять руку на беззащитных людей, на женщин? У меня в голове крутилось много разных мыслей, я думала о горящих домах в Ходжалы, которые наш народ строил в поте лица – все они сгорели, все стали пеплом, а те, что не сгорели, достались врагам. Мы убежали, оставив скот запертым. У нас было три коровы и овцы. У одной коровы совсем недавно родился теленок, две другие вот-вот должны были отелиться. Если бы мы только знали, что случится, мы бы отпустили их на волю. Мне было жалко бессловесных животных, а армяне не пожалели даже наших детей, всех расстреляли.

Каждый год в конце февраля – начале марта мы начинали подготовку к Новрузу байраму. За полмесяца до праздника мама ходила за покупками в Агдам или Шушу, чистила и убирала весь дом, выбивала ковры, проветривала дом. В каждом доме полным ходом шла подготовка к празднику. Все замачивали пшеницу в молоке, делали сладкую кавургу³, сушили грецкие орехи и фундук, пекли печенье и пахлаву, но теперь все осталось в прошлом. Ходжалы и все его традиции были уничтожены, все мы были уничтожены – наш народ сломлен, многие погибли, родители потеряли своих детей, мужья – жен, девушки – женихов. Сотни детей осиротели, наш очаг потух, родину

³ Кавурга – традиционное блюдо, которое турки готовят на праздник Новруз-байрам (прим. переводчика)

сравнивали с землей. Все эти мысли разбивали мне сердце. Вдруг открылась дверь и вошел бородатый армянин средних лет, в руках у него было ведро с водой. Он посмотрел на меня и сказал:

- Эй, девочка, пить будешь? Потом не дадут. Если сейчас будешь - дам.

- Нет, я не буду.

Армянин ушел. Дверь так пронзительно скрипела, что казалось, будто кричит человек. От страха я даже от воды отказалась, хотя хотела пить. Прошло какое то время. Вдруг стало очень шумно, я услышала много голосов, потом эти люди закричали. Стало ясно, что это избивают наших мужчин. От этих криков у меня стыла кровь в жилах, я очень беспокоилась за Эльшада - так как понимала, что среди тех мужчин есть и он. Потом услышала выстрелы. Я беспомощно сидела, закрывая уши руками, чтобы не слышать всего этого, потому что помнила, как безжалостно меня били солдаты. Мужчины без остановки кричали больше часа. В конце концов все затихло. Я неподвижно сидела, обхватив колени руками.

Снова с шумом открылась дверь, и вошел широкоплечий мужчина в военной одежде. Он смотрел на меня с ненавистью и презрением. Жестом армянин показал мне, что надо подняться, я еле держалась на ногах. «Подойди», - сказал он по-русски. Я сделала пару шагов, как вдруг почувствовала удар по уху. Он так сильно ударил меня палкой, что я чуть не упала. Этот жестокий армянин разозлился и стал осыпать меня ударами. Я упала, он продолжал меня бить. Я пыталась защитить лицо руками, но этот зверь ударял меня по спине, животу, голове. Один раз он попал мне по лицу, разбив нос, пошла кровь. Наконец, он устал и ушел. Я лежала там, где была, не в силах шевельнуться. Ребра болели, воротничок платья и белая куртка стали красными от крови. Армянин, жестоко избивший меня, был не из Карабаха, потому что все местные армяне понимали по-азербайджански. С большим трудом приподнявшись, я прислонилась к стенке. Я горела от жажды, но от страха не могла издать ни звука. В полу камеры были углубления, если бы там была вода, можно было даже ее выпить. Я дрожала от холода, ноги замерзали, из раненой ноги сочилась кровь, все болело. Наступал вечер. Я боялась даже дышать, мне казалось, что стоит мне громче вздохнуть, как снова откроется дверь и меня опять начнут избивать. Дверь открылась. Внутрь зашли трое бородатых армян в военной форме, один из них спросил:

- Ты хочешь есть?

Я молчала. От страха я не могла вымолвить ни слова, не могла ответить. Армянин, стоявший рядом, спросил:

- Эй, девочка, почему ты не отвечаешь? Ты что, не хочешь есть и пить? Не ответишь - убью.

- Нет, не хочу.

- Да, не хочешь, хорошо. Встань и сними куртку.

Я подумала: «Зачем он говорит, чтобы я сняла куртку?», но вынуждена была подчиниться. Один из армян взял ее и отбросил в дальний угол. У меня зубы стучали от страха. Вдруг они так ударили меня, что я упала. Потом они продолжили бить меня палками и дубинками. Я старалась закрыть лицо, как-то себя защитить от их ударов. Дверь открылась, кто-то вошел и произнес несколько слов на армянском. Я ничего не поняла, но все трое армян тут же ушли. Армянин, который выставил их, подошел ко мне:

- Эй, девочка, ты хочешь что-нибудь?

- Да, можно мне воды?

- Воды? Да, сейчас, - сказал он и вышел.

Через пять минут он вернулся с ведром воды:

- Бери, пей, сколько хочешь.

С этими словами он, засмеявшись, вылил ведро воды мне на голову и ушел. Я зарыдала. Чем я провинилась, что они так надо мной издеваются? Между тем стемнело, задул ветер, и стало еще холоднее. Я была насквозь мокрая. Подолом платья я вытерла кровь с лица, из последних сил добралась до угла камеры и подняла свою куртку. Мужчин не было слышно, все успокоилось. Как только я поняла, что их уже не бьют, я успокоилась. Если бы их били, я бы услышала. Прошло некоторое время, наверно, наступила полночь. Я сидела, прислонившись к стене. Снова открылась эта страшная железная дверь. Было темно, вошедший осветил фонарем мне прямо в лицо:

- Быстро вставай, пришел Виталий, поторапливайся!

Я еле-еле встала на ноги. Держась за стену, я брела к открытой двери. В коридоре горел свет, пол был усыпан осколками стекла и мусором. По стенке я добралась до комнаты с печью и увидела там Виталия. Вместе с ним сидели и другие люди, я их знала - эта семья откуда-то приехала в Ходжалы и снимала дом рядом с телефонной станцией у

дяди Адила. Женщину звали Нарханым, она и ее трое детей сидели на железной кушетке. Увидев меня, они заплакали:

- Бедняжка, что они с тобой сделали!

Я не сдержалась и тоже расплакалась. Тут один из армян прикрикнул на нас:

- А ну-ка замолчали! Мы с вами ничего не делаем, вы и распоясались. Немедленно прекратите, а то пуцу в каждого по пуле.

От страха мы тут же замолчали. Помимо Виталия в комнате было еще двое, они разговаривали друг с другом. Мы с Нарханым и ее детьми довольно долго сидели и ждали. Нарханым смотрела на меня и беззвучно плакала. Мне было очень хорошо рядом с нагретой печью - тело отогревалось, платье постепенно сохло. Но эта жара в то же время сжигала мне сердце. Когда я увидела детей Нарханым, мне стало очень больно. Дети были совсем маленькие, они еще не понимали, кто друг, а кто враг. Нарханым еле слышно прошептала:

- Двоих моих сыновей и мужа от меня отняли, я не знаю, куда их увели. Мои сыновья еще совсем молодые - одному 16, другому 17. Когда они нас поймали, то сказали, что они и мой муж солдаты. Меня чуть не хватил сердечный удар.

- Не бойтесь, тетя Нарханым, мой брат тоже у них в руках. У них сейчас вся власть, только они могут решить убить их или оставить в живых.

Дети Нарханым были очень разговорчивыми, говорили с армянами на чистом русском. Мюрвет все время спрашивал армян про папу и старших братьев, было видно, что мальчик готов пожертвовать собой ради них. Через какое-то время армяне ушли, в комнате кроме нас никого не осталось. Мы наконец могли свободно говорить. Нарханым пристально посмотрела на меня и спросила:

- Тебя не тронули?

- Да, меня много били, тетя Нарханым. Скорее, меня кто-то сдал. Я не уверена, но мне кажется, что это были армянки из Ходжалы. Иначе откуда было им знать, что я телефонистка?

- Ох, дочка, не бери в голову, они тебя скоро обменяют. Не бойся, брату твоему ничего не сделают, возможно, моих сыновей тоже обменяют, - ответила она и заплакала.

В это время в комнату вошел армянин. Мы тут же замолчали, потому что они уже сказали нам, что если мы не будем сидеть тихо, они

нас убьют. Мы еще некое время так сидели, мое платье полностью высохло, а ноги отогрелись. Но вид детей Нарханым разбивал мое сердце. В чем они были виноваты? Той ночью дети видели, как их отцов привязывают к деревьям в лесу и заживо сжигают, сотни детей погибли, потеряли своих родителей. Это невыносимое мучение. Армяне всего за одну ночь причинили нам слишком много страданий! В ту ночь Нарханым и ее детей обменяли на кого-то, слышала, что ее с детьми отвезли в Агдам. Меня оставили в тюрьме - не знаю, почему. Мне сказали, что не обменяют меня, потому что я солдат и телефонистка. Опять я до полуночи сидела одна в холодной и темной камере. Ночью внутрь вошел широкоплечий армянин и позвал меня. Я встала. Было очень темно. Держась за стену, я приблизилась к нему.

- Подойди ближе, иди за мной, да поживее! - приказал он.

Мы шли в самый конец коридора, я хромала и еле попевала за ним. В одной руке армянин держал что-то длинное, похожее на автомобильную шину, в другой - что-то вроде веревки, наверно, нейлоновой... Он вошел в туалет, который был в конце коридора, там было темно и страшно. Я пыталась понять, что он собирается сделать. Армянин поставил фонарь на землю и закричал:

- Иди ближе, руки за спину.

Он связал мне сначала руки, потом ноги.

- Садись на пол. Я сейчас тебя прикончу, как собаку.

Он привязал мою шею к унитазу и начал что есть силы бить. И все время при этом матерился. Когда, наверное, он устал меня бить, то забрал фонарь и ушел. Я осталась, как была, связанной, привязанной за шею к унитазу - и в таком виде оставалась там до самого утра. В ту ночь я совсем не спала.

Наступило утро. Когда я при свете дня увидела этот туалет, мне стало плохо. Это было отвратительное место. Унитаз давно не убрали, пол был залит мочой, запах сводил с ума, у меня от него даже глаза слезились. Вид был ужасный - без дверей и окон, холодное, но в то же время душное помещение. Я провела там довольно много времени. Мое платье полностью испачкалось. Какое-то время спустя внутрь вошел солдат, как оказалось, русский. Он очень удивился, когда увидел меня. Он пришел в туалет. Закончив, свое дело, он подошел ко мне, посмотрел в лицо и по-русски спросил: «Кто тебя здесь привязал? Поче-

му?» - «Не знаю», - только и смогла ответить я. Русский солдат сначала разрезал веревку на моих ногах и руках, потом - на шее. Затем он попросил меня встать. Я не могла сама подняться. Тогда он поддержал меня, чтобы я встала, и приказал идти за ним. Солдат привел меня в светлую натопленную комнату, там уже было двое армян. Русский начал говорить с ними. Видно было, что армяне очень злятся. Потом один из них отвел меня обратно в камеру. Уже наступило утро, все вокруг было тихо, пленников не было слышно. Только я села, как зашел Виталий и позвал меня. Снова с большим трудом я встала и пошла за ним. В комнате сидел бородатый армянин низкого роста. Виталий велел мне сесть на пол. Посмотрев на второго армянина, он обратился ко мне:

- Эй, девочка, это командир Каро. Отвечай на все его вопросы.

Виталий ушел. Каро смерил меня взглядом, полным ненависти. Казалось, если бы это было в его власти, он бы тут же отрубил мне голову. Насколько мне было известно, Каро жил в Аскеране, там его звали «Гроза ходжалинцев». Он хорошо говорил по-азербайджански. За то время, пока я была там, он отрубил много голов, многих расстрелял и покалечил; был очень кровожадным, безжалостным и жестоким человеком. Сейчас он в упор смотрел на меня своим ненавидящим взглядом.

- Эй, девочка, ты была телефонисткой и воевала? Сколько тебе лет? - вдруг нарушил тишину он.

- Мне двадцать, и я была телефонисткой.

Отвечая на его вопросы, я дрожала от страха. Он продолжал спрашивать. Каро сидел за столом, я - на полу. Потом он встал, подошел и дал мне сильную пощечину, я чуть было не упала. Опершись рукой о землю, я с трудом удержалась. Он снова спросил:

- Когда ты шла через лес, ты видела Элифа или Тофика?

- Нет, не видела. Я никого не видела, ни о ком не знаю.

- Меньше слов! Не смей меня обманывать! Я тебя как собаку убью, но так как ты девушка, просто так тебя убить нельзя. Ты можешь нам пригодиться. Если потребуется, мы тебя отправим в Ереван.

Как я поняла, он хотел меня этим запугать.

- Ты поплатишься за то, что ты азербайджанка! Когда нужно будет тебя убить, я прикончу тебя собственными руками, - продолжил он, как вдруг в комнату зашел бородатый мужчина среднего роста с лы-

синой на макушке. Каро обратился к нему, назвав его Монте. Я очень четко помню тот момент. Позднее я узнала, что Монте был одним из самых активных армянских боевиков. После смерти ему присвоили звание «Национальный Герой Армении». Каро показал на меня пальцем и что-то сказал Монте, я не понимала ни слова из их разговора, и мне становилось все страшнее. Чуть погодя Каро повернулся ко мне:

- Девочка, ты воевала или была телефонисткой? По-хорошему тебя бы убить надо, но я тебя не буду убивать, ты еще нам нужна. Монте заберет тебя. Живо вставай и иди за ним, - приказал он.

Мне стало очень страшно от мысли о том, что меня переведут в другое место. Каро ушел. Я осталась одна в комнате с главарем АСАЛА⁴ Монте Мелконяном. Он знал азербайджанский. Я стояла босиком на полу, в комнате было холодно. Как только Каро ушел, Монте сказал мне: «Шевелись, иди за мной!» Я последовала за ним. Он посадил меня в машину и отвез в какую-то деревню, которую я никогда раньше не видела. Он всё время смотрел на меня через боковое зеркало, пока мы ехали по разбитым дорогам. Монте спросил меня: «Как тебя зовут?» - «Дюрдане», - ответила я. Время шло к полудню. Монте остановил машину перед каким-то домом и заставил меня выйти из машины. Мне было тяжело передвигаться, но я подчинилась. Он указал на дверь, открыл ее и втолкнул меня внутрь. Дом был небольшой, с разбитыми стёклами и разохшейся дверью. В доме было две комнаты и застекленный балкон, я к нему сразу подошла и увидела телевизор, стоявший на столе. В комнате стоял диван и кровать с одеялом и подушками, накрытая покрывалом. Монте зашел следом за мной. Сначала он поставил на стол сумку, которую принес из машины, потом снял куртку. Я все это время молча стояла в углу комнаты. Монте снял сапоги, затопил печь и велел мне сесть возле нее.

Я подошла к печи. Монте достал из пакета бутылку и газетный сверток и поставил все это на стол. Сходив за тарелкой, он распаковал все пакеты и разложил их содержимое на тарелке. Я же думала о том, кто этот молчаливый армянский солдат и что за пытки он мне готовит - потому что я не ждала от них ничего хорошего, ведь они и понятия не имели о том, что такое добро и справедливость. Он постоянно

⁴ АСАЛА (Армянская Секретная Армия Освобождения Армении) - армянская террористическая организация, осуществившая теракты в США, Франции, Турции и в Азербайджане. Годы активности 1975-1995-е годы (Прим. переводчика)

краем глаза следил за мной. Когда я увидела, что он достал бутылку, я задрожала от страха, потому что поняла, что это водка. Он положил на тарелку соленья и три куска вареного мяса, сходил за стаканом. Подкинув в печь дров, он положил сверху четыре картофелины и сел за стол. Монте ломал хлеб на куски и ел его с солеными овощами и мясом, запивая все это водкой. Я смотрела в пол и пыталась понять, зачем он меня сюда привез. Монте поел и ушел в сад – как оказалось, за дровами и еще одной бутылкой водки. Поставив ее на стол, он подошел к печи перевернуть картошку.

- Эй, девочка, будешь водку? – спросил он, посмотрев на меня.

- Нет.

- А картошку?

- Нет.

Тогда он собрал полусырые картофелины и, словно дикий зверь, запихал их себе в рот. Потом он снял обувь и ремень. Мне подумалось о том, что раньше и в голову не приходило. Когда он снимал ремень, он посмотрел на меня – я поняла, что он был уже очень пьяным. За какую-то секунду этот молчаливый мужчина превратился для меня в Азраила⁵. Он покосился на меня:

- Ты была знакома с Элифом?

- Да, я его знала.

- Он работал на аэродроме, как мне известно, но я не знаю, жив он или нет. Если бы мы его поймали живым, я бы лично отрубил ему голову. Ты видела его в ночь, когда сгорел Ходжалы? Только смотри, говори правду, а то я отрублю тебе голову, а тело скормлю собакам!

- Я не видела Элифа в ту ночь, - ответила я.

Не успела я это сказать, как он вскочил на ноги, схватил ремень и начал меня стегать пряжкой, попутно осыпая бранью. Всего за час, превратившись в самое настоящее дикое животное, Монте стал вымещать на мне всю ненависть к Азербайджану.

- Ах ты грязное животное, ну-ка немедленно снимай платье, да поживее! А то прямо сейчас прикончу, - что есть силы кричал он на меня.

- Пожалуйста, я прошу, не надо! Пожалейте меня, в чем я провинилась?

5 Азраил – Ангел смерти в Исламе и Иудаизме (Прим. перевод.)

- Я сказал тебе встать, раздевайся! - не унимался он.

Я упала на пол, он попытался стянуть с меня одежду. Сорвав платье, он начал бить меня по голому телу. Монте бил так сильно, что сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди. Он таскал меня за волосы по комнатам и чего только не вытворял... Я впала в забытие, сейчас уже и не знаю, как долго он продолжал меня мучить. Мне было холодно. Когда я открыла глаза, то увидела у него в руках ведро с водой. Он столько на меня вылил воды, что она стекала с меня. Поняв, что я пришла в себя, он снова стал меня оскорблять. Наконец, он лег на диван и закурил. Мне было не по себе от его взгляда, полного ненависти. Я свернулась калачиком на полу и стала ждать. Монте бросил мне платье: «Одевайся!» - по-русски приказал он. Мое тело нестерпимо болело от ударов, особенно голова, живот и раненая нога. Кое-как натянув на себя платье, я попыталась сесть. Этот зверь около часа пролежал на диване, потом встал, обулся и повернулся ко мне:

- Если бы ты не была нужна Виталию, я бы тебя прямо на этом месте убил! Говорят, ты воевала против нас, стреляла по нашим, а еще на телефонной станции работала, держала связь с вашими солдатами... Сейчас же поднимайся, я тебя отвезу обратно.

У меня уже не оставалось сил, но пришлось встать, ноги сильно дрожали. Как бы мне ни было тяжело, пришлось идти за этим зверем.

Он показал на машину и гаркнул:

- Быстро села!

Монте отвез меня назад и отвел в ту же камеру, в которой я была до этого. А его ждали Каро и Виталий. Монте стал им что-то рассказывать, они громко смеялись. Даже в моей камере был слышен их смех. Я свернулась на полу калачиком и горько заплакала. Все эти издевательства и избиения для меня были равны смерти. Когда кто-нибудь из армян на что-то злился или просто был в плохом настроении, он приходил и вымещал всю злость на мне или на наших мужчинах. Только я об этом подумала, как опять услышала крики односельчан, их снова били. Они так громко кричали, что мне стало за них особенно страшно, подумалось, что их хотят убить. наших мужчин - и моего брата тоже! - так мучили каждый день. Чтобы не слышать ничего, я закрыла уши руками, ведь все они были мне родными, почти частью меня. Мужчины кричали больше часа, а потом вдруг резко все

затихло. Я поняла, что армяне устали. Дверь открылась, и армянин жестом показал мне, чтобы я шла за ним. Снова, как и ранее, идя по коридору, я держалась за стенку. Когда я зашла в комнату, увидела, что Виталий курил, а Каро пил чай. Заметив меня, Каро сказал:

- Садись, девочка, дорогая, - и показал мне на пол возле двери. Я села. По Каро было видно, что он устал после того, что сделал с нашими мужчинами. К тому же, он явно был очень рассержен. Поставив стакан чая на стол, он посмотрел на меня:

- Девочка, ты знаешь, что у нас здесь около 70-80 ваших мужчин? Ты здесь единственная женщина. Мы тебя никуда не отдадим, ты нам очень пригодишься. Ну-ка, скажи, тебе страшно или тут все-таки лучше?

Все засмеялись, я же молча смотрела на пол и дрожала от страха. Он снова крикнул на меня:

- Боишься? Немедленно отвечай!

Я сказала, что не знаю.

Виталий подозвал сторожа:

- Манвель! Манвель, иди сюда, отведи эту девочку обратно в камеру.

Сторож с фонарем в руке сказал мне, чтобы я пошла за ним. Я встала и вышла в коридор и снова оказалась в темной камере. Сторож запер дверь, а я ничком рухнула на пол - я не могла даже сидеть от боли. Была уже ночь, но мне не спалось. Да и разве может спокойно уснуть человек, который перенес столько издевательств? Я вспомнила наш дом, как по вечерам мы ужинали и смотрели телевизор. Потом мама расправляла нам кровати, и мы засыпали сладким сном. Когда я работала в первую смену, я вставала очень рано, но если работала после обеда - мама меня не будила до полудня. В то время я много спала. В ночь на 26 февраля я хотела было прилечь, но враги-армяне не дали мне это сделать. Они разрушили всю нашу жизнь. Когда я думала о зверствах, учиненных над нами, казалось, что я схожу с ума. Умереть все-таки не так плохо, как кажется. Если бы только я погибла еще в лесу, я бы не оказалась в руках этих зверей.

Силы были на исходе, и, несмотря на боль и переживания, я провалилась в сон. Я так глубоко провалилась в сон, что бетонный пол казался мне периной. Меня разбудил скрип двери, я тут же села и увидела, что в камеру вошел Каро. Он понял, что я спала, рассердился и

так посмотрел на меня, что мне стало не по себе от страха. Он с таким видом подошел ко мне, словно собирался тут же убить меня.

- Это что, ты тут решила отдохнуть? Ишь, разлеглась! Быстро вста- ла! Нельзя нам тебя оставлять в покое, - закричал он.

Одной рукой он бил меня по щекам, в другой держал деревянную палку и стал ударять ею меня со всей силы. Все тело болело, но я не позволяла себе кричать - боялась, что меня услышат наши мужчины. Боже мой, зачем они так издевались над невинной девочкой! Я спо- койно спала, как вдруг в самый темный час ночи они врываются и тут же начинают меня бить. Каро так сильно бил меня, что в какой-то момент совсем устал и присел на пол:

- Ну-ка встала и убралась отсюда! - приказал он.

Я выползла в коридор и прислонилась к стене, а он ушел в комнату с печью. Из раны на ноге опять пошла кровь, боль была просто нестер- пимой. Тело горело от боли... Из комнаты вышел пожилой армянин и указал мне на дверь:

- Внутрь пошла!

Я зашла в камеру, он запер за мной дверь. Голова сильно болела, я не могла даже дотронуться до нее. Каро так сильно бил по ней, что теперь она постоянно болела. Вдруг я услышала выстрелы, причем в этот раз где-то совсем рядом. Мне показалось, что звук шел из подвала, стреляли явно из калашникова, примерно 20-30 раз. Мне было очень страшно - я боялась не столько за себя, сколько за брата, что если Эль- шада и других ребят застрелили? Я задыхалась от слез. Прошло како- е-то время, и пожилой армянин открыл дверь:

- Эй, девочка, хочешь пить?

- Да, хочу.

Он ушел и вернулся с отвратительного вида ведром, налил из него воду в стакан и протянул мне. Я его залпом выпила и спросила:

- Можно мне еще стакан?

- Да, сейчас.

Я выпила еще стакан воды, у нее был очень неприятный привкус - кажется, это был растаявший снег. Когда я протянула ему стакан, он произнес:

- Все ушли, поэтому я смог тебе принести воды, сейчас мужчин тоже напою. Я съел много азербайджанского хлеба, надо же как-то за это от-

платить. Ваши люди были очень добры ко мне, и забыть этого не могу. Если ты еще хочешь пить – скажи, но хлеба нет, если бы был – я принёс.

- Я больше ничего не хочу. Вот только скажи – я только что слышала где-то совсем рядом выстрелы, – начала было я.

- Да, Каро побил какого-то парня, а потом застрелил, бедняга погиб. Он был высокий, кудрявый, голубоглазый... Только никому не говори, что я тебе это всё рассказал, а то они меня выгонят или вообще убьют. Вы, азербайджанцы, хорошие люди... Ладно, мне пора идти.

- Спасибо за воду, – поблагодарила я.

Мужчина вышел и запер за собой дверь. Я зарыдала – кто же этот убитый? Но еще я радовалась. Радовалась потому, что он напоит и наших мужчин, избавит их от этой ужасной жажды, мой брат Эльшад тоже попьет воды. Потом я подумала о маме. Интересно, правда, что ее убили? Если это так – что с моими двумя братьями? Что с бабушкой, жива ли она? Если моя мама погибла, у бабушки точно случился сердечный приступ, потому что мама была ее единственным ребенком. Я тоже не смогу жить без мамы... Вдруг до меня донеслись звуки взрывов, это были выстрелы из ракет Алазань и Град – вероятно, стреляли со стороны Агдама. Мне совсем не было страшно. Я мечтала о том, чтобы какая-нибудь одна ракета попала в это здание и тогда мои мучения бы прекратились. Атака длилась примерно два часа. Потом я услышала крики наших мужчин из соседней камеры – враги вымещали на них всю свою злобу. Опять эти звуки, опять эти издевательства, опять крики – я больше не могла это выносить.

Вдруг дверь камеры открылась, и вновь зашли пятеро армян. Они тяжело дышали, словно откуда-то бежали. Все были в черной одежде и держали в руках автоматы Калашникова. Я в это время сидела на полу. Один из них подошел ко мне и, не говоря ни слова, начал бить меня прикладом. Остальные тоже стали меня избивать. Их удары были такими сильными, что я повалилась на пол, словно мертвая, и так лежала некоторое время. Сколько может человек выносить такие издевательства? Они всё продолжали меня бить, а я уже не в силах была пошевелиться, но всё равно никак не умирала, хотя очень хотела. Они ушли, но я всё также, без движения, лежала на полу камеры. Прошло около двух часов, иногда я слышала голоса. Наконец, я с трудом села и прислонилась к стене, моя раненая нога распухла и очень болела. На

моем теле живого места не осталось, всё очень болело.

Дверь снова открылась. Вошел Каро и еще пятеро человек. Каро показал на меня и сказал что-то по-армянски. Я ничего не понимала, услышала только русское слово «связь». Один из армян подошел ко мне, достал из-за пояса большой нож и приставил его к моему горлу. Увидев это, Каро что-то ему сказал, и мужчина сразу убрал нож. Среди вошедших был мужчина в черной одежде, в шапке и с черной бородой. Он приблизился и закричал на меня:

- Мы вас всех уничтожим, весь ваш род! Ну-ка, живо открыла рот, грязное животное!

Он затолкал меня в угол и поднес свою ногу к моему рту, еще раз приказав открыть рот. Он бил меня ногой и приговаривал:

- Вам земля нужна? Жри эту землю! Мало тебе? Мало тебе земли? Жри, я сказал!

Я задышалась, не могла вдохнуть, билась под его ботинком. Наконец он убрал ногу. У меня свело живот, и я закашлялась, а мужчины засмеялись. Зверь, который бил меня ботинком, закричал:

- Ты видела Элифа? Он жив? А Эльмана? Отвечай, я сказал!

Всё, что я могла им ответить: - «Не знаю». Поэтому они продолжали меня мучить. Армяне избивали и наших мужчин в соседней камере. Я старалась не кричать, чтобы односельчане меня не услышали. В конце концов, мужчины вместе с Каро ушли. Уже потом я поняла, что мужчина в черном был их командиром. У меня обильно текла кровь из носа, он был сломан. Я пыталась вытереть кровь подолом платья. Очень болели глаза, потому что меня много били по голове. Я всё время пыталась защитить лицо от ударов - конечно, надежды выбраться отсюда в живых у меня не было, но если бы вдруг меня обменяли, я не хотела, чтобы на лице остались следы, которые напоминали бы об этих ужасных днях.

Темнело. Уже наступил вечер. От страха я не шевелилась, мне казалось, что если я встану или начну двигаться, они придут и начнут меня снова бить. Я очень боялась побоев. Всё тело у меня было в синяках, сильнее всего болел живот. Когда наступила ночь, железная дверь снова с шумом открылась и зашел мужчина в черном плаще, его сопровождал военный с фонарем в руке. Военный толкнул мужчину в плаще в угол камеры и ушел. Мужчина улегся и сразу заснул. Он очень

громко храпел - словно спал на мягкой кровати под теплым одеялом. Сначала я подумала, что это был кто-то из наших, но когда он так быстро и крепко заснул, я засомневалась. От него пахло спиртом, меня тошнило от этого запаха. Я отползла к окну, села, прислонившись к стене, и забылась. Проснувшись я от шума. Было уже утро, в камере стало светло. Оказалось, что этот мужчина - армянин. Он подошел ко мне и что-то спросил на армянском, но я совсем ничего не поняла и ответила: «Я не знаю». Тогда он перешел на мой язык:

- Ты что, азербайджанка? Ах, девочка, я так напился, что даже не заметил, что ты тут есть! Да, я в курсе, что ты из Ходжалы. Ну надо же, я тут спал, а ты одна сидела... Встань-ка, иди сюда, поболтаем немного. Да не бойся ты, я не буду тебя сильно мучить!

Услышав это, я вдруг пронзительно закричала - абсолютно невольно, наверно, от страха, потому что даже когда меня били, я могла сдержаться. В тот момент открылась дверь, и вошел сторож. Он взял армянина за шиворот и вывел из камеры. Он что-то ворчал себе под нос, я разобрала только русское слово «пьяный». Сторож ушел и запер за собой дверь, я осталась одна и могла, наконец, перевести дыхание.

Дверь вновь открылась, и я увидела двух невысоких армян. Один из них увидел, что я сижу и закричал:

- Эй, девочка, ты слепая, что ли? Не видишь, что люди вошли? Немедленно вставай!

Говорящий, словно сочился ядом, - как, впрочем, и все здешние армяне. На лице у него не осталось света, словно он уже был не человеком.

- Как тебя зовут? - продолжил он.

- Дюрдане.

- Сколько тебе лет?

- Двадцать.

- Да, ты совсем молодая, поэтому и держись. Была бы постарше - уже давно бы умерла. Ты воевала и была связисткой, так? Я приехал проверить состояние пленных, я никого не мучаю - просто убиваю. Вот в Ханкенди вчера убил троих мужчин и женщину, потому что они были непослушными. Ты не будешь слушаться - и тебя прикончу! Мы уничтожили ваш Ходжалы, начали оттуда, а теперь возьмем еще Шушу, Агдам и Кельбеджер, а там и на Баку пойдем, - он обернулся к спутникам, - ну-ка, проверь ее руки, если холодные - согрей.

Тут вошел Каро и по-армянски сказал что-то тому мужчине, я опять ничего не поняла. Невысокий мужчина отошел, а Каро схватил меня за руку и потащил в комнату с печью. Двое мужчин пошли за нами. Каро жажал мои пальцы в дверном проеме и начал их сдавливать, я зарыдала, но все равно старалась не кричать. Невысокий мужчина сказал Каро:

- Может, эти руки на печи еще погреть? Пока она горячая.

- Нет, на сегодня с нее хватит, печь на завтра оставим, - ответил тот, и все засмеялись.

У невысокого армянина была с собой длинная и тонкая цепь, и он начал меня хлестать, как вдруг вошел Виталий. Увидев, что меня опять бьют, он сказал Каро:

- Вы что, опять ее побили?

- Да, ей нужна хорошая порка.

- Нет, Каро, хватит - она может умереть, - сказал он. Показав на меня, он попросил невысокого армянина дать мне воды и отвести обратно в камеру.

Армянин выполнил просьбу. Тут я опять услышала, что мужчин начали бить. Я тихо сидела, сердце бешено колотилось - от звуков, доносившихся из соседней камеры, мне все время становилось очень плохо. Я в состоянии была вынести все побои, все издевательства - но только не эти звуки - крики, перемежающиеся звуками ударов. Здесь, в плену, я видела и слышала такое, что раньше мне даже в голову прийти не могло. Сцены пыток, которые я видела только в фильмах, здесь испытала на себе. Можно было только догадываться, что меня еще ждет впереди. Очень хотелось умереть, но я твердила себе: «У меня нет права на смерть», потому что если вдруг нас с Эльшадом обменяют, и выяснится, что мама действительно погибла, только я смогу позаботиться о младших братьях. Если меня убьют - то братья не выживут... Я не могла остановить слез при мыслях об этом. Дверь открылась, и вошел охранник:

- Поднимайся, иди за мной! Поторопись! Ах, только никому не говори, что я тебе сказал, но тебя сейчас никто бить не будет, не бойся! - предупредил он.

«Интересно, куда он меня ведет?» - думала я, пока мы шли по коридорам. Может, меня ведут на допрос?

Мы пришли в комнату с печью, там сидели двое. Посередине комнаты стоял стол, откуда-то принесли стул. В этот момент внутрь вошел Каро и спросил меня:

- Видела когда-нибудь фильмы про войну?

- Я не знаю.

- Иди, садись на стул, - приказал он.

Армяне ввели 12 пленных и стали их бить дубинками и палками. Я попыталась закрыть лицо руками, чтобы не видеть всего этого, всех этих пыток, но один из армян схватил меня за руки, положил их на стол и сильно ударил палкой:

- Еще раз закроешь лицо, я и тебя побью вместе со всеми, - пригрозил он.

Наших мужчин очень жестоко избивали. Я часто зажмурилась, слезы текли, не переставая. Среди мужчин был Мирза - ему выбили оба глаза, он лежал уже словно мертвый. Потом армяне уволокли его. Еще я заметила Валеха, его лицо тоже было все в крови. Всех мужчин, которых привели в себя, забивали насмерть, все уже были без сознания. Безжалостные армяне стреляли им в руки, ноги, колени - чтобы не убить, но как можно сильнее помучить. Пол в комнате был залит кровью, как будто его покрасили в красный цвет.

В конце концов армяне устали. Они отволокли всех мужчин из комнаты, осталась только я. В этот момент внутрь вошел маленький мальчик лет 10-11 с тряпичной сумкой в руке. Он смотрел на меня так, словно я была каким-то диковинным зверьком. Каро показал на меня и сказал несколько слов ребенку, думаю, что-то вроде «это наш враг». Мальчик ушел, а я все так же сидела на стуле.

- Поднимайся, иди в угол, - приказал мне Каро.

Я подчинилась. Каро переставил стол к железной кушетке у двери и указал мне на пол. Армяне сели за стол обедать. Тут один из них швырнул в меня кость:

- На, жри. Ты же просто собака!

Все засмеялись. Каро крикнул:

- Давай, ешь, ты больше нигде такой кости не найдешь, ешь, я сказал!

Я замотала головой и заплакала. Каро встал и опять закричал:

- Ты что, не собака, что ли? Жри, щенок!

Он стукнул меня по голове, потом ударил по животу, по спине. Я была уже на грани смерти, больше не могла это выносить.

- Бьем мы эту девочку, бьем, а она все не умирает. Похоже, в конце концов, мне самому придется тебя убить! Вот бьем их, а они и не думают умирать – ни солдаты, ни вот эта девочка. Видимо, пора их всех застрелить. Ох, устал я что-то, на сегодня, пожалуй, хватит, - сказал Каро.

Он схватил меня за волосы и поволок в камеру. Тело горело от боли. Он напоследок еще раз меня ударил и швырнул в клетку. У меня не оставалось сил даже на то, чтобы куда-то отползти, я так и лежала на входе в камеру.

Дверь снова открылась, это опять был Каро. Он осветил фонарем мне в лицо и приказал подняться. Я с трудом встала, прислонилась к стене и сказала:

- Я не могу стоять на ногах, очень тяжело...

- Тебе кто давал право рот открывать? А, грязное животное? Иди за мной, - злобно закричал он.

Я вынуждена была пойти за ним. Каро уже почти вышел, а я никак не могла преодолеть несколько ступеней. Тогда он схватил меня за волосы и потащил по лестнице, а потом вышвырнул на улицу. Было очень холодно, я вся дрожала. Еще даже не стемнело. Каро сказал мне садиться в машину, но у меня никак не получалось открыть дверь – пальцы не слушались. Он сказал что-то другому армянскому солдату, тот открыл мне дверь и помог залезть в машину, а потом сам сел за руль. Каро сел рядом с ним. Я огляделась – это был старый советский ГАЗик. От Каро сильно пахло водкой. Куда они меня везут и зачем? Я не знала. Тут я услышала сзади какой-то звук, похожий на стон. От страха я не решилась даже оглянуться. Тем временем мы уже проехали Аскеранскую крепость и двигались в сторону Ходжалы. Опять послышался стон. До Ходжалы оставалось уже совсем немного, когда Каро ко мне повернулся:

- Теперь внимательно смотри по сторонам, - крикнул он.

Я очень разволновалась, кровь стыла в моих жилах, я чуть не падала в обморок.

- Эй, девочка, смотри – это наш Ходжалы. Никогда больше это не будет вашей землей! Это все наше, - сказал мне Каро. - Езжай медленнее, пусть она как следует посмотрит на наш Ходжалы! - обратился он к шоферу.

Мы медленно ехали по поселку. Я видела, как армяне разрушали мою родину, выносили вещи из домов и грузили их на машины. Они брали все, что было - скот, кур, вещи. Некоторые даже привезли телеги для этого... Эти картины разбивали мое сердце.

- Эй, девочка, твой дом где-то здесь или на окраине? - спросил Каро, когда мы проезжали автобусную остановку.

Я заметила в кювете три трупа - двое мужчин и женщину. Кто это был? Жаль, что я не могла подойти и посмотреть... Магазин возле остановки был разрушен - выбиты все стекла, дверь распахнута. Все здесь было таким знакомым, и от этого становилось еще тяжелее.

- Вот наш дом, - показала я, - вот тот, сгоревший, у него еще второй этаж рухнул.

- Эй, девочка, я смотрю, ты разговорилась, когда свой дом увидела! Вернее, когда-то он был вашим, но теперь - наш. Если бы он не развалился, я бы тебя прямо там избил. Но не судьба, - проговорил Каро.

От вида разрушенного дома кровь застыла у меня в жилах. Между тем мы выезжали из Ходжалы, сейчас проезжали мимо бывшего дома дяди моей мамы. Прямо перед входом в него стоял большой грузовик, армяне грузили на него все, что нашли в доме. Я была уверена, что у любого ходжалинца, который увидел бы это, непременно случился бы сердечный приступ - потому что все, что таким трудом строилось и зарабатывалось, теперь досталось армянам. Мы добрались до аэродрома.

- Смотри, даже это теперь наше! - продолжил Каро. - Здесь командиром был Элиф, так? Теперь все сдохли, ваши девушки у нас в руках, - засмеялся он.

Я была не в силах ничего говорить, задышалась от слез. Стоны сзади все не прекращались - кто-то лежал там, но кто, я не знала. Мы подъехали к железнодорожному вокзалу. Я раньше никогда здесь не была, хотя много раз приезжала в этот район. Железнодорожный узел растянулся на два или три километра, там было много транспорта. Никогда до того дня я не видела такого количества танков.

Как потом выяснилось, в ночь на 26 февраля Ходжалы сровняли с землей машины из советского 366-го мотострелкового полка. В ту ночь на вокзале было примерно 200-300 танков, может, даже больше.

Каро вез меня в какое-то незнакомое место, и я очень из-за этого испугалась, к тому же я никак не могла выкинуть из головы мысли о брате – убили его или нет? Увезли куда-то? В каком он состоянии? Ответов у меня не было. Мы ехали к окраине села, в сторону Ханкенди. Везде было много военной техники и людей в черной военной форме.

Доехав до места, где когда-то был рынок, мы свернули к больнице. Когда мы въехали на холм, шофер остановился. Отсюда было видно даже автостанцию в Шуше. Оба армянина вышли из машины, и тогда я осмелилась обернуться и посмотреть на того, кто стонал всю дорогу. Мужчина выглядел просто ужасно.

- Брат, ты меня слышишь? Ты кто, как тебя зовут? – спросила его я.

- Слышу, но говорить не могу, я еле двигаюсь, уже мечтаю о смерти. Они поймали меня у Агдере, избили до полусмерти. Теперь мне осталось только умереть здесь, – проговорил он и не смог вымолвить ни слова.

Каро уже выходил из дома. Я повернулась назад и прошептала:

- Брат, я не знаю, куда нас везут. Тихо, Каро идет!

Каро поднимался вверх по холму и шел прямо к машине. Открыв багажник, он схватил раненого, словно мешок картошки, и скинул его вниз с холма. Тот покатился по снегу, смешанному с грязью. Внизу были большие камни, мужчина врезался в них и замер. Я застыла от страха – разве можно так издеваться над пленными? У них что, совсем ничего человеческого не осталось? Ни капли сострадания нет! Тут я увидела, что из дома вышел Виталий и еще несколько человек. Они шли к нам, посмеиваясь. Виталий подошел ко мне и сказал:

- Одного нашего раненого бойца захватили ваши лачинцы⁶, я просил Каро привезти одного из ваших мужчин для обмена, а он зачем-то привез тебя. Ну ничего, как только мы со всем здесь закончим, он отвезет тебя обратно в Аскеран.

Каро теперь вел машину сам, другой солдат обратно с нами не поехал. Мы ехали между каких-то домов, которых я прежде ни разу не видела. Темнело. Каро остановил машину перед пятиэтажным зданием. Там собралось много армян, Каро вышел и что-то им сказал. Армянки пошли к машине, а Каро крикнул мне:

- Живо вылезай!

⁶ Лачин – город на юго-западе Карабахского хребта в 60 км от Ханкенди (Прим. переводчика)

Мне не хотелось шевелиться - у меня только-только начали отогреваться ноги, но пришлось выйти наружу. Я ступила босой раненой ногой на снег, смешанный с грязью. Армянки, завидев меня, отпрянули в сторону, подобрали с земли камни и стали кидать их в меня. Каро стоял в стороне и молча наблюдал за этим.

Наконец, он пошел в сторону здания, приказав мне идти за ним. Мы поднялись на второй этаж, прошли по длинному узкому коридору. На полу там валялись одеяла, бутылки с водой, ведра, кастрюли. Каро открыл какую-то дверь и включил свет. Показав на стул возле двери, он пригрозил:

- Садись и попробуй только пикнуть!

Чего только не было в этой комнате! На столе я увидела стаканы, тарелки, ложки с вилками, сковородку с яичницей из двух яиц. Рядом стояло ведро воды, чуть дальше - мешок с куском хлеба внутри. В углу комнаты стоял зеркальный шкаф, перед столом - кушетка без матраса, кровать с несколькими одеялами и большой подушкой. Напротив шкафа был холодильник. Сам Каро вышел в коридор, и спустя какое-то время вернулся с длинной веткой марихуаны, водкой, хлебом и какой-то банкой. Марихуану он кинул на пол, хлеб положил на стол.

- Если есть хочешь, я дам. Если голодная - говори.

- Нет, я не буду.

- Эй, девочка, ведь мы когда-то с вашими вместе работали, я поэтому так хорошо говорю на вашем языке. Некоторые из ваших тоже могут говорить по-армянски. Но теперь мы враги. Вообще-то это все наши земли, наша территория, вот увидишь, мы все захватим! И всех вас - тебя и остальных азербайджанцев - схватим и перебьем, - приговаривал он, пока ел.

Каро откупорил бутылку водки, налил в стакан и продолжил:

- Я сейчас пью за наших погибших солдат. Ваши убили около 15-20 наших ребят, - проговорил он и залпом осушил стакан.

Боже мой, у них погибли 15-20 солдат. Хорошо, а как насчет наших сотен женщин, детей и стариков, убитых в ту ночь?

Выпив всю водку, он встал, взял веревку, что принес из своей машины, отрезал от нее кусок и связал мне руки за спиной, потом связал ноги и привязал меня к стулу. Каро присел передо мной и заговорил:

- Завтра я тебя отвезу в Ереван и сдам, там тебе вырежут почки и печень, потом я сожгу тебя или брошу собакам!

Этот убийца говорил без остановки. Я в страхе слушала его, одновременно думая о пленных, которые остались в Аскеране, - ведь я до сих пор ничего не знала о брате. Умер он или жив? Вдруг Каро встал, подошел к столу, взял нож и приставил его к моему горлу:

- Хочешь, я тебе прямо сейчас голову отрежу?

- Я не знаю.

- А! Наверно, тебя лучше заживо сжечь, да? - засмеялся он и внезапно ударил меня по голове.

Каро начал хлестать меня по щекам, что есть силы наступать мне на ноги. Потом он закурил и стал стряхивать пепел прямо мне на лицо, задрал мне платье и прислонил зажженную сигарету к голому телу. Я больше не могла это выносить, каждый раз, когда он прижимал к моему телу сигарету, я кричала от боли. Так он мучил меня до самого утра. Мне сложно пересказать все те издевательства, которым меня, молодую и чистую девушку, подвергал этот отвратительный человек со звериными повадками.

Наконец, Каро устал и лег спать. Я как была привязанной к стулу, так и сидела. Каждая клеточка моего тела ныла от боли, внутри тоже все болело. Меня унизили, растоптали, я уже была сама себе противна.

Я зашевелила руками, пытаюсь ослабить веревку, но потеряла равновесие и упала вместе со стулом. Мой мучитель проснулся и закричал:

- Что ты там делаешь?

- Ничего, я хочу пить.

- Нет у меня воды, грязное животное, - и он принялся хлестать меня по щекам, - не боишься, что я тебя тут застрелю?

Я нашла в себе силы ему ответить:

- Нет, не боюсь. Давай, застрели меня, прекрати мои страдания!

- Ничего себе, какой у тебя длинный язык! Надо его отрезать! Слушай меня внимательно, выбирай слова, когда со мной говоришь! Нет уж, застрелить было бы слишком хорошо для тебя, надо тебя сжечь, причем заживо!

Он поднял меня с пола вместе со стулом, но руки не развязал, потом вышел в коридор и вернулся с ведром воды.

- Говоришь, пить хочешь? Так пей! – издевательски крикнул Каро и выплеснул мне в лицо воду. Поставив ведро на стол, он опять улегся спать. Я прислонила голову к стене, погрузилась в свои мысли и незаметно для себя уснула. Вдруг я открыла глаза и увидела, что Каро водит ножом у самого моего лица – наверное, он хотел его порезать. Я заплакала, из глаз ручьем текли слезы. Каро спросил:

- Почему ты плачешь? А-а-а, знаю, ты маму, что ли, вспомнила? И всех ваших в том лесу? Плачь, плачь. Я тебя сегодня к ним отправлю, не спеши.

Он развязал мне руки и снова стал избивать. Со злостью он порвал мне платье, я прикрылась руками.

Наступило утро, из коридора доносились голоса. Вдруг в дверь постучали, Каро крикнул: «Входи!» Вошел человек в военной форме, они заговорили по-армянски – я ничего не поняла. Потом Каро покосился на меня:

- Ты знаешь, кто это? Мой французский родственник, он приехал сюда из Франции. Он хочет какую-нибудь азербайджанку, просит меня отдать тебя ему, хочет увезти тебя во Францию. Французские армяне никогда не видели азербайджанцев, пусть посмотрят на тебя. Я пообещал ему, что отдам тебя. Сейчас мы все вместе поедem в Аскеран, там решим.

Каро кинул мне куртку и приказал одеваться. Я придерживала порванное платье, чтобы не было видно тела. Каро сел за руль, его французский друг сел рядом, и мы поехали обратно в Аскеран. Я смотрела из окна – на улице было уже темно, мы выехали из Ходжалы. От картин за окном у меня замирало сердце – все дороги были заполнены машинами, армяне растаскивали вещи из ходжалинских домов...

Мы добрались до Аскерана, Каро остановил машину перед полицейским участком и велел мне выходить. Я спустилась по лестнице в комнату с печью, следом за мной вошел Каро с французским армянином.

Тут дверь открылась, и на пороге показался Виталий. Увидев меня рядом с армянами, он повернулся к Каро:

- О, я смотрю, ты привез эту девочку обратно. Похоже, ты хорошенько ей нервы попортил, – заметил он.

Армянин-француз подошел ко мне и ударил дубинкой по голове. У меня потемнело в глазах, и я упала. Виталий что-то ему сказал, потом попросил меня встать и убираться в камеру.

Я вышла в коридор, сторож проводил меня до камеры и запер дверь. Я знала, что я здесь и пленница, и заключенная. Когда я была маленькой, у нас все время говорили, что женщина не может сесть в тюрьму, это был огромный позор. Действительно, какая женщина может совершить серьезное преступление? Но сейчас я оказалась в плену у врагов, попала в тюрьму. Конечно, в тюрьмах не мучили заключенных, но все знали, что лучше умереть, чем стать пленником, потому что все земные страдания заканчиваются смертью. «Вот бы я умерла еще там, в лесу, стала бы кормом для птиц», мечтала я. Даже если меня обменяют, как я смогу спокойно смотреть людям в глаза? Я скорее убью себя. Хорошо, а если они решат меня не обменивать?! Ведь говорили что-то про Ереван, про мои органы и еще много всего...

Я подумала о нашем доме, который я видела, пока мы проезжали Ходжалы. На меня очень подействовало все увиденное, словно все было не наяву, а в кошмарном сне... Второй этаж нашего дома полностью обвалился, остались только стены нижнего этажа. Эти звери превратили в руины дом, который мои бабушка и дед с такими усилиями строили!

Я провалилась в сон. Мне приснилось, что папа пришел и мы опять были все вместе. Я не смогла понять, что это было за место, там было темно. Мы, четверо детей, сидели рядом с мамой, как вдруг зашел папа со свечой и коробком спичек в руке. «Почему вы сидите в темноте? Я разве разрешал вам сидеть в темноте?» - спросил он. Потом он зажег свечу и, уходя, сказал: «Когда я уйду, пожалуйста, не тушите свет». Этот сон крепко врезался мне в память. Меня разбудил сторож:

- Вставай, иди сюда, - сказал он.

Я расстроилась, что прервали мой сон, но все равно встала и пошла за сторожем.

- Иди сюда, не бойся! Никого нет. Я тебе и вашим мужчинам сделал чай, немного сахара положил. Иди сюда, разлей им в чашки чай, пока теплый. Хочешь, сама сначала выпей, - сказал он.

- Нет, не хочу. Давайте, я отнесу.

Мужчина протянул мне ведро. Мне не хватало сил его удержать. Он открыл ключом дверь соседней камеры, и я увидела там Джана-

на, Джемиля, Мехмета, Джафара, Али и еще нескольких незнакомых мужчин. Каждому я налила чай. С какой жалостью они на меня смотрели! Я задыхалась от слез.

- Дочка, почему они тебя не отпустили? Почему ты осталась? - спросил Джанан.

- Не знаю, дядя Джанан, но я больше не могу это выносить. Они меня тоже бьют, как и вас! Давайте лучше не будем об этом, пожалуйста, сторож может рассердиться, опять придут армяне и побьют всех нас.

Мехмет плакал, и все остальные тоже заплакали. В этой камере держали только стариков, больше никого здесь не было. Когда я всех напоила чаем, пришел сторож и забрал у меня ведро:

- Девочка, хватит. Иди скорее обратно в камеру. Ты-то сама попила? - спросил он.

Я солгала, что попила, и он запер дверь в мою камеру. Я никак не могла выбросить из головы плачущих стариков, сердце разрывалось. Джанан работал ветеринаром, Джафар был директором ходжалинской школы, Али - водителем газового танкера, а Мехмет с Джамилем работали на ферме. И в каком они положении оказались теперь?.. От постоянных побоев у них распухли лица, их было не узнать. Вдруг я услышала выстрелы со стороны Агдама и Аскерана. В коридоре раздались крики, армяне опять стали бить наших мужчин. Казалось, их крики слышны были даже на небе.

Когда со стороны Агдама стреляли из ракет, армяне вымещали свою злость на нас, несчастных пленниках. Так случилось и в этот раз - железная дверь отворилась, и зашли два армянских зверя в черной одежде и черных масках на лице. Они грубо схватили меня и потащили в коридор, а потом выкинули на улицу. Там уже стоял Каро - он курил, прислонившись к машине.

- Девочка, давай-ка немного покатаемся, отвезу тебя к развалинам твоего бывшего дома, - сказал он, увидев меня.

Я очень боялась этого зверя, потому что никак не могла забыть, как он издевался надо мной и ему явно это нравилось. Каро ведь избивал не только меня, он постоянно мучил и наших мужчин. Между тем выстрелы все не прекращались.

- Залезай в машину! Раз уж ты до сих пор не сдохла, подпорчу-ка я тебе настроение, - рявкнул он.

Солдаты в черных масках открыли дверь и закинули меня в машину, словно мешок с картошкой. До самого Ходжалы Каро больше ничего не произнес. Когда мы подъехали к ходжалинскому аэродрому, он с усмешкой сказал мне:

- Гляди, на аэродроме - ереванские самолеты!

Мы въехали в Ханкенди. Вокруг все было так же, как и в прошлый раз - танки, военная техника, солдаты и прочие ужасы... Машина на полной скорости мчалась мимо домов. Мы остановились перед пятиэтажным домом.

- Давай выходи, тебя тут ждут чудесные вещи. Идем в дом, пошевеливайся! У меня мало времени! - прикрикнул на меня Каро.

Он вошел в дом, я, прихрамывая, вынуждена была пойти за ним. Мы поднялись на второй этаж, Каро открыл какую-то дверь:

- Заходи, заходи живее! Это замечательное место!

Волей-неволей мне пришлось войти. Квартира была чистой и ухоженной. Когда я вошла в комнату, Каро уже сел на диван и стал пить водку.

- А ты на пол садись, тебе вредно на мягком сидеть, - злобно крикнул он.

Комната выглядела опрятной, тут стояли диван, кресло, стол со стулом и телевизор, но было очень холодно. Каро встал и куда-то вышел - может, на кухню или еще куда. Я услышала шум воды, он набирал во что-то воду.

- Снимай куртку, платье оставь. Иди сюда, - снова прокричал он сквозь шум воды.

Я сняла куртку и, придерживая разорванное платье, пошла к нему - он хотел заставить меня здесь прибраться. Мы вошли в ванную. Как оказалось, Каро все это время набирал воду в ванну. Он закрыл кран и повернулся ко мне:

- Залезай в ванну! А то ты уже сколько дней здесь торчишь, а еще ни разу не мылась.

Я погрузила ногу в воду - боже мой, да она же ледяная! Я дрожала, но ничего не смогла сказать. Я встала в ванну.

- Так, а теперь быстро села! - закричал он на весь дом.

Я по горло погрузилась в ледяную воду. Каро надавил мне на голову - я полностью оказалась в воде. Он все держал меня, я уже было начала

задышаться. Тело замерзло, ноги болели, воздуха не хватало. Раненая ступня сильно распухла, я чувствовала, как внутри ходит пуля. Каро ушел в комнату, но я все продолжала неподвижно сидеть.

- Ах, вы только посмотрите на нее! Вода замечательная, правда? Ладно, хорошего понемножку, живо выбирайся! – закричал он, когда вернулся.

Меня колотило от холода, платье прилипло к телу. Каро с ненавистью смотрел на меня и перебирал в руках цепь. Вдруг он ударил меня ею по спине так сильно, что я упала на пол. Каро стал безжалостно хлестать меня цепью, я плакала – каждый удар причинял мне невыносимую боль. Казалось, что вот-вот умру, я не могла больше это терпеть.

- Пожалуйста, пожалей меня, я больше не могу! – взмолилась я.

Каро не ожидал того, что я могу что-то сказать, и от этого только сильнее разозлился. Удары стали еще больнее.

- Ах ты грязное животное! Ты еще отвечать мне смеешь? Так?

Он бил меня изо всех сил сначала цепью, а потом снял ремень и стал пряжкой ударять меня по голове. Я закрыла лицо руками, и каждый раз пальцы словно горели от ударов – ведь их до этого, еще в тюрьме, армянские звери давили дверью. Наконец Каро надел ремень обратно. Я без движения валялась на полу, не в силах даже вздохнуть. Каро посмотрел на часы:

- Поднимайся, мне надо идти! Эх, было бы у меня время – забил бы тебя до смерти, но ты вон стойкая оказалась, от битья не умираешь!

Держась за стену, я кое-как поднялась. Он схватил меня за волосы и потащил к выходу. Голова просто разрывалась от боли, раны от ударов цепью саднили. Каро кинул в меня куртку и велел одеваться. Я дрожала и еле держалась на ногах, с платья стекала вода. Когда я добралась до двери, он что есть силы толкнул меня в спину. Оказавшись в машине, я все продолжала дрожать, тело горело от боли. Хорошо, что на мне хотя бы платье было – иначе все могло быть еще хуже. От ударов в живот мне стало очень плохо, а ледяная вода кого угодно доведет до ужасного состояния! Когда мы добрались до Аскерана, я поблагодарила Аллаха за то, что сегодняшние мучения, наконец, закончились. Каро остановил машину у полицейского участка:

- Быстро выходи! Давай, шевелись! – гаркнул он.

С трудом выбравшись из машины, я вошла в участок. Я уже хорошо знала дорогу. Держась за стены, я спустилась вниз, как вдруг увидела сторожа. Он с ужасом спросил:

- Тебя что, Каро привез? Почему платье мокрое? Иди сюда скорей, тут горячая печка!

Я без слов подошла к печке.

- Подходи ближе, пусть платье подсохнет. Да снимай куртку, садись спокойно! Никого нет. Только никому не говори, что ты тут была, ладно? Ах, дочка, Каро тебя облил, что ли? Благодарю Бога, что он тебя не убил! - затараторил он.

Сторож что-то мне рассказывал, а я смотрела на него и удивлялась - ведь он не мучил нас, как все остальные! Он ушел куда-то и вернулся со стаканом горячей воды. Я довольно долго сидела там - платье почти успело высохнуть, только спина все еще была мокрая. Я повернулась к печи другим боком, но почти сразу вошел сторож и стал торопить меня:

- Все, девочка, хватит, иди скорее в камеру, скоро все вернутся. Если вдруг они тебя тут увидят - мне конец! Мне тебя очень жалко, не важно, азербайджанка ты или нет, все мы люди... Ладно, пойдем скорее, - сказал он и посмотрел на мои босые ноги, - здесь даже никакой тряпки нет, которую я бы тебе мог дать, ты бы хоть на ноги намотала! А если бы дал, меня бы вышвырнули за это.

- Спасибо Вам, у меня хотя бы платье высохло, - поблагодарила я его и вошла в камеру.

Оглянувшись вокруг, я подумала, что здесь не осталось ни единого угла, где бы меня не били. Каждый раз, когда я сюда входила, я словно оставалась лицом к лицу со смертью. Страшно было из-за темноты - казалось, что в каждом углу сидит по армянину. Была ночь, в коридоре стояла тишина. Все камеры были забиты пленниками, они тоже от страха и безысходности не издавали ни звука. От брата по-прежнему не приходило вестей.

Я не знала, который был час, когда вдруг послышались звуки - кто-то плакал, женщины что-то говорили, дети рыдали. «Боже мой, очень похоже на наших...» - подумала я. Они говорили на азербайджанском, я ни капли не сомневалась, что это были ходжалинцы. Кого они опять привезли? Ведь там даже дети были! Я слышала армянскую брань, ви-

димо, детский плач раздражал их. Наконец, стало тихо. Я очень испугалась, когда дверь открылась, но напрасно – это был сторож.

- Девочка, иди сюда! Да не бойся, никого нет, - сказал он.

Было тяжело, но я все равно поднялась и вышла в коридор. Сторож позвал меня в комнату с печью:

- Ваших только что привезли, уж не знаю, откуда. Там и дети есть, я тебе сейчас дам ведерко чая, ты их напои, - протянул он мне ведро.

Я пошла к односельчанам. Было темно, только в конце коридора горела тусклая лампочка, двери камер почти не было видно. Войдя внутрь, я не поверила своим глазам – ведь я многих знала! Среди пленных я заметила Тазегюль, свою бывшую одноклассницу. Как же они заплакали, когда меня увидели! Я тоже зарыдала... Еще там был Яшар, сын учителя Шахмалы, со своим пятилетним ребенком Сирачем. Рядом сидели сестры Тазегюль, Хатидже и Синем со своими дочками – совсем маленькими девочками лет 3-5. Племянник Тазегюль, пяти-шестилетний Руслан, тоже был здесь. У меня сердце просто разрывалось от этого зрелища. Тазегюль спросила, как я сюда попала, я ответила, что меня схватили в лесу и привезли сюда.

- Я ранена в ногу, они каждый день меня мучают! Кто-то меня им сдал... Сказали, что я воевала и была связисткой.

- Мы тоже натерпелись, все отморозили ноги. Но Дюрдане, тебя даже не узнать от побоев! Ты плохо выглядишь, - посочувствовала Тазегюль.

Мне стало страшно за Яшара – у него все лицо распухло, одежда была в крови. Похоже, его очень сильно избili.

- Тебя что, не отпустят? Нас ведь привезли сюда, чтобы в Агдам переправить, - подала голос Санем.

Я очень обрадовалась, когда услышала, что их хотят отпустить, потому что мне очень жалко было маленьких детей. Я налила чаю Яшару и спросила:

- Яшар, почему они тебя так избili?

- Меня побил Каро в Ханкенди, даже хотел убить, но Сирач расплакался, может, поэтому не убил... Говорят, что отвезут нас в Агдам только потому, что с нами дети. Дюрдане, дорогая, кто тебя довел до такого состояния? - спросил Яшар.

- Меня тоже Каро избил. Ой, тише, а то нас услышат!

- Даст Бог, тебя вместе с нами отпустят!

Напоив их чаем, я попрощалась. Сторож опять отвел меня в холодную и темную камеру. У меня сердце разрывалось от того, в каком состоянии были мои односельчане!

Я сидела и ждала рассвета, а он все никак не наступал. Господи, вот бы крепко заснуть - и тогда я бы хоть ненадолго избавилась от боли, растянувшись на мокром бетоне! От боли горело все - тело, голова, ноги и руки. Не отрываясь я смотрела в окно в ожидании утра, но до конца не понимала, почему же я так его жду. Я волновалась за стариков и женщин. «Интересно, их вправду отвезут в Агдам?» - все думала я и незаметно погрузилась в сон, поэтому не услышала, как выводили пленных. Когда я проснулась, раздались какие-то звуки в коридоре, но не поняла, кто это был. Снова с шумом открылась дверь, снова вошел Каро - этот грубый, отвратительный, жестокий Каро. Он закричал на меня, но я от страха не могла даже пошевелиться.

- Эй, девочка, вставай немедленно! Иди сюда! В коридоре свалка, иди подмети! - заорал он.

Услышав это, я с облегчением подумала: «По крайней мере, сейчас он не будет меня бить». Но у меня совсем не было сил на работу - я едва могла стоять на ногах. Того сторожа не было, в коридоре стоял какой-то другой надзиратель. Он протянул мне метлу:

- Начинай отсюда, потом с другой стороны подметешь.

Я взяла метлу и пошла к началу коридора. Надзиратель открыл какую-то дверь и вызвал мужчину мне на помощь, дал ему пакет и велел собирать мусор. Издалека я не поняла, с кем он говорит - видела только, что это был высокий и худой мужчина. Я подметала, он ходил за мной и собирал мусор.

Когда он подошел, я поняла, что это был Хагани, сын дяди Джанана, он учился в школе вместе с моим младшим братом. Увидев меня, он не поверил своим глазам:

- Дюрдане, сестренка, ты тоже здесь?! Скажи, тебя били?

- Да, Хагани, только говори тише, пожалуйста! Меня много били, я еле на ногах держусь. А тебя?

- Да, меня тоже избili.

- Хагани, мой брат Эльшад у вас?

- Нет, его нет среди нас, нас тут всего человек 6-7.

Я подметала, Хагани собирал мусор. Каро куда-то ушел, внутри остался только старик-надзиратель. Хагани выкинул мусор в бидон, стоящий в начале коридора, а когда вернулся, приблизился и прошептал:

- Дюрдане, как думаешь, нас отпустят или убьют?

- Не знаю, Хагани, но ты не бойся, скорее всего, отпустят. Тут ведь одни женщины, старики да дети - мы ни в чем не виноваты. Ладно, иди собери мусор!

Хагани ушел, а я чуть не плакала - как же этого бедного ребенка запугали! Было понятно, что он очень боится, у меня от этого сердце кровью обливалось. Мы вдвоем стали дальше прибираться коридор, надзиратель принес нам немного воды, а потом отвел в камеры. Чуть позже я услышала, что мужчин опять бьют. Я больше не могла этого выносить - сколько вообще человек может терпеть побои и издевательства? Ведь надо мной измывались так же, как и над ними.

Дверь открылась, вошел невысокий бородатый мужчина в военной форме. Этот армянский зверь схватил меня за волосы и оттащил в комнату с печью. Там уже сидел Каро. Мужчина, который приволок меня, сказал что-то Каро на армянском. «Нет», - ответил он. Тогда тот невысокий армянин приставил пистолет к моей голове и закричал:

- Я тебя сейчас, в эту самую минуту здесь убью! У меня сын погиб из-за вас, азербайджанцев, из-за вашей ракеты!

Каро вышел в коридор. Мужчина схватил меня за волосы и приставил пистолет к виску, но потом вдруг передумал стрелять и засунул пистолет обратно за пояс. Достав нож, он еще громче крикнул:

- Нет, я тебя не застрелю, я тебе голову отрежу и выпью твою кровь!

Он приставил нож к моему горлу, и когда он надавил на него, я закричала. Мне было очень страшно. На мой крик прибежал сторож и что-то негромко сказал мужчине. Потом он увел меня от того зверя и запер в камере. И сегодня я не умерла... Но если бы я не закричала, тот мужчина вполне мог бы меня убить, сторож спас меня от этой ужасной смерти. Но сил моих больше не было, ноги дрожали, глаза затуманились, голова кружилась. Я страдала от голода, жажды и раны в ноге.

«Жив ли до сих пор Эльшад? Где он?» - подумалось мне. Я сражалась со смертью - или я ее, или она меня, одно из двух. «Интересно, если я плохо буду отвечать на вопросы армян, они меня убьют? А что потом будет с Эльшадом? Может, он уже давно умер. Нет, не может быть.

Хагани сказал, что его не видел, если бы Эльшада убили, Хагани бы знал», - размышляла я.

Очень не хотелось, чтобы наступало утро, потому что обязательно придет кто-нибудь и будет меня унижать, еще кто-нибудь избьет, да мало ли что со мной сделают! Но мне не спалось, потому что я вся насквозь промокла. Было холодно, живот скручивало от режущей боли, с платья текла вода. Куртка тоже намочка. Я попыталась выжать одежду, но пальцы не слушались. Я бессильно ждала рассвета. Хотелось подойти к двери, постучаться и сказать сторожу, что я вся промокла, но было страшно. Мне оставалось только молиться, что утром кроме сторожа никого не будет, что он поможет мне высушить одежду. Наконец, в коридоре послышались голоса - сторож явно был не один. Я испугалась, потому что кто бы сюда ни пришел, он избьет либо меня, либо мужчин. Или вообще - сначала мужчин, а потом и меня. До рассвета оставалось совсем чуть-чуть. Я подошла к двери и тихонько постучалась. Никто не открыл. Я еще несколько раз от безнадежности стукнула в дверь, но от страха не могла ничего сказать. Вдруг я услышала шаги - к двери подошел сторож.

- Девочка, это ты стучала?

- Да, я. У меня вся одежда промокла, я могу ее как-нибудь просушить?

- Почему ты промокла? Да ты меня обманываешь, наверно! Девочка, ты где воду взяла?

- Меня побили, сильно побили, а потом облили водой и ушли. Мне очень холодно...

- Ладно, можешь посидеть у газовой печи, пока наши не вернуться, пусть платье просохнет.

Я дрожала. Хромая, я подошла к печи, повесила на нее куртку, а сама села рядом. От тепла меня разморило, захотелось лечь. Я заснула там, где сидела. Проснулась я от того, что кто-то меня коснулся - это был сторож.

- Не лежи, просыпайся, девочка! Кто-то пришел, - сказал он.

- Кто? Они меня опять будут бить?

- Не будут. Вставай скорее, надевай куртку!

Я чувствовала, что тело отдохнуло. Тепло так хорошо подействовало на меня, что я меньше стала чувствовать боль. Было очень холодно, я почти замерзала, а сторож меня пожалел. Все армяне меня здесь били, издевались надо мной - и только сторож не бил. Я надела куртку,

уже почти вышла в коридор, как вдруг в дверном проеме показался широкоплечий армянин. Он толкнул меня в грудь и спросил:

- Ты азербайджанка?

От страха я молчала. Он снова спросил:

- Эй, девочка! Ты из Ходжалы? Отвечай!

- Да.

- Я тебя еще не видел. Меня зовут Манвель. Иди сюда, куда это ты собралась? Я был в Агдаме, приехал, чтобы на тебя посмотреть. Ваши меня прошлой ночью очень рассердили!

Я медленно попятилась. Первый раз я видела этого зверя. Я с таким трудом хотя бы немного пришла в себя, отогрелась, и даже боль отступила. А сейчас что будет? Этот зверь по-армянски заговорил о чем-то со сторожем, я стояла и ждала, но чего ждала - было непонятно. Сторож встал и вышел из комнаты, а этот зверь подошел ко мне и сказал:

- Я тебя не убью, с чего бы вдруг? Ты женщина, и как женщина, нам можешь пригодиться! Сейчас делай, что я скажу. Раздевайся!

- Нет, почему надо раздеваться? Мне холодно!

Он сердито посмотрел на меня и прикрикнул:

- Что? Ты мне отвечать вздумала, что ли? Я хочу, чтобы ты сняла одежду и стояла передо мной голая, ясно?

- Я не разденусь! Хотите - убивайте меня, но одежду я снимать не буду. Сколько уже дней вы меня мучаете, больше не могу.

Не успела я это сказать, как он со всей силы ударил меня кулаком по уху. Я упала. Он зажал мою голову между своих колен и начал меня бить палкой, а потом встал ногой мне на голову и снова со всей силой надавил. Я не могла издать ни звука.

- Эй, девочка, Карабах чей?

- Не знаю.

От этого ответа он еще сильнее разозлился и продолжил меня избивать. Вдруг я услышала звуки ракет Алазань и Град. Армянин бросил меня и подбежал к двери. Снова я уцелела. Сторож отвел меня в камеру и запер дверь.

Некоторое время спустя все затихло. Было уже совсем светло, ударил мороз. Хорошо, что платье успело высохнуть, иначе я бы заледенела. Тут я услышала крики мужчин - их опять избивали.

Потом дверь открылась, вошла черноволосая высокая девушка в черной одежде. Я расслабилась, потому что это была женщина, что она мне могла сделать плохого? Она подошла, наклонилась и грозно посмотрела на меня. В руках у нее было оружие – значит, подумала я, она точно воюет. Я смотрела на нее, она – на меня.

- Дайте мне воды, пожалуйста! – попросила я.

- Воды?

Она меня поняла, видимо, знала азербайджанский.

- Тебя много били? Много мучили? – спросила она.

- Да, много.

- Ты в курсе, что как только мы захватим Карабах полностью, мы всех пленных отправим в Ереван и после получения всего необходимого застрелим? Ты меня слышишь вообще?

- Да.

Армянка поднялась и ударила меня. Если честно, я никак не ожидала, что она станет меня бить. Похоже, она тоже решила выместить на мне злость, несмотря на то что сама была женщиной. Потом она взяла меня за подбородок и сказала:

- Сколько бы вас ни били, ни сжигали заживо, ни разрубали на части – все будет мало. Мы уничтожим весь ваш азербайджанский род, сотрем вас с лица земли!

Армянка ушла. Вдруг я почувствовала какой-то запах, очень мне знакомый. Запах кипяченого молока. Я вспомнила бабушку – она каждое утро доила корову, кипятила молоко, а потом будила нас: «Вставайте, все готово!» На столе у нас всегда было много еды – свежее молоко, сыр, сливки, лепешки из тандыра. Лепешки бабушка сама делала. Я очень любила запах свежее испеченного хлеба – круглого, смазанного сверху желтком. Я любила пить по утрам сладкое молоко – добавляла в молоко сахар, намазывала на хлеб масло, сверху клала сыр и ела. Бабушка по утрам часто готовила сютлач⁷, у него был особенный, ни на что не похожий вкус. Мы раскладывали его по тарелкам, добавляли сахар и масло. У нас были овцы, коровы, куры и гуси. Ни в чем мы не нуждались, жили в достатке... Если бы я периодически не вспоминала все это, у меня уже давно случился бы сердечный приступ. Я пережила здесь немало ужасов, и все еще

⁷ Сютлач – молочный десерт из риса, похожий на рисовый пудинг. (Прим. переводчика)

была жива – значит, я и вправду сильная. Меня скручивало от боли в животе.

Каждый раз, когда в коридоре слышались шаги, я вздрагивала, меня начинало мутить. Крики стали громче. Они приближались, мне стало очень страшно, сердце застучало, я задыхалась. Дверь открылась, вошел довольно пожилой мужчина. Увидев меня, он что-то сказал – я не поняла что именно. Подойдя ближе, он велел мне подняться.

В этот момент внутрь вошли еще двое, они были в черной одежде, держали в руках дубинки и калашниковы. Я сильно замерзла, от страха сердце у меня вот-вот готово было остановиться. Они начали надо мной издеваться – стали толкать меня друг к другу. Голова резко закружилась. Потом они начали меня бить – да так сильно, что у меня внутри все сжималось. Невозможно было выносить их удары дубинок, они били насмерть. Мое тело онемело от побоев. Вдруг в глазах у меня потемнело, и я потеряла сознание. Как мне потом рассказывали, они решили, что я умерла, проверили пульс, сердце – не билось. Тогда они вытащили меня на улицу и кинули на кучу мусора. Сторожу сказали, что наконец-то убили эту девушку и выбросили за дверь. Это было страшно. Я умерла, и все это видели. Но потом азербайджанская девушка, которую они выбросили в мусорную кучу, посчитав мертвой, воскресла! Никто не смог точно мне сказать, сколько я вот так пролежала. Кто-то говорил двенадцать часов, кто-то – двадцать четыре, кто-то – десять. Все говорили разное. Я помнила только, как потеряла сознание, а потом – как очнулась.

Очнувшись, я не смогла открыть глаза. Ничего не понимаю. Пальцы шевелятся, а руку даже поднять не могу. Что со мной? Хотела смочить губы языком – но он был совсем сухой. Со мной никогда в жизни такого не было... Что со мной случилось? С трудом пошевелила рукой – она словно отмороженная. Еще раз попыталась открыть глаза – не смогла, хотела заплакать – тоже не вышло. Это были очень странные ощущения. Я вспомнила, как меня били, поэтому очень испугалась, когда не смогла открыть глаза – вдруг меня ослепили? Что, если они мне выкололи глаза, и я больше никогда не смогу ничего увидеть? Так прошло около двух часов. В конце концов я смогла дотянуться рукой до рта, ощупала пальцы языком – они были на месте. Когда пальцы немного отогрелись, я попыталась дотянуться до глаз – слава Аллаху, они

были на месте, никто их не выколол. Я протерла один глаз влажным пальцем и мне удалось его с трудом приоткрыть. Второй глаз протерла - и он открылся. Хорошо, с глазами все в порядке. Но я все еще не понимала, где я нахожусь. Я пошевелила рукой - она касалась чего-то, но никак не могла разобраться, где нахожусь. Стояла крошечная тьма, я очень боялась темноты. Как я тут оказалась? Что со мной сделали? Здесь было очень тихо, не слышно ни звука. Судя по всему, я лежала на улице, была холодная и морозная зимняя ночь. Я хотела было издать звук, крикнуть - но боялась. Если бы я только знала, где нахожусь, я бы вела себя спокойнее, но я очень сильно замерзла, тело онемело. Наконец, собравшись с духом, я закричала:

- Здесь кто-нибудь есть? Я тут!

Я пошевелила ногами, но совсем их не чувствовала. Да и как я могла чувствовать, если они отморозились? Я положила правую руку на щеку, но пальцы ничего не ощущали. Левая рука безвольно свисала вдоль тела. Наконец, глаза немного привыкли к темноте, и я поняла, что лежу на животе перед входом в тюрьму, на каком-то холме, голова свешивается вниз - как я сюда попала? Почему я здесь? Я снова закричала:

- Кто-нибудь есть? Я тут, помогите мне!

Прошло какое-то время. Вдруг послышались шаги. Я увидела силуэт мужчины, он что-то бормотал и шел ко мне.

- Девочка, это ты кричала? Эй, девочка, ты что, живая? Ты меня слышишь? - спросил он.

От страха я чуть слышно ответила:

- Да, я кричала.

- Девочка, так ты ведь умерла! Мы подумали, что ты мертвая, поэтому-то и выкинули сюда. Ты лежишь прямо напротив тюрьмы. Что мне теперь делать? Давай, вставай, отведу тебя внутрь, - предложил он.

- Я не могу встать, говорю-то из последних сил! Я не чувствую свое тело.

Кто из сторожей пришел ко мне? Я пыталась понять, но не получалось. Мужчина взял меня за руку и потащил вниз - я действительно лежала на каком-то холме. Потом он потащил меня в помещение - мне было совсем не больно, тело онемело. Когда он приволок меня в камеру, я поняла, что платья на мне не было. Я была в очень скверном

состоянии, сама себя испугалась – кто меня до такого довел? Сторож запер дверь. Я осталась лежать голая прямо на полу камеры, но холода уже не чувствовала. Через какое-то время сторож вернулся, осветил фонарем мне в лицо и сказал:

- Девочка, с тобой очень плохо поступили – избили, потом решили, что ты умерла, и выкинули на мусорную кучу перед домом. Там столько осколков! Одному богу известно, что теперь с твоим телом. Я тебе сейчас горячего чая принесу, подожди немножко.

- Хорошо.

Это все-таки был тот сторож, который когда-то разрешил мне высушить одежду. Мне очень повезло, что сегодня дежурил он, разве кто-то другой принес бы мне чаю? Этот человек был очень добр ко мне, он очень отличался от всех остальных – уважал наш хлеб, который когда-то ел. Сторож вернулся с горячим чаем:

- Садись, пей чай, пока горячий, сразу легче станет!

- Я не могу даже шевельнуться.

- Иди сюда, хватайся за меня.

Я с трудом поднялась и взяла у него из рук стакан. Чай был очень горячий, чуть сладкий. Непослушными руками я с трудом подносила стакан ко рту. Когда я допила, сторож забрал стакан и негромко сказал:

- Я положил твою платье на печь, оно было совсем мокрое – пусть немного подсохнет. Твоя куртка тоже там, но все в грязи и крови. Подсохнут – принесу.

От чая внутри у меня все начало отогреваться. Была бы возможность – еще бы выпила. Я легла, но не в силах была шевельнуться, тело все еще было окоченевшим – так сильно я замерзла. Зачем они со мной так обошлись? Наверно, я потеряла сознание, а они решили, что я на самом деле умерла. Я вообще не помнила, что там происходило. Вошел сторож, он принес мою одежду. Накинув куртку мне на плечи, он протянул платье и сказал:

- Все высохло, надевай, пока теплое – хоть согреешься немного! Хорошо, что ты очнулась ночью, пока никого не было. Если бы это случилось днем – они бы тебя пристрелили прямо на мусорной куче! А я даже курицу зарезать не могу, не то что человека.

- Почему вы мне помогаете? Скажите, а? Зачем?

- Да моя сестра сама замужем за азербайджанцем, живет в Евлахе. Когда началась война, она от нас уехала, больше мы ее, похоже, не увидим. Я долго жил в доме ее мужа, съел много азербайджанского хлеба. Да и что ты мне сделала плохого? Ничего! К тому же, ни вашей, ни нашей вины в этой войне нет... Вот что, когда тебя утром спросят, что произошло, ты про меня не говори, ладно? Скажи, что тебя притащили сюда и бросили, пожалуйста.

- Хорошо, я им ничего не расскажу.

- Ладно, вставай, надо одеться.

- Спасибо!

Сторож ушел и запер дверь. Я попыталась одеться, но сил никаких не было. Все-таки после нескольких попыток я смогла натянуть на себя платье, но на ноги встать не получалось. Тогда я обернула колени курткой. К телу, ногам постепенно возвращалась чувствительность, а вместе с этим и боль. Силы кончились. Я коснулась головы - волосы были влажные и в грязи. Вспомнилось, как сторож сказал, пока волок меня в камеру, что мои волосы обледенели. Я подобрала под себя ноги и легла. Через какое-то время снова пришел сторож:

- Девочка, ты оделась?

- Да. Сколько я была на улице?

- Я пришел на работу в десять утра, ты уже была на куче. Когда тебя выбросили, не знаю. Ладно, девочка, мне пора - скоро все придут.

Все было тихо. Я знала, что скоро тишина закончится, и вернутся армяне. Наконец, послышались их голоса. Мое тело все сильнее болело и ныло. Помню, как в детстве мы играли в снежки, и когда рукавицы промокали - продолжали игру без них, и потом, уже дома, руки очень ныли. Сейчас так ныли не руки, а все тело.

Потихоньку светало. Когда совсем рассвело, я села и стала ждать своих мучителей. Ноги полностью были покрыты ранами и запекшейся кровью - в мусорной куче было много осколков и деревянных обломков. Ноги, тело - все было в крови.

Наступило утро, и дверь открылась. В камеру вошел Виталий с каким-то солдатом, наклонился ко мне и произнес:

- Девочка, я слышал, что ты умерла от побоев. Когда мне доложили, что ты жива - я очень удивился. Ничего себе, какой у тебя стойкий организм и сердце! Мне сказали, что у тебя даже пульса уже не было,

сердце остановилось, тебя выбросили на мусорную кучу. Я пришел - и узнаю, что ты жива! Как у тебя только это получилось?

Тот солдат, что пришел вместе с Виталием, молчал. Я боялась его - сейчас он меня не бил, а что потом? Солдат пристально наблюдал за мной - думаю, он меня не стал бить потому, что увидел, в каком я состоянии. А может, потому что в камере был Виталий... Виталий внимательно посмотрел на меня, словно что-то обдумывал. Наконец он сказал:

- Эй, девочка, я прикажу, чтобы никто к тебе не ходил сюда. Тебя и так сильно побили. Знаю, что Каро тебя мучил. Да и про других тоже знаю.

Армяне ушли, а я успокоилась, потому что боялась, что они станут опять бить меня.

Сердце тоже постепенно успокоилось. Хотя Виталий и сказал, что никому сюда не разрешит приходить, я, конечно же, ему не поверила - в конце концов, он вражеский солдат. Через какое-то время дверь открылась, и вошел какой-то армянин:

- Поднимайся! Иди в комнату! - гаркнул он и вышел.

Держась за стену, я добралась до комнаты с печью. Там был только Виталий, который задумчиво курил. Увидев меня, он указал мне на пол возле печи, я села. Он продолжал молча курить. Пока он над чем-то размышлял, я грелась.

- Я хочу тебя отпустить, только что говорил с вашими. Они знают, что ты у нас, просят тебя отпустить. Я сказал им, что отпущу тебя, если они привезут тех, кого я назову. Нет - так нет. Но мне тебя жаль, ты тут одна женщина... У тебя есть кто-нибудь в Агдаме? - спросил он.

- Да, там родственники.

- Я тебя сейчас кое о чем спрошу, но говори правду. Ты была связисткой, сражалась?

- Я работала на телефонной станции в Ходжалы.

- Так, а воевала?

- Нет, я была всего лишь телефонисткой.

- Но ведь ты на телефонной станции вместе с военными работала?

- Да, но я сама никогда не воевала, даже оружия в руках не держала.

- Ты знаешь, как зовут твоих родственников в Агдаме?

- Да.

- Тогда напишешь им письмо, но гляди, писать будешь, как я тебе скажу. Потом я тебя отпущу. Ты храбрая девочка, столько перенесла, а

не умерла. От Каро никто живым не уходит, а ты даже его издевательства пережила. Я еще позже поговорю с вашими.

Он взял стакан и налил чая:

- Будешь? – спросил он.

- Нет.

- Интересно, чего же тебе надо? Я же вижу, ты хочешь что-то сказать.

- Я хочу у вас кое о чем попросить. Вместе со мной сюда привезли моего брата, у нас с ним никого не осталось кроме друг друга, все умерли. Мама, братья, бабушка, папа – все. Я осталась совсем одна... Если вы меня отпустите, отпустите и моего брата, умоляю! Если решите его не отпускать – тогда и меня здесь оставьте...

- Какой брат, ты о чем вообще? Я тебя отпустить хочу, благодари Бога! Ха, она еще о брате тут мне говорит! Я тебя отпущу, ты там со своими в Агдаме пообщаешься, потом брата твоего привезем.

- Без брата я отсюда никуда не поеду! Вы меня здесь достаточно мучили и били, а я все равно не умерла. Точнее, не могла умереть. Пожалейте меня, отпустите со мной брата! Если не собираетесь его отпускать – лучше убейте меня.

- Эй, девочка, ишь как ты разговорила! Поднимайся и иди в камеру. Здесь все решения принимаю я. Иди к себе и жди. Радуйся, что я приказал никому к тебе не входить.

Расстроившись, я пошла в камеру. Жив ли еще мой брат? Если его убили, я кого-нибудь еще с собой заберу. Сердце трепыхалось, я очень боялась за Эльшада. Единственное, чего мне хотелось – чтобы он оказался жив и мы могли вместе отсюда уехать.

Прошло довольно много времени. Голова болела, ноги с новой силой заболели, на всем теле живого места не осталось. В глазах словно соль была. Но я все равно радовалась, что меня, по крайней мере, больше бить не будут. Лицо было целым, вроде бы на нем не было ссадин и синяков. Было бы зеркало, я бы проверила – останутся ли следы от побоев или нет.

Дверь снова открылась, вошел надзиратель:

- Девочка, хочешь чего-нибудь? Виталий сказал давать тебе воды и чая, когда ты попросишь.

- Можно стакан горячего чая, пожалуйста?

- Что с тобой случилось? Ты посинела вся. Здесь холодно, ты что, заболела? Хотя ты же выносливая, что с тобой может случиться! Эх,

если бы не приказ Виталия, я бы с ребятами тебя так побил, что ты бы сразу согрелась!

- Не надо, пожалуйста! Со мной уже все, что можно, сделали. Я просто хочу стакан горячего чая.

- Ладно, сейчас.

Он ушел, его не было довольно долго. Все же надзиратель вернулся со стаканом в руке. Гневно посмотрев на меня, он процедил:

- Это кипяток, если бы не Виталий - выплеснул бы тебе прямо в лицо! Держи, пей.

Я молча взяла стакан. Руки начали отогреваться. Маленькими глотками я пила чай, и тепло разливалось по животу. Стало хорошо. Когда надзиратель вернулся за стаканом, он пригрозил:

- Людям тут очень хочется тебя заживо сжечь! Но ничего, вам всем недолго осталось, мы ваш род уничтожим, так и знай!

Почему он говорил со мной с такой ненавистью? Ладно, как бы то ни было, от горячего чая мне стало легче, я уже не дрожала от холода.

Я села, подбрав ноги под себя. Жив Эльшад или нет? Как я об этом узнаю? Кого спросить? Хагани никак не выходил у меня из головы. Как он там? Бедный ребенок очень боялся, его голос звучал у меня в ушах. Как человек может все это выдержать? Сложно вынести столько бед. Я прислонилась к стене, но сил уже не было, и я опустилась на бетонный пол. Мне теперь было хорошо даже на холодном бетоне. Никто меня не бил, не издевался... Я не заметила, как провалилась в сон. Наверно, я бы и дольше проспала, но дверь открылась и вошел надзиратель. Он позвал меня, я встала и пошла за ним, но ноги не слушались, голова кружилась... Кое-как я дошла до комнаты с печью. Там уже о чем-то разговаривали Каро и Виталий.

- Заходи, садись на кушетку, - велел Виталий.

В комнате стояла железная кушетка, на ней ничего не было - ни матраса, ни одеяла. Я села, Каро, как всегда, стал буравить меня взглядом, полным ненависти - словно это я убила его отца.

- Как тебя звать-то? - спросил Виталий.

- Дюрдане.

- Сколько тебе лет?

- Двадцать.

- Да, ты совсем молодая. Этот Каро тебя сильно бил?

Я видела, как Каро нехорошо взглянул на меня.

- Не знаю, - ответила я.

- Ты боишься, что ли? Не бойся. Видишь, Каро здесь сидит, он мне уже все рассказал. Мы армяне, ты азербайджанка. Мы тебя поймали, ты в руках врага - ты прекрасно знала, что тебя здесь будут бить, оскорблять и так далее. Мы враги. Я с Каро только что приехали из Агдама, мы договорились с вашими. Ты мне сказала, что у тебя никого не осталось - мол, мама с папой и братья умерли. Ты это сама видела?

- Да. Родители, бабушка и братья - все умерли на моих глазах. Остались только мы с братом.

- Как его зовут?

- Эльшад.

Каро покосился на Виталия. Мне пришлось солгать, но я готова была на все, лишь бы не оставить Эльшада у них в руках, если он еще жив. Я зарыдала.

- Я отпущу тебя вместе с братом, потому что тебя здесь много мучили, почти уничтожили. У меня было много друзей среди азербайджанцев, но я кого угодно из них смог бы убить, если бы поймал. Но ты женщина, мне тебя жаль, - произнес Виталий.

Каро вдруг перебил его:

- Виталий, да ты что такое несешь? Разве это не они нам мешали взять аэродром в Ходжалы? Да им головы поотрубать надо! Девочка, если бы не Виталий - я бы тебя сжег заживо, а не отпускал!

Виталий, между тем, продолжил:

- Каро правильно говорит. Но не надо тратить всю злобу на одну девочку, побереги для других немного! - Он повернулся ко мне: Посмотрим, если твой брат жив, я вас обоих отпущу.

Каро был вне себя от злости:

- Эй, девочка, как я знаю, ты была связисткой и воевала, это преступление! Если бы я решал, я бы тебя уже давно прикончил, но вот видишь, Виталий решил тебя отпустить. Это все потому, что ваши дадут нам за тебя кое-что, что нам очень нужно. Но все равно недолго вам всем осталось, мы вас уничтожим - у нас много помощников. К нам приезжают воевать из Еревана, Ливии, Ирана, даже русские на нашей стороне. Ты это своим передай, пусть знают.

Мне показалось, что Каро готов был меня прямо на этом месте убить.

- Пойду найду твоего брата, посмотрим, как он, - сказал Виталий, - ты ведь ранена? В ногу, кажется?

- Да.

- А брат?

- В живот.

- Хорошо, посмотрим. Поднимайся, иди к себе. Я пришлю доктора, пусть осмотрит твою рану. Давай, вставай и уходи уже.

Надзиратель запер за мной дверь, я села и прижала колени к животу. Вот придет Виталий, найдет Эльшада и скажет ему: «Твоя сестра здесь, хочет, чтобы я тебя с ней вместе отпустил» - вот Эльшад обрадуется! Наверное, он сначала расстроится от того, что я все это время была здесь. Как бы то ни было, я очень хотела увидеть брата живым. Потом мы вместе освободимся и уедем из этой тюрьмы! Вот Виталий сказал, что никто меня больше не тронет - это, скорее всего, потому, что он увидел, в каком я состоянии. Похоже, он хочет, чтобы я немного оклемалась к моменту освобождения - но уже поздно, я почти не могу ходить. День ото дня нога все больше распухает, она чернеет. Да, он ведь даже доктора обещал прислать. В камере было ужасно холодно, бетон обледенел. Со стен капала вода, камера была черна, как ад. Я за свою жизнь видела много разных фильмов, очень любила фильмы про Вторую мировую войну. Насколько я помнила, фашисты забирали мужчин и заставляли работать, но никогда не мучили женщин и детей. Видимо, так ужасно, как армяне, со своими пленными никто раньше не обращался. Чего только эти звери не делали - убивали детей, стреляли в беременных женщин и вспарывали им животы, сжигали их заживо, отрубали головы солдатам, и еще много ужасных вещей... Это армяне зверски убили всю семью на глазах у маленьких детей там, в лесу, в ту страшную ночь; это армянские фашисты застрелили мать и повесили на дереве отца, а потом облили его бензином и подожгли; это все они на глазах матери отрубили головы трем ее детям, это армянские палачи застрелили единственного ребенка и заставили мать смотреть на это... Это они схватили в собственном доме совсем дряхлых стариков, лет 80-90, привязали друг к другу и подожгли в саду их дома. Это они отрубали головы нашим защитни-

кам - добровольцам - совсем еще мальчишкам; это армяне привезли бедного тринадцатилетнего Хагани на могилу армянского ребенка и выпустили ему кровь прямо там. Хагани ведь даже в руках оружие не держал ни разу! В чем он провинился? Он же был еще совсем маленьким, беспомощным и беззащитным ребенком. Скольким еще отрубили головы на армянских могилах! Матери все еще ждут своих детей, которых казнили эти армянские палачи...

Сердце замирало от этих ужасных мыслей. Вдруг дверь открылась, и вошел Виталий. Он посмотрел на меня и произнес:

- Эй, девочка, иди за мной, - сказал он и вышел из камеры.

Я пошла следом. Мы опять оказались в комнате с печью - она, как обычно, была жарко натоплена. Виталий сел на стул и закурил. Я стояла.

- Иди туда, садись, - велел он, показав на пол у печи.

Все ушли, остался только Виталий. Было очень тихо. Он потушил сигарету и сказал:

- Хочешь увидеть брата?

- Да! - ответила я и зарыдала, вероятно, от радости. Я не могла остановиться, слезы так и текли из моих глаз.

- Мы враги, но все равно все мы люди, а не звери. Сиди, сейчас приведут твоего брата. Но смотри, веди себя так, словно тебя не били, поняла? - спросил он.

Я очень обрадовалась - сейчас приведут Эльшада! Я очень его ждала. Теперь я точно знала, что он жив, и от этого на душе стало спокойнее. Виталий с кем-то говорил возле двери. Повернувшись ко мне, он сказал:

- Эй, девочка, ты должна радоваться, что твой брат жив! Его уже ведут сюда.

Дверь открылась, вошел армянин. Он обернулся и сказал кому-то:

- Входи давай!

Я не верила своим глазам - Эльшад и вправду жив. Я узнала его только по одежде - он был в свитере и белой куртке. По куртке и волосам я его и узнала. Как только я его увидела, тут же бросилась к нему и обняла за ноги. Я плакала и целовала ему ноги. Господи, спасибо тебе за то, что вернул мне брата живым! Я задыхалась от рыданий, а Эльшад молчал, словно не видел меня. Я обнимала его за ноги, плакала и говорила:

- Эльшад, почему тебя довели до такого состояния?
- Хорошо, успокойся, - попытался заткнуть меня армянин.
- Тебя не узнать!
- Тихо, я сказал!

Эльшад не отвечал. С трудом встав на ноги, я обняла его за плечи, стала целовать его и плакала, плакала. Виталий наблюдал за нами с таким видом, словно смотрел кино. Я рухнула на колени перед братом, обхватила его за ноги и опять стала целовать. Вдруг один из армян ударил меня так, что я отлетела в сторону. Виталий прикрикнул на него и выставил из комнаты. Я опять обхватила Эльшада за ноги, словно это могло помешать его увести от меня. Никому его теперь не отдам! Я с таким трудом его нашла, теперь даже если умрем - умрем вместе, выживем - так вместе. Эльшада так избили, что он боялся пошевелиться, все лицо у него было в крови, синяках, глаза распухли. Верхняя губа была рассечена, сквозь нее были видны зубы. Я не могла сдержаться от слез, когда смотрела на него.

- Сейчас вы оба сидите и ждите. Придет человек, и вы напишете письмо. Садитесь, я теперь вас точно отпущу. Пишите письмо родственникам, потом подождем их ответа, посмотрим, что они скажут, - произнес Виталий.

Мы, брат с сестрой, бок о бок сидели на железной кушетке. В комнате никого не было. Как только Виталий вышел, я прошептала брату:

- Чем тебя избили? Благодарю бога, что я тебя нашла! - только и успела сказать я, как Виталий вернулся. С ним вошла черноволосая девушка, они говорили по-азербайджански:

- Света, проходи. Эти парень с девушкой наши пленные, я хочу их освободить. Они напишут письмо, а ты прочитаешь и мне расскажешь, что они написали.

- Ладно.

Девушка подошла ко мне и села на стул.

- Света, эта девочка в Ходжалы была связисткой, похоже, образованная. Ей нужно написать письмо родственникам. Если хочешь, скажи ей, что надо писать, - обратился к ней Виталий.

- Виталий, не уходи, пожалуйста, немного с ними поговорим.
- Я никуда не уйду.
- Теперь ты мне разрешаешь с ней говорить, правильно?

- Да, разговаривай, - подтвердил Виталий.

Света посмотрела на меня и придвинулась ближе. Внимательно глядя на меня, она заговорила:

- Как тебя зовут?

- Дюрдане.

- Дюрдане, что за мужчина сидит рядом с тобой?

- Это мой брат Эльшад.

- Похоже, Эльшада били.

- Да.

- Так и тебя избili! Причем сильно!

- Били, но мало.

- Что у тебя с ногой?

- В ногу попала пуля. А брат ранен в живот.

- Нога болит?

- Болит, да.

- А у брата раны болят?

- Я только что увидела брата, не знаю, в каком виде его раны. Пусть он сам скажет - он точно лучше меня о своих ранах знает.

- Эльшад, куда тебя ранило? - спросила Света, обратившись к брату.

- В живот, справа. Пуля прошла навывлет, но у меня все тело болит, - ответил он.

- Ничего, вас скоро отпустят, вылечитесь. Дюрдане, у тебя больше нет ран?

- Нет, только нога. Но она уж очень болит.

Света наклонилась осмотреть мою рану. Увидев, что я совсем босая, она удивилась:

- Дюрдане, у тебя разве нет носков и ботинок?

- Я была в ботинках, но их с меня сняли, потому что я была ранена.

- Да, с ногой у тебя все плохо, может начаться гангрена. Здесь холодно, санитарные условия плохие. По-моему, Виталий послал за врачом, он скоро будет.

Виталий ответил:

- Да, доктор скоро будет.

- У этой девочки нога распухла и почернела! - сказала Света.

Несмотря на то что она была армянкой, Света очень хорошо разговаривала по-азербайджански, совсем как мы. Она интересовалась

нами, не отводила от меня глаз. Я положила голову на плечо брату, словно боялась, что его заберут от меня. Пусть меня даже убьют, но я его никому не отдам. Света смотрела на нас с таким любопытством, как будто никогда раньше не видела живых азербайджанцев. Возможно, мы просто так выглядели, что она не могла отвести свой взгляд от нас. Она протянула руку и дотронулась до моих волос:

- Какие у тебя длинные волосы! Но все в грязи. Я знаю, что тебя здесь очень мучили, но ни вы, ни мы не виноваты. Войну в Карабахе ведут те, кто высоко сидит. Мы все время жили друг с другом в мире, - добавила она.

Света встала, подошла к столу и налила себе воды из чайника. Позвав Виталия, она сказала:

- Виталий, иди сюда. Давай сделаем все, что надо.

Услышав это, я испугалась. Что это они собираются с нами сделать? Виталий пошел в коридор, Света ждала его у двери.

- Света, я буду через десять - пятнадцать минут, подожди меня, - напоследок сказал он.

- Хорошо, буду ждать.

Света снова вернулась в комнату и села напротив нас. Я ничего не могла понять из ее взглядов.

- Дюрдане, у меня был учитель из Ходжалы, он преподавал русский. Очень хороший человек, его звали Джаваншир. Ты его знаешь? - обратилась она ко мне.

- Да, он нам тоже русский преподавал. А еще он был нашим классным руководителем.

- Ты знаешь, где он? Был бы он здесь - я бы ему помогла.

- Нет, не знаю.

- Он был очень хорошим человеком, добрым учителем. Я очень его любила.

В комнату вошел Виталий. В руках он держал ручку и тонкую тетрадку. Отдав все это Свете, он сел и сказал:

- Света, ты дай тетрадь с ручкой девочке или ее брату и расскажи, как надо писать письмо.

Света посмотрела на меня:

- Кто будет писать? Дюрдане, давай ты напишешь, у твоего брата очень болит живот. Давай, пиши.

- Хорошо.

Виталий и Света велели мне писать так, чтобы было все понятно. Взяв в руки тетрадь с ручкой, Света сказала:

- Дюрдане, прежде всего напиши адрес, потом, что вы живы и здоровы. Скажи, мол, мы в порядке, помогите нас перевезти отсюда в Агдам. Поняла? - спросила она и положила письменные принадлежности на стол. Я села и начала писать:

Письмо

Получатель: Видади Агаев

Адрес: Агдам, Первомайская улица.

Мы, Дюрдане Агаева и мой брат Эльшад Агаев, живы и здоровы. Здесь все хорошо, нас не бьют и не мучают. Однако нужна ваша помощь, чтобы вывезти нас отсюда в Агдам. Мы очень просим выполнить все, что они просят, тогда нас отпустят. Мы очень просим нам помочь. Ждем ответа. До скорой встречи,

Подпись: Дюрдане и Эльшад

После того как я написала письмо, Света прочитала его вслух. В глазах Эльшада я увидела и страх, и радость. Света все смотрела на мои ноги. Повернувшись к Виталию, она спросила:

- У девочки нога ранена, можно я ей свои носки отдам? Так нельзя, конечно, но мы же ее уже решили отпустить.

- Давай что хочешь, мы ведь даже доктора позвали. Пусть они потом не говорят, что мы плохой народ.

Света сняла сапоги, стянула с себя носки и протянула мне:

- Возьми, надень их, Дюрдане! Они хотя бы немного тебя согреют. Не бойся, Виталий разрешил. Бери скорее, надевай. Мы не хотели доводить до такого.

- Не надо, спасибо. Я уже привыкла ходить босиком, - ответила я.

Света продолжала настаивать:

- Никто тебя больше не тронет, поэтому не бойся, надевай носки.

Мне пришлось надеть их. Но какими бы хорошими они ни пытались казаться, все равно они были врагами. Женщины в Ханкенди и

Аскеране меня чуть было не забили камнями до смерти, а теперь эта женщина пытается сделать мне что-то хорошее. Понять все это было сложно.

Света с Виталием заговорили между собой, а я тихонько спросила брата:

- Рана очень болит?

- У меня все болит!

- Не бойся, братик, они нас обоих освободят. Пусть я умру, но без тебя я отсюда не уйду, - сказала я, и слезы потекли из моих глаз. Я не могла сдержаться: видеть брата в таком состоянии - мучение. Его невозможно было узнать. Если бы мама с бабушкой его сейчас увидели, у них случился бы сердечный приступ. Виталий и Света разговаривали, а я все никак не могла отвести взгляд от изуродованного лица брата. У Эльшада распухли глаза, он плохо выглядел.

Вскоре Света закончила разговор и подошла к нам:

- Мое дело сделано. Мы только что говорили с Виталием - вас собираются освободить в течение пары-тройки дней. Вы же никому там, в Агдаме, не расскажете, как вас тут били, правда?

- Пусть нас только отпустят, и мы никому ничего не расскажем о том, что было здесь.

- Слушай, Дюрдане, я прекрасно знаю, как тебя здесь били и мучили. Но никому об этом не рассказывай, потому что для ваших честь очень важна. Ничего им не говори. Вы, азербайджанцы, очень хорошие люди, но и мы ничего плохого не сделали. Ходжалы в ночь на 26 февраля взял русский 366 мотострелковый полк, в этом нет ни нашей, ни вашей вины, это все русские виноваты, - сказала Света и ушла из комнаты.

Надо же, они не стесняются говорить о русских и обвинять их в том, что они, армяне, сами совершили! Армяне всего за одну ночь уничтожили нас, мучая убили много людей, сожгли наши дома, а теперь обвиняют русских?

Мы сидели с братом и ждали. Когда Света ушла, Виталий приблизился к нам:

- Отвезу это письмо Аллахверди Багирову, они договорятся. Если они выполнят наши требования, мы вас отпустим. Скорее всего, они выполнят, потому что в Агдаме очень ждут Дюрдане. Ладно, мне пора. Вы идите обратно, я распорядился, чтобы вас никто не трогал и ниче-

го вам не говорил. Может, вам полегчает, будете получше выглядеть, когда мы вас будем передавать.

Надзиратель уже ждал нас, чтобы отвести в тюрьму. Он привел нас в камеру и запер дверь. Я так крепко схватила Эльшада за руку, словно никогда в жизни не собиралась его отпустить. Мы молча смотрели друг на друга.

- Здесь больше нет женщин, кроме тебя? - не выдержал молчания Эльшад.

- Нет, они все здесь только один день были, их обменяли.

- А тебя почему оставили?

- Во-первых, я не могла уйти и оставить тебя одного. Во-вторых, кто-то из армянок меня сдал.

- Пару дней назад я слышал женские крики, это ты была?

- Нет.

- Что у тебя с руками? Почему они в таком виде?

- Они мне только по рукам били, потому что я была телефонисткой.

- Тебя не избивали?

- Нет же, говорю тебе, не волнуйся! Только Каро по рукам бил.

- Каро? Он нас тоже бил. Это он мне губу рассек.

- Что у тебя сейчас болит, Эльшад?

- Все, нет ничего, что бы не болело...

- Сейчас самое главное - держаться вместе. Даст бог, мы спасемся из этого ада! Интересно, Эльман, Ильдениз и маму с бабушкой живы? В первый день мне Адиле сказала, что видела, как маму сильно ранило. Возможно, она умерла, хотя когда я спросила Адиле, видела ли она это своими глазами, она ответила, что точно не знает.

- Что, мама умерла?! Скорее всего и бабушка тоже - она же была уже совсем старая. А вот про Эльмана с Ильденизом не знаю.

- Ничего, скоро выберемся и узнаем, кто жив.

- Что у тебя с ногой? Что случилось? Надо же, как она у тебя распухла и почернела! Да и волосы все в грязи. Господи, у тебя платье стало красным от крови! Еще и порвалось...

- Это в лесу я порвала.

- Нет, когда мы сюда попали, оно не было таким!

- Тише, если нас услышат, то придут и избьют...

Эльшад снял с себя куртку и постелил ее на пол, мою накиннул на меня. Я легла ему на колени и вытянулась. Незаметно я заснула, мне что-то снилось. Вдруг я отчего-то подскочила. Эльшад спал, прислонившись к стене. Увидев это, я старалась лежать, не шевелюсь, чтобы не разбудить его. Ему сейчас было хорошо, больше никто не бил.

Эльшад учился в Шушинском училище, я работала на телефонной станции. Мы каждый день созванивались, много разговаривали. В день зарплаты я звонила Эльшаду: «Приходи, дам денег!» Я ему давала на карманные расходы столько, сколько он просил. Брат учился, я работала. Я была старшей, здесь, в тюрьме, я тоже повела себя как старшая.

Я положила голову на плечо Эльшаду, он прислонил свою голову к моей – так мы сидели довольно долго. Хотелось есть и пить, мы с каждым днем слабели, но поделаться ничего было нельзя. Самое главное – мы теперь снова вместе. Присутствие Эльшада придало мне уверенности, я была убеждена, что бок о бок, рука об руку мы выберемся из этой тюрьмы. Конечно, мы оба были ранеными, голодными, страдали от голода и жажды. Не терпелось встретиться с родными.

В это время дверь открылась, вошел старый надзиратель и по-армянски обратился к брату:

- Ара! Вставай и иди сюда. Да не бойся ты, я ничего тебе не сделаю. Виталий приказал вас не трогать.

Эльшад поднялся, он едва ходил. Когда дверь за ним закрылась, я опять осталась одна. Я боялась, что брата будут мучить. Вдруг надзиратель опять пришел:

- Эй, девочка, вставай, и ты иди сюда! Никого нет. Да не трону я тебя, у меня приказ Виталия. Иди скорее!

Я обрадовалась, что Эльшад не будет там один. Поднявшись, я вышла в коридор – там и вправду никого не было. Надзиратель протянул мне метлу:

- Девочка, подмети в этой комнате, приберись. Мусор кидай в это ведро, хорошо?

- Хорошо. А где мой брат?

- Твой брат прибирает перед дверью. Не бойся, никто вам ничего не сделает!

Я взяла метлу и начала подметать комнату. Только-только я закончила, как услышала мужской крик. Сначала я не поняла, кто это был,

но через секунду узнала голос Эльшада. Это он кричал. Я была одна в комнате, от страха не осмеливалась выйти в коридор. Наконец, показали двое армян в военной форме, они тащили за собой брата. Он весь был в крови.

- Куда они тебя увели? Почему избили?! Они же сказали, что ничего нам не сделают! В чем дело? - принялась расспрашивать я брата.

- Когда я собирал мусор, пришли четверо мужчин с лопатами. Они стали меня бить, но пришел Виталий и забрал меня у них. Он попросил двоим отнести меня сюда, так я оказался здесь, - ответил брат.

Эльшад был весь в крови, на лице появились новые раны. Его очень сильно избили, он не мог даже стоять. Я расплакалась.

Мы вернулись в камеру, Эльшад с трудом сел. Я примостилась возле него, стараясь не показывать своих переживаний. Мы хотели немного передохнуть, но вдруг дверь опять открылась - вошел Виталий. Он велел нам поспешить. Держась друг за друга, мы пришли в комнату, там уже были Виталий, Каро и какой-то русский.

- Этот русский - врач. Он осмотрит ваши раны. У тебя, - указал Виталий на меня, - нога ранена, а у тебя - живот. Покажите раны, пусть доктор посмотрит.

- Иди сюда, девочка, садись. Давай ногу, пусть врач осмотрит. О, ты что, в носках? - удивился Каро.

- Не трогай ее, Каро! Это Света дала, я разрешил. Оставь ее, пусть врач осмотрит. Мы уже совсем скоро их отпустим, пускай немного оклемаются. Больше их не бить! Оказывается, Эльшада сегодня опять сильно избили? - спросил его Виталий.

Я сняла носок с раненой ноги, доктор взглянул на рану. Он осмотрел ее, помогая себе каким-то железным инструментом и покачал головой. Повернувшись к Виталию, он сказал по-русски:

- Пуля застряла внутри. Рана очень скверная, развивается воспаление. Может попасть инфекция, а от холода все станет еще хуже. Нужно срочно делать операцию, очень опасная рана. Возможно, станет хуже еще до того, как вы ее отпустите, а потом ей, скорее всего, ампутируют ногу. Я сейчас промою рану спиртом и забинтую.

Он очистил рану и залил ее спиртом. Я закричала от боли, рана просто горела.

- Эй, девочка, это не вредно, надо убить микробы. Мы тебе ничего плохого не делаем, наоборот. Оставь, пусть спирт останется в ране. Нам нужно, чтобы ты была в порядке. Зачем? А потому, что если ты своими ногами придешь, нам за тебя еще больше бензина дадут. А потом пусть твоя нога хоть сгниет, хоть отвалится - нам все равно, - сказал Виталий.

Эльшад все это время внимательно смотрел на меня с сочувствием во взгляде. Виталий повернулся к нему:

- Давай и ты показывай рану!

Эльшад задрал рубашку. У него в глазах был такой страх, что он даже сам себе в этом не отдавал отчета. Он даже побледнел. Доктор посмотрел рану, затем снял с него рубашку, чтобы осмотреть спину. Когда я увидела спину брата, я очень испугалась - на ней живого места не было. Врач ощупывал раны и качал головой. Было видно, что доктор в ужасе. Он показал Виталию на спину брата и сказал:

- Разве так можно? Это вам животное или человек? Разве можно человека так бить? Нельзя!

Виталий молчал. Врач взял пинцетом вату, смочил ее спиртом и стал протирать спину Эльшада. Брату было очень больно, он заплакал. Я никогда раньше не видела, чтобы он так рыдал - слезы текли из его глаз. Доктор протер ему спину спиртом, забинтовал рану и посмотрел на рассеченную губу:

- Виталий, сюда очень сильно ударили, хорошо еще, что зубы не выбили. Разве можно так бить пленных? Это неправильно. Я сейчас ничего не могу с этой губой сделать, ее надо зашивать. Девочке, скорее всего, в Агдаме ногу придется ампутировать, она слишком воспалилась. Они оба не в лучшем состоянии, - подытожил он.

- Хватит, доктор! Ничего им не будет, к тому же, мы их отпускаем - пусть катятся к черту. Дальше будь что будет - нас это не касается! Пусть радуются, что остались живы, - ответил ему Каро.

Доктор собрал инструменты и ушел. Мы остались в комнате с Каро и Виталием.

- Я отправил ваше письмо в Агдам, сказал вашим, что с вами все хорошо. Они ответили, что если я отпущу девочку, то они дадут мне все, что я просил. Ха, не тут-то было! Я им сказал, что отпущу вас обоих, но только после того, как они мне все передадут. Мы договорились. В рай-

оне Агдама осталось тело нашего солдата, пусть они дадут его и все, что мы просили, нам - и я сразу вас обменяю. Но я еще раз вам говорю, я приказал вас больше не трогать. Немного придите в себя, чтобы быть в состоянии ходить, - сказал Виталий.

Все ушли, остались только мы с Виталием. Он позвонил надзирателя:

- Отведи этих обратно в камеру. Никому не позволяй их бить, пусть у них раны заживут немного, - сказал он.

Надзиратель привел нас в камеру, мы остались одни. Эльшад выглядел очень задумчивым, не отрываясь, он смотрел в одну точку. Было холодно, и он все старался закутаться в куртку, будто замерзал. Я вспомнила, что когда-то мне говорили: «Когда человек голодный, он очень быстро замерзает». Я тоже дрожала от холода, больше всего мерзли ноги. Эльшад все смотрел на меня, словно хотел что-то сказать.

- Сестренка, я все думаю о том, что говорил Виталий. Скажи мне честно, только не обманывай - это правда, что тебя сильно били? Пожалуйста, скажи правду, я очень переживаю!

- Эльшад, ну расскажу я тебе - и что изменится? Ты только расстроишься. Да, это правда, однажды Каро меня избил. Еще раз побил женщину из военных, она сказала, что приехала из Сумгайыта. Вот и все, больше ничего не было.

- Да нет же, ты опять недоговариваешь! Что ты от меня скрываешь? Эта женщина - она солдат?

- Да.

- Больше ничего не делали с тобой? Рассказывай все как есть!

- Да нет, что они со мной еще могли сделать? Били, чтобы расслабиться, все на нас вымещали свою злость, вот только за что - не знаю.

Эльшад успокоился. Мы оба погрузились в свои мысли, я думала обо всем, что уже пережила, и о том, что ждало меня впереди. Эльшад ведь был не ребенок, как я могла его обмануть? Мы были в руках у врага, они делали с нами все, что хотели. Я чувствовала, что Эльшад, с одной стороны, радуется скорому освобождению, а с другой - тревожится за меня. Вдруг железная дверь снова открылась, вошел тот же самый надзиратель:

- Вас зовет Виталий.

Кое-как мы поднялись. Я взяла Эльшада за руку, и мы вместе вошли в комнату.

- Идите сюда, там холодно, посидите здесь - немного согреетесь. Я вам сейчас кое-кого покажу. Интересно, узнаете или нет? - произнес Виталий, увидев нас.

Дверь открылась. На пороге стоял Валех - его вместе с нами схватили в том лесу.

- Ты знаешь его? - спросил меня Виталий.

- Да, нас вместе схватили и привезли сюда.

- А в Ходжалы ты была знакома с этим человеком? Он воевал?

- Нет, не воевал. Он музыкант.

- Да, он нам тоже так сказал. Говорит, на гитаре играл.

Валех очень скверно выглядел, еле стоял на ногах. Из одежды на нем была только рубашка, ноги были босые, как и у меня. Он смотрел на нас с таким волнением, что, казалось, в его глазах кроме страха ничего не осталось.

- Валех, ты этих знаешь? - спросил его Виталий, показывая на нас.

- Да, мы все в Ходжалы жили.

- Ты хорошо знаком с этой девочкой? Где она работала?

- Это Дюрдане, она работала на телефонной станции.

- Она воевала?

- Нет, ни она, ни ее брат не были солдатами.

- Валех, я тебя тоже отпущу. Мы часто общаемся с твоим отцом, но он еще не подготовил то, что я попросил.

В коридоре послышались какие-то звуки, Виталий встал и вышел туда.

- Вас, правда, отпустят? - спросил Валех. - Если увидите моих, скажите, пусть приготовят все, что просят, я больше не могу это выносить!

- Мы не знаем, когда точно нас отпустят, но обязательно все передадим твоим родственникам.

На столе стояло несколько стаканов, три-четыре подсохшие хлебные корки и около пяти кусочков сахара. Я быстро протянула руку и схватила корку хлеба и кусок сахара. Хлеб я положила в карман брату, а сахар отдала Валеху.

- Валех, прячь скорее, пока они не увидели!

Было понятно, что Валех очень мерзнет.

- Почему с тебя сняли одежду? - спросила я его.

- Откуда я знаю? Я скоро сойду с ума, не могу больше! Сколько можно человека бить и мучить, а?

- Держись, Валех, другого выхода нет. Ты должен еще немного потерпеть.

Виталий вернулся в комнату. Он посмотрел на нас - мы сидели молча. Виталий тоже молчал. Собравшись с духом, я храбро спросила его:

- Можно я отдам Валеху свои носки, а Эльшад - свитер?

- Свитер отдайте. А носки-то зачем? Ты же босая останешься. Света их тебе дала, а ты теперь их хочешь Валеху отдать. Почему, интересно?

- Мы уйдем, а Валех останется, это чтобы он не замерз.

Я сама надела на Валеха все это. Мы еще какое-то время сидели в комнате, тут было очень жарко. Совсем не хотелось уходить отсюда в ледяную и влажную камеру... От вида того, как Валех кутается в свитер, к горлу подступал ком. Улучив момент, он прошептал:

- Спасибо вам, Эльшад и Дюрдане! Вы мне очень помогли.

- Валех, ты кушай сахар, полегче будет! - ответила я.

Я больше ничего не могла для него сделать, поэтому молча сидела. Наконец Виталий сказал:

- Ладно, хватит с вас. Теперь отправляйтесь по своим местам!

Я взяла Эльшада за руку. Когда мы вышли в коридор, я сказала Валеху набраться терпения и молить Аллаха о помощи. Мы разошлись по камерам.

Всю ту ночь мы с Эльшадом сидели прислонившись друг к другу. Поспать удалось совсем чуть-чуть - и то только потому, что теперь у нас появилась надежда, никто не бил нас и не мучил. Но острая боль в животе все не унималась. Рассвело, в коридоре стало очень шумно. Армянские солдаты перекрикивались, словно дикие звери. Послышались мужские вопли.

- Это мужчин бьют! Каждый раз, когда я это слышу, сердце кровью обливается. Да, ты теперь со мной, но они все мне тоже родные. Ничем я им не могу помочь! - сказала я Эльшаду.

- Кто его знает, это либо Каро, либо те бородатые армяне, они нас все время били. наших бедных братьев бьют. Если бы я сейчас был там, опять бы меня мучили вместе со всеми. Спасибо тебе, что спасла меня!

У меня не повернулся язык сказать Эльшаду, что был случай, когда мужчин избивали прямо у меня на глазах. Потом я узнала, что молодых они по-разному мучили, но со стариками еще безжалостней обходились - вырывали им ногти на ногах и руках, клещами выдирали зубы, выдерживали щетину. От услышанного сердце у меня стало учащенно биться.

- Ты знаешь, кого я там видела, Эльшад?

- Кого?

- Армян из Франции и Турции, даже негров, арабов и иранцев.

- Это ты где их всех видела?

- В Ханкенди - меня туда возили ненадолго.

Мужчины продолжали кричать, ни одно сердце не могло это выдержать. От этих звуков ведь и умереть можно!

Через какое-то время железная дверь опять открылась, и вошел Каро. Он жестом подозвал меня.

- Я? - переспросила его.

- Да, да, ты. Не бойся, бить не буду, - уверил он меня.

Мне стало страшно, но я встала. Выходя из камеры, я посмотрела на Эльшада - он стал бледный, как полотно. От страха у меня дрожали руки. Каро шел впереди, я от безысходности следовала за ним. Мы вышли из здания. Прямо перед входом стояла машина. Каро забрался в нее и велел мне садиться в машину:

- Давай быстрее, мы едем в Ханкенди. Не бойся ты так, я тебя не трону! - раздраженно прикрикнул он.

Каро сам вел машину. Мы опять ехали в сторону Ходжалы, я все время думала только об Эльшаде.

Мы выехали из Аскерана и двигались к Ходжалы. Когда мы въехали в город, к горлу подступил ком - когда-то здесь была моя прекрасная родина, все было в зелени, люди улыбались... Но сейчас от нее и камня на камне не осталось. Чем глубже мы заезжали в город, тем тяжелее мне становилось. Глаза мои были на мокром месте. Я вспоминала свое детство и юность, друзей, соседей, родственников, свою семью...

Каро посмотрел на меня через зеркало:

- Эй, девочка, смотри хорошенько на Ходжалы, запоминай! Плачь? Правильно, плачь. Больше ноги вашей не будет в Ходжалы! Чтобы взять город, мы много воевали, много наших погибло. Но ничего, скоро мы весь Карабах возьмем! - злорадно воскликнул он.

Каро все продолжал ругаться. Мне подумалось, что если бы я оказалась в его руках, он бы мне на этом самом месте отрубил голову. Интересно, Виталий знает, что Каро меня увез? В это время мы въехали в Ханкенди - всюду виднелась военная техника, танки, солдаты. Среди военных было много женщин. Я опять увидела негра, у него в уши были вдеты большие кольца. Увиденное меня очень напугало. Военная техника была везде. Мы и до этого слышали, что в Ханкенди есть бронированные машины и наемные солдаты, теперь я все это увидела своими глазами. Я немного знала Ханкенди, но Каро все время ехал по незнакомым дорогам. Наконец, он подъехал к какому-то дому и заглушил мотор. Ничего не сказав, он вышел из машины и вошел в дом. Здание с виду было самым обычным. Я ждала его довольно долго, как вдруг он вышел оттуда вместе с Виталием. Они о чем-то активно спорили, причем Виталий выглядел гораздо более сердитым, чем Каро, но я все равно не понимала ни слова из их разговора.

Виталий сел в машину и сказал мне:

- Эй, девочка! Сегодня Каро говорил с людьми в Лачине. Лачинцы готовы нам дать то, что нам очень нужно...

Каро не выдержал, прервал его и со злостью произнес:

- Виталий, да кто она такая, что ты ей так все рассказываешь? Я уже договорился, отдам эту девочку в Лачин, а с братом делай что хочешь - в Агдам отвези, не знаю.

- Каро, это все так просто не делается! Я уже договорился с Агдамом, их вместе освобожу. Отвези девочку в Аскеран. Ну вот сам подумай, у нас хоть в Ханкенди, хоть в Аскеране есть еще пленные, которые могут хотя бы на ногах держаться? Не трогай ее, делай, что я скажу, понял? - прикрикнул на него Виталий и ушел обратно в дом.

Каро стал осыпать меня проклятиями. Он ехал и все время краем глаза поглядывал на меня через зеркало.

- Когда я сержусь, я ничего вокруг не замечаю. Моя бы воля - избил бы тебя так, что родная мать бы не узнала, если бы не Виталий, так и сделал бы. Отрезал бы тебе голову и привязал за косу к дереву! Но видишь, ты нам сейчас нужна. Если бы я решал, не отдал бы тебя. Ты молодая, могла бы пригодиться - заставили бы тебя работать, была бы у нас в рабстве. У нас много солдат, я бы тебя им отдал, пусть бы делали с тобой, что захотели!

- Можно, пожалуйста, когда мы приедем в Аскеран, при брате не ругаться? Я же ни в чем не виновата, - попросила я.

- Тогда так сделаем. При твоём брате я буду молчать, но за это отвезу тебя в одно место, и ты ничего не расскажешь об этом Виталию, идет?

- Куда вы меня отвезете?

- Тебя не касается! Заткнись! - рявкнул он.

Каро был очень рассержен. От злости он разогнал машину так, что летела с такой скоростью, словно кто-то гнался за ним. Слова Виталия его очень рассердили. Когда мы подъехали к аэродрому, я увидела трупы солдат. Вероятно, они погибли во время наступления на город. Я не разглядела, сколько их там лежало, около четырех-пяти. Одному Богу известно, сколько еще трупов лежит в Ходжалы! Вспомнились тела возле дома тети Кумру, я их видела несколько дней назад в поселке. Иногда казалось, что все умерли, и только я одна осталась в живых. Я вспомнила ту страшную ночь, пули, что падали словно град... Ни стоять, ни бежать из-за них было невозможно.

Похоже, Каро опять хочет сделать со мной что-то плохое - он был так рассержен, что вряд ли бы мог оставить меня в покое, чтобы выместит на мне всю злость. Когда мы въехали в Ходжалы, Каро сбросил скорость:

- Эй, девочка, где там твой дом-то был? Давай, показывай!

- Чуть впереди, слева, есть переулок, он ведет прямо к нашему дому, - ответила я.

- Хочешь свой дом увидеть?

- Не знаю.

Каро поехал к моему дому. Мой мир словно рухнул. Да, я уже видела его в прошлый раз, но издалека. Теперь мы подъехали совсем близко к дому - что за печальное зрелище! Скорее всего, в него попал снаряд - второй этаж был полностью разрушен, от первого остались только стены. Ведь этот дом - единственное, что осталось от бабушки с дедушкой, они его с таким трудом строили! Боже мой, сколько воспоминаний у меня было с ним связано... Тут хранились вещи, оставшиеся от деда; ковры, одеяла с подушками, еда и чай, которые мне в приданое покупала бабушка - ничего из этого мне уже не достанется. Наш красивый и любимый Ходжалы был разгромлен. Когда-то в этом квартале прошло мое беззаботное детство, мы играли на этих самых улицах. Каро остановил машину прямо перед моим домом:

- Вылезай. Я тебя сюда привез, чтобы ты увидела свой разрушенный дом в последний раз, и этот день навсегда запомнила. Я с тобой такое сделаю, что ты никогда не забудешь эти руины!

Я понимала, что все это не к добру, мне было очень страшно. Ударил мороз, было очень холодно. Я стояла босая, ноги замерзли - на них не было ничего, кроме бинтов, раненая нога сильно болела. В соседние дома уже въехали армяне, они грабили и разрушали все вокруг. Был самый холодный месяц зимы. Я стояла перед входом в свой дом, Каро бродил по саду, а потом заговорил с каким-то армянином, которого увидел в саду наших соседей. Наш дом сгорел и рухнул, вся скотина пропала. У нас были коровы, гуси, куры с цыплятами, бараны - все забрали армяне!

Я старалась все рассмотреть, Каро продолжал говорить с армянином. Наконец, они вдвоем подошли ко мне. Каро показал на меня и сказал по-азербайджански:

- Эту девочку мы в ту ночь поймали, сейчас ее обменяем на нужные нам вещи. Я ее привез, чтобы она хорошенько запомнила свой дом и то, что с ним стало, пусть поймет, что ходжалинцы сюда больше никогда не вернуться! Саша, тебе есть, что ей сказать? - спросил он армянина.

- Каро, разве можно упускать такой шанс! Разве можно отпускать азербайджанку? Оставь ее мне, ее можно использовать - она молодая, будет хорошо работать.

- Нет, Саша, так не получится. Но я сейчас ей такой урок преподам, который она точно никогда не забудет!

С этими словами Каро достал из багажника длинный резиновый шланг, намотал на руку и стал меня бить. От каждого удара мое тело горело - этот зверь бил меня со всей силы. Армяне собрались вокруг и наблюдали за тем, как Каро меня избивает. Я как могла пыталась защититься от ударов, иногда не выдерживала и вскрикивала: «Господи!.. Мама!..» При каждом моем крике Каро начинал бить еще сильнее. Какая-то армянка прокричала Каро: «Дай ее мне, я ее на куски разорву!» Все что-то говорили... Вдруг Саша взял у Каро шланг и сам стал меня бить, осыпать бранью. Никто меня не жалел, словно я надругалась над их мертвыми родными, все смотрели на меня так, словно готовы были убить.

Саша бил все сильнее и сильнее, Каро с нескрываемым удовольствием наблюдал за этим. Армяне кричали: «Отрежь ей голову! Убей ее!» - все они казались мне кровожадным зверьем.

- Саша, хватит. Нам ее еще обменять надо, так что не будем ее слишком бить. Ей надо по крайней мере на ногах держаться, она ранена в ногу - говорит, пуля попала. Конечно, если бы не надо было ее обменивать - я бы ее тебе оставил! - сказал Каро и повернулся ко мне, - Эй, девочка, залезай в машину!

Я пошла к машине, а Каро все разговаривал с Сашей. Что мы сделали им плохого, за что они так нас теперь ненавидят?..

Каро сел за руль и завел двигатель. Мы уехали из района, где прошло мое детство и юность, я больше никогда его не увижу. Я последний раз посмотрела на свой дом, улицу... Каро все еще злился.

Мы добрались до Аскерана. Каро открыл дверь и со злостью выдернул меня из машины, а потом уехал. Я вошла в здание тюрьмы.

У меня болела спина, но я попыталась выпрямиться, как будто ничего не было - чтобы брат не догадался. Увидев меня, Эльшад воскликнул:

- Слава богу, ты вернулась! Куда тебя Каро возил?

- В Ханкенди.

- Зачем? Что там?

- Да ничего. Каро хотел отдать меня в Лачин, обменять на что-то.

- Какой еще Лачин? Зачем? Они же нас собирались в Агдам отвезти?

- Не волнуйся ты так, никто меня уже в Лачин не увезет.

- Этот мерзкий Каро тебя бил?

- Нет, с чего бы? Виталий же ему запретил!

- Им нельзя верить, Дюрю. Они же враги.

- Не переживай, не бил он меня!

- Тогда почему ты так поздно вернулась?

- Ну откуда мне знать? Каро привез меня к какому-то дому и ушел, я его долго ждала. Потом пришел Виталий, они поговорили, потом Каро опять ушел, опять я его ждала.

- Ты обманываешь меня, Дюрю! Пожалуйста, скажи мне правду! Я уже и так понял, что он тебя бил - у тебя вся шея в синяках.

- Хорошо, хорошо. Да, он меня отвез в Ходжалы к нашему дому, там избил. Я не могу больше так, Эльшад! Там был какой-то армя-

нин, Саша, он меня тоже бил. Представляешь, наш дом сгорел дотла! Весь Ходжалы в развалинах, много домов разрушено, некоторые из них до сих пор дымятся. Все наши труды сгорели, нас уничтожили, брат...

- Не плачь, сестренка, успокойся!

- Эльшад, Каро - бессовестный и жестокий, он сильно ненавидит всех ходжалинцев, так и рвется нам отомстить. Представляешь, привез меня прямо к двери нашего дома! Ты бы только видел, сколько в поселке армян, они меня чуть на части не разорвали! Верить или нет - я боялась не за себя, а за тебя. Я думала, что если бы меня отдали в Лачин, тебя бы убили.

- Да я уже и так почти умер, ты тоже совсем плоха. Ты ради меня своим здоровьем пожертвовала!

Если бы Эльшад знал до конца, как со мной обращались, он бы, наверно, умер от горя. Про сегодняшнее он тоже бы ничего не узнал, если бы не синяки на шее - я вынуждена была все рассказать. Как бы мне плохо не было, я ему больше ничего не буду рассказывать - ведь он мужчина, каждое мое слово будет ему как ножом по сердцу.

Я положила голову на плечо Эльшаду. Он очень за меня боялся, переживал. Несмотря на то что он был младше меня, однако вел себя как старший брат.

Мне было плохо от боли и от мыслей - перед глазами все еще стоял наш разрушенный дом, он до сих пор дымился. Наша чудесная родина лежала в руинах. А ведь до этой войны в Ходжалы столько всего построили! Пяти- и девятиэтажные дома, больница, текстильная и шелковая фабрики... Почти достроили новую телефонную станцию - все это было разрушено.

Эльшад думал, что я уже заснула. Ему явно не спалось - иногда он стонал, звал маму, Бога. Как хорошо, что Каро сегодня увез меня одну, без Эльшада! Если бы он побил брата, тот бы точно умер.

Я согнула ноги в коленях, съежилась и положила голову Эльшаду на колени. Он теребил мои волосы, гладил по голове - словно сам был взрослым, а я всего лишь маленьким ребенком. Каждый раз, когда он касался моей головы, было очень больно - раны и не думали заживать, но я не подавала виду. Он делал это, чтобы я успокоилась, а я не могла заснуть от боли.

На улице было темно. Вдруг в коридоре послышались голоса – кто-то разговаривал на армянском, я уже устала слышать непонятную речь. Дверь открылась, вошел сторож:

- Эй, девочка, тебя Виталий зовет.

По правде говоря, услышав его имя, я не испугалась – я знала, что он собирается нас освободить.

Когда я вошла в комнату, Виталий пил чай. Я какое-то время наблюдала за ним: Виталий очень отличался от других, говорил всегда очень спокойно. Это он отдавал здесь все приказы, никто без его ведома не мог ничего сделать, он был тут командиром. Сам он никого не бил, только приказывал бить.

- Иди, садись с той стороны стола.

Почему-то в этот раз Виталий разрешил мне сесть на стул. Наверно, это потому, что нас уже скоро отпустят. Виталий очень странно смотрел на меня – без ненависти и злобы. Словно я была не врагом – но и не другом.

- У меня было много друзей-азербайджанцев. Мы очень дружили, вместе ели. Именно поэтому я тебя вместе с братом отпускаю. Мне тебя жаль – ты тут единственная женщина осталась, тебя много били. Поэтому я и решил твоего брата тоже отпустить. Я уже дал слово, что обменяю вас вместе. Ваши обещали завтра с нами связаться – а дальше все зависит только от Агдама.

Он сделал знак рукой, я встала и пошла к двери. Напоследок он сказал:

- Я тебе сделал добро, ты мне на это тоже добром ответь. Когда окажешься у своих, обещай, что не расскажешь им, как тебя тут били! Поняла?

Я кивнула и вернулась в камеру. Там было темно, но от двери в нее попадало немного света. Эльшад сидел, я положила ему голову на колени и затихла.

Мне удалось немного подремать. Стало легче, но все равно тело горело от боли, глаза жгло, сердце быстро стучало. Я с нетерпением ждала утра, но все никак не рассветало. Я опять положила голову на колени брату и провалилась в сон. Мне снился наш дом.

Я вспомнила маму – она была очень работящей, очень много трудилась, чтобы нас всех вырастить. Мама готовила еду двадцати семи до-

бровольцам, стирала их одежду – заботилась о них, как о своих детях. Когда кто-то из них болел, она отпаивала больного травяным чаем с вареньем. Мама все время повторяла нам, что эти добровольцы оставили своих родителей, уютные дома и пришли нам помочь, поэтому наш долг – заботиться о них. Она была очень доброй. Солдаты даже называли ее «матушка Ньюбар»... Когда я была на дежурстве на станции, они все время приходили, чтобы позвонить к себе домой. Мама просила, чтобы я не брала с них за это денег. У командира добровольцев, Акила Кулиева, была трехлетняя дочка. Он каждый день приходил ко мне на станцию и звонил домой. «Не бойся, доченька, папа вернется целым и невредимым! Ты помолись, чтобы папа вернулся целым», – повторял он ей. В ночь Ходжалинского геноцида Акил Кулиев погиб как герой, защищая нашу землю. Погиб не только он – почти все двадцать семь человек были убиты. Уже потом я узнала, что два-три добровольца выжили. Одного из солдат звали Хикмет Незерли, он был единственным ребенком в семье. Хикмет тоже часто звонил своей маме, говорил, чтобы не беспокоились за него, обещал вернуться домой, как только освободит Карабах от армянских бандитов. Потом я узнала, что Хикмета поймали в плен и отрубили голову прямо на аэродроме.

Мы с братом с нетерпением ждали утра. Раньше я, наоборот, совсем не хотела, чтобы рассветало, потому что это значило только одно – кто-то обязательно меня изобьет, будет издеваться. Я боялась рассвета. Но сейчас я с нетерпением его ждала. Конечно, я до сих пор не была до конца уверена в том, что нас все-таки отпустят, но все равно не могла сдержать радость.

Понемногу начало светать. В коридоре все еще было тихо – наверное, все спали, ведь в эти часы всегда особенно хорошо спится. Ничего, скоро придут.

Так и получилось. Дверь открылась, и сторож позвал нас:

- Проснулись? Я услышал ваши голоса. Не бойтесь, пришел Виталий, он вас ждет. Идите к нему.

Я вскочила на ноги с такой радостью, словно нас отпускали уже в эту секунду. Взяв брата за руку, я вошла в комнату. Виталий пил чай.

- Входите, садитесь, – сказал он, заметив нас, – я жду ответа от ваших, как только они свяжутся с нами – я вас отправлю. Вчера они обещали утром выйти с нами на связь, давайте подождем.

Мы молча сидели, Виталий не отрывал взгляда от моей раненой ноги. Она была вся в грязи.

- Манвел, у нас есть бинт? - позвал он сторожа.

- Бинта нет, но есть марля.

- Отрежь от нее кусок, дай девочке. - Затем он обратился ко мне: Поменяй повязку, у тебя вся нога посинела.

Сторож протянул мне марлю:

- Держи девочка, скажи спасибо Виталию. Снимай старую повязку, перевяжи этим.

Я перебинтовала ногу.

- Если хотите чаю, я велю вам налить. Горячий, пейте, сразу станет легче, - сказал Виталий.

Сторож налил два стакана чая, протянул нам. У меня было ощущение, что я уже целую вечность не пила чай - он мне сразу столько сил придал! Эльшад тоже большими глотками его пил, словно умирал от жажды. Виталий ушел в коридор, в комнате остались только мы с братом.

- Дюрю, у меня от чая даже в глазах посветлело! - прошептал Эльшад.

- И у меня. Только давай лучше не будем разговаривать.

Мое сердце так билось, я чуть ли не задыхалась от волнения. Почему от наших никаких вестей? Они что, не знают, что мы больше не можем выносить всех этих мучений?

Виталий вернулся, начал нервно ходить по комнате. Видимо, что бы там он ни попросил у наших, ему это что-то было очень нужно. Виталий все время шагал туда-сюда. Мы ждали долго, очень долго. Наконец, он посмотрел на часы и сказал:

- Уже двенадцать, а от них все никаких новостей! А потом еще нас обвиняют. Мы, между прочим, уже давно готовы.

Хорошо, что все это время мы были в этой комнате, хотя раньше я ее ненавидела, боялась сюда приходить - ведь меня так здесь мучили! Но теперь от страха не осталось и следа: брат теперь был со мной, тут было тепло.

В комнату вошел Каро. Увидев нас, он недобро засмеялся:

- Виталий, ты этих собак сейчас увезешь на обмен? Я бы их не отдавал!

- Есть какие-то новости, Каро? - спросил его Виталий.

- Да, я говорил с ними по рации. Сказали, чтобы мы приехали через час.

- А с сестрами что? И с женщиной? Вы их привезли?

- Я сказал через час привезти.

Оказывается, кроме нас, обменяют еще кого-то. Интересно, кого? Где их поймали? Может, сестры жили где-то рядом с нашим поселком? А женщина? Ладно, увидим, когда их привезут.

Надо было еще час ждать. Я устала от ожидания, но Эльшад был очень радостным, несмотря на все беды. Каро очень недобро поглядывал на нас - он бы точно нас сжег живьем, если бы мог.

- Эй, девочка, у тебя очень болит нога? - спросил Виталий.

- Нет, не болит.

- Тогда старайся не хромать, когда пойдешь, хорошо?

- Да.

- Мальчик, ты тоже старайся идти как следует, не хромай, понял?

- Понял.

- Смотрите, в Агдаме лишнего не болтайте! - вмешался Каро.

Что бы они ни говорили нам - приходилось со всем соглашаться, у нас не было другого выхода. Наша судьба все еще была в их руках. Незвестность убивает. Виталий все время смотрел на часы, видно было, что он тоже уже не может больше ждать. Наконец, час прошел. В комнату вошел солдат и позвал Виталия, потом велели нам выходить. На моей раненой ноге не было ничего, кроме марлевой повязки. Платье стало красным от крови, ворот был оторван. Куртка тоже стала красной, на нее налипла грязь. Мои волосы были в грязи и крови, коса почти расплелась. Я взяла Эльшада под руку и пыталась идти, не хромая.

К тюрьме подъехала машина, и Виталий сел впереди, мы с братом - на заднее сиденье. Там уже сидели женщины. Одну из них я знала - это была Гюлейше, сестер я раньше не видела. Оказалось, что они жили раньше довольно далеко от нас, были сестрами Хагани, который работал в поселке в полицейском участке. Все они выглядели очень хорошо, совсем не как пленные в нашей тюрьме. Одежда Гюлейше была в грязи, но на ней была теплая куртка, ботинки, голова покрыта. Сестры вообще выглядели очень чистыми, одеты в пальто, их волосы были аккуратно расчесаны. Они ужаснулись, увидев, в каком мы с братом виде. Гюлейше едва слышно спросила, где нас держали.

- В полицейском участке, - ответила я.

- Бедняги! Нас в дом отвезли.

Сестры смотрели на меня, чуть не плача. Они меня знали - ведь я работала телефонисткой. Старшую из них звали Незакет.

- Вас тоже мучили? - шепотом спросила я Гюлейше.

- Нет. Вас били?

- Да, сильно.

- Я так и поняла, когда вас увидела!

- Тише, давай потом поговорим.

Вскоре мы доехали до пункта контроля. Все мы не могли скрыть радости. Мы проехали армянский пропускной пункт, который располагался перед кладбищем Караагач. Через полсотни метров был наш КПП. Я никогда в жизни так не радовалась! Эльшад даже разругался. Каро и Виталий отправились к нашим. Нам не терпелось попасть к своим, до свободы оставался всего один шаг. «Господи, пожалуйста, не забирай у нас маму! Пусть мама, живая и здоровая, нас встретит! Мамочка, твои дети совсем близко, немного осталось», - повторяла про себя я. На глаза наворачивались слезы. Эльшад увидел, как я тайком вытираю глаза:

- Благодарю бога, смотри, мы уже в Агдаме. Чуть-чуть осталось, хватит плакать! - сказал он.

- Да, я знаю. Это я от радости! Если маму, бабушку и братьев не убили, мы скоро их увидим.

- Ладно, тише! Они возвращаются. А то услышат - и избыют, чего доброго.

Я посмотрела на улицу. Рядом с Виталием стояли два солдата, Монте и Вардан. Я вспомнила, как жестоко меня избил Монте в самый первый день. Он был очень кровожадный. Монте подошел к машине, открыл дверь и сказал:

- Видите, мы не виноваты. Ваши солдаты не привезли того, о чем мы просили. А потом они еще будут нас во всем винить - мол, армяне не отпускают пленных. Мы вас привезли, но как можем вас им отдать? Никак. Сейчас увезем вас обратно.

- Вас отвезут в деревню Храморт, до вечера там подождете. Как только от ваших будут новости, мы вас сюда опять привезем, - добавил Виталий.

Мы очень испугались, узнав это. Нас хотели было пересадить в другую машину, но потом передумали и повезли в Храморт на этой

же. Впереди сидели водитель с Монте, а мы впятером - на заднем сиденье. Машина ехала прямо к деревне Храморт, а мы со страхом смотрели друг на друга.

Машина медленно ехала по разбитой дороге. Деревня была безлюдной, казалось, в ней вообще никого нет. Домики были маленькими, двери были узкими и старыми - видно было, что деревня очень бедная. Машина остановилась перед синей калиткой. Монте вошел в дом. Через какое-то время он вернулся.

- Вылезайте из машины! - крикнул Монте.

Он, не переставая, матерился, была бы возможность - застрелил бы нас на месте. Дрожа от страха, мы вышли из машины - сначала Гюлейше, потом сестры, за ними и мы с Эльшадом. Монте схватил брата за грудь:

- Эх, давно надо было тебе голову отрубить!

Мне почему-то подумалось, что он привез нас сюда, чтобы убить. Стало очень страшно, Эльшад тоже побледнел. Мы застыли на месте, силясь понять, что же задумал Монте - он очень всех пугал. Вдруг открылась калитка, на пороге стояла женщина 50-55 лет. «Входите, проходите скорее!» - сказала она, увидев нас. Мы вошли в сад - там была большая, наполовину крытая терраса, на которой был накрыт стол. Чего только на нем не было! Разная еда, салат, соленья, компот, водка. Армянка обратилась к нам по-азербайджански:

- Меня зовут Люся, - она показала на стулья, - садитесь, не бойтесь. Никто не будет вас бить. Сегодня вас уже отправят в Агдам, а оттуда вернут, наконец, моего сына! Он уже два месяца в плену у ваших, в Агдаме... Вы уедете, мой сын вернется домой!.. Да не бойтесь вы, сидите спокойно.

Монте очень рассердился, когда услышал, как Люся с нами разговаривает:

- Люся, с ними так не говори, ты с ними слишком по-доброму общаешься. Я себя еле сдерживаю, чтобы их всех тут не зарезать - если бы не приказ Виталия, я бы уже давно их прикончил! Но из уважения к твоему сыну я их не трону, - проговорил он, с ненавистью глядя на нас.

Казалось, женщина совсем его не боится. Она продолжила:

- Вы хотите воды или чая? Не бойтесь, я вам дам, что попросите. Ведь ваши тоже кормят моего сына. Пожалуйста, съешьте что-нибудь!

От страха мы боялись поднять головы. Пусть даже мы умрем от жажды и голода, мы ничего здесь не будем брать. Раз уж мы столько дней терпели без воды и еды, неужели не сможем подождать еще четыре-пять часов? Но, с другой стороны, эта женщина хоть и была армянкой, была еще и матерью. Я представила свою маму - она бы тоже армянского ребенка обязательно накормила и напоила, ведь она понимала, что ее собственные дети тоже в руках у врагов. Монте все время куда-то уходил и возвращался. Через некоторое время он позвал Люсю и приказал ей:

- Не спускай с них глаз, а то сбегут. И не давай им ничего - ни еды, ни воды, ни чая. Если в Агдаме подготовят для нас все, о чем мы договаривались, я за ними вечером вернусь. Если нет - застрелю всех пятерых.

С этими словами он уехал. Около получаса мы молча сидели. Армянка все это время ходила туда-сюда по саду с подростком лет 15-18 - похоже, они кого-то ждали. Тут калитка открылась, и вошли солдаты, их было около десяти. Увидев нас, они стали переговариваться между собой на армянском и пересмеиваться. Солдаты сели за стол и начали обедать. Люся подошла к нам и спросила:

- Вы хотите кушать? Если хотите, садитесь ближе к столу, поешьте чего-нибудь!

- Нет, мы не голодны, - ответила за всех Гюлейше.

Армянские солдаты, услышав это, закричали на нее:

- Люся, ты что несешь! Какая еда?! Да пусть они подохнут от голода! Не давай им ничего. Хотя подожди, сейчас мы для них что-нибудь найдем.

Один из них встал и швырнул в нас тарелкой с костями.

- Если голодные - ешьте это! Вы же как собаки, да вам даже этих костей много!

Солдаты позвали Люсю, они начали ей что-то говорить по-армянски, поглядывая в нашу сторону. Вдруг Люся заговорила на азербайджанском:

- Нет, вы не посмеете тронуть пленных! Какое вам до них дело? Вы что, не видите, до чего они вон того парня довели? Губа рассеченная, глаза распухли. А на эту девочку посмотрите - у нее же нога ранена, она совсем плоха!

- Тетя Люся, ну зачем мы их отпускаем тогда? Давайте их убьем, да

и дело с концом! Раненую девочку тоже заберем - убьем или сожжем заживо, - не унимались солдаты.

- Да вы все пьяные! Все, хватит, замолчите. Сегодня мой сын возвращается, ради него прошу, не трогайте пленных, я вам не позволю! Все, поели-попили, ступайте, вам на дежурство пора.

Армянка очень рассердилась на солдат. Когда они ушли, все затихло, мы тоже успокоились. Люся подошла к нам и сказала:

- Ради моего сына, съешьте хоть кусочек чего-нибудь! Мой сын сегодня приедет. Вас там тоже матери ждут. Я ведь сама мама... Нет нашей вины в этой войне. Разве я хотела, чтобы мой сын попал в плен? Мы тоже не хотим войны. Я знаю, что азербайджанцы - хороший народ. Я много лет с ними работала в Аскеране, никогда на них зла не держала. Это наши творят ужасные вещи! Может, это они подначивают русских, не знаю. Ладно, вставайте, идите к столу и поешьте чего-нибудь, пожалуйста! Давайте-давайте, надо поесть.

Мы с Гюлейше опять сказали, что не хотим есть.

- Вы что, думаете, я яд в еду подсыпала? Раз так, я сейчас первая поем, а вы после меня, - ответила на это Люся.

- Мы не хотим есть, дайте нам воды, пожалуйста, - подал голос Эльшад.

- Хорошо, сейчас принесу.

Люся напоила нас всех. Видимо, от страха и волнений у Эльшада все внутри горело. Армянка все продолжала нас уговаривать поесть, но никто из нас и думать не мог о еде. Да и потом, как мы могли есть армянский хлеб, после всего того, что с нами сделали армяне? Даже воду бы не пили, но разве человек может обойтись без воды? От страха и волнения у нас пересыхало в горле.

В конце концов Люся перестала пытаться нас накормить. Приблизился вечер. Вдруг в сад вошел бородатый солдат, а следом за ним - Каро. Увидев его, я задрожала - ничего не могла с собой поделаться, все тело тряслось от страха. Сердце громко стучало. Каро подошел к нам и сказал:

- Готовьтесь, через час поедем. Ваши попросили дать им еще час, не убивать вас пока. Подождем, посмотрим - привезут они того, кого мы просили или нет.

Он сел за стол лицом к нам и, не спуская с нас глаз, начал жадно есть. Это было жуткое зрелище - он ел как зверь, запивая все водкой.

Еще целый час! Я больше не могла терпеть. Каро встал из-за стола, подошел к Эльшаду и взял его за подбородок:

- Ну что, через час тебя спасут. Но не забывай все, что было в камере! Передай этим бессовестным азербайджанцам, что им никогда нас не победить! Скоро мы выгоним вас из Карабаха, и он станет полностью наш, - кричал он в лицо моему брату.

Час прошел. Каро велел нам садиться в машину, а сам сел за руль. Все мы очень волновались. Выехав из этой деревни, нас повезли в сторону Агдама. Я начала очень сильно переживать. Наши священные земли, Аскеран и Ходжалы, сейчас находятся в руках у армян! Мне хотелось снова оказаться на родине, но также хотелось все-таки добраться до Агдама, потому что не терпелось узнать, кто из близких жив, а кто погиб. Мы добрались до КПП. Вокруг было темно, почти ничего не видно. Наши переговаривались с армянами. Сердце от волнения выпрыгивало из груди, я со всей силы сжимала руки Эльшада.

Мы ждали около часа. Виталий подошел к машине и сказал, чтобы мы готовились. Переговоры затянулись - похоже, была какая-то проблема. Почему они так долго не могут ничего решить? Может, наши опять не привезли того, о ком просили армяне? Я чуть было не крикнула: «Почему вы нас здесь так долго мучаете? Мы же люди, мы больше не можем терпеть!» Наконец, Виталий опять подошел к нам и открыл дверь:

- Давайте, выходите. Темно, идите осторожнее, не упадите! - сказал он.

Мы выбрались из машины. Сердце стучало от радости так, что едва не выпрыгивало из груди. Хотелось кричать: «Мама, мы идем!» Слава богу, мы спаслись из этого ада. Я не верила своему счастью, слезы лились по лицу. Возле КПП дорога была совсем разбита, мы медленно шли друг за другом - Гюлейше впереди, потом сестры, а в конце мы с Эльшадом.

Я взяла брата под руку и мы пошли к линии соприкосновения. Как только мы вышли, я увидела, как нашим мучителям дают сигареты, хлеб, канистры с бензином. Но пленного армянина нигде не было. Получается, они выменяли нас на деньги, сигареты, хлеб и бензин. Я была счастлива от того, что мы с братом наконец-то оказались на свободе.

Я крепко взяла Эльшада под руку, потому что нога очень болела. Мы еле шли по разбитой дороге. Кто нас встречает? Куда нас отвезут? Хотя все это неважно – главное, что мы опять среди своих. Я хотела было оглянуться – ведь мой Ходжалы остался позади. Я никому ничего не стала говорить, только про себя сказала: «Мы уходим, мой Ходжалы, мой Карабах. Нас заставили, выгнали, вытолкнули из родного гнезда, отделили от тебя. Сломали, утопили, сожгли... Но не расстраивайся, мой Ходжалы! Мы обязательно к тебе вернемся!» Я не прощалась с Ходжалы, я говорила «до свидания».

Я нагнулась и взяла горсть земли, потому что хотела успокоить сердце хотя бы горстью родной земли. Мы уже подходили к Агдаму. Было очень темно. Мы прошли КПП у кладбища Караагач – на нем были похоронены мой дед, отец и дядя. Ничего не было видно, но я все равно повернулась в сторону могилы отца. Мне очень хотелось прийти туда, обнять могилу, почувствовать этот запах и рассказать все свои тайны. Никому, кроме него, я не хотела рассказывать все, что со мной было, но с ним я могла поделиться пережитым. Я знала, что он меня услышит и утешит. Но в ту ночь сделать это было нельзя – армянские снайперы могли выстрелить в меня, как только я сошла бы с дороги. Мы дошли до нашего контрольного поста – я увидела солдат, один из них сказал:

- Слава богу, дети Аллахверди спасены!

Нас встретил сам командир, Аллахверди Багиров. Мы радовались, волновались, переживали, не перечислить, какие одновременно нахлынули чувства. Мы обнимались со всеми, кто пришел нас встретить. Гюлейше и двух сестер посадили в машину и куда-то увезли, а к нам подошел высокий бородатый солдат и спросил:

- Вы дети Аллахверди? Вы мои племянники, я ваш дядя Хакверди. Слава богу, мы вас вытащили. Пойдемте, ваши братья тоже тут. Идем!

Я знала, что у меня в Агдаме есть дядя, но никогда раньше его не видела.

Мы пошли туда, куда нам показал дядя, как вдруг увидели братьев, бегущих нам навстречу. Слава богу, Эльман и Ильдениз были живы и здоровы. Мы обнялись. Я расплакалась от избытка чувств.

К нам подошел Аллахверди Багиров и сказал:

- Я здесь командир. Виталий со мной решает все вопросы по обмену пленных, то есть выдает тех, кого я попрошу. Ему что-то надо, я

говорю: «Привези такого-то». Но когда я произнес имя Дюрдане, Виталий сказал, что не может отдать тебя, мол, ты и телефонистка, и воевала. Говорил, что тебя собирались отправить в Ереван. Я сказал ему, что дам ему за тебя все, что он хочет. Ладно, неважно. Самое главное – вы уже здесь.

Дядя Хакверди ответил ему:

- Спасибо, командир, спасибо, что спасли моих племянников! Спасибо! Пойдемте домой, вас все ждут. Я отведу детей. Спасибо, командир Багиров, огромное спасибо!

Нас посадили в машину, мы сели вместе с братьями. Эльман и Ильдениз были так рады нам, словно нас не было не восемь дней, а восемь лет. Эльман посмотрел на мою забинтованную ногу и спросил:

- Дюрю, правда, что тебя ранило в ногу? Ничего себе, как она распухла!

- Да, пуля попала. Эльшада в живот ранило. Ладно, скажите нам – мама и бабушка живы?

- Мама в военном госпитале, бабушка дома. У нас никто из семьи не умер, но каждый день привозят трупы, очень многие погибли. В маму тоже попала пуля, еще она ноги отморозила. Зато бабушка досюда добралась, даже платье не испачкала! – ответил Ильдениз.

- Мама тяжело ранена? Как ее ноги? – спросил Эльшад.

- Попала пуля, но врачи ее вытащили. Ноги довольно сильно отморозила, но не расстраивайся, и это пройдет. Самое главное, вы наконец здесь! Теперь все вас ждут...

- Пришли журналисты, хотят, чтобы вы с ними прежде всего поговорили, потом пойдем в дом, – договорил за брата Эльман.

Когда мы подъезжали к дому, нас уже начали снимать на камеру. Я все думала о могиле отца. Если бы был день, я бы смогла туда сходить, но была ночь, и мне не разрешили это сделать. Отец очень рано умер, не успел вырастить и выучить своих детей, как собирался. Но сегодня его любимая дочь спаслась из вражеского плена – поэтому я так хотела ему все это рассказать, все свои печали и радости.

Я не могла сдержать слез, постоянно плакала. В конце концов Ильдениз не выдержал:

- Хватит, Дюрю, все уже позади.

- Я не плачу, слезы сами текут, я не могу их остановить, брат. Веро-

ятно, это от радости. Ильдениз, ты не знаешь, умер кто-то из наших соседей?

- Придем домой - все узнаешь.

- Ах, боже мой, сколько людей умерло! Наши мужчины в плену, наш народ уничтожен.

Я смотрела на братьев и благодарила Бога за то, что они все трое целы и невредимы. Осталось только увидеть маму с бабушкой, и я бы окончательно успокоилась. Наконец, машина остановилась у какого-то одноэтажного здания. Вокруг него стояли солдаты.

- Спасибо, командир Аллахверди! Вы нам очень помогли, нас освободили. В Ханкенди все вокруг военное - много танков, пушек, военной техники, а уж сколько там наемников - одному Богу известно. Спасибо, что спасли нас, - поблагодарила я его.

- Мы просто вернули свой долг. Ладно, все уже в прошлом. Давай, иди внутрь, журналисты вас ждут, - сказал командир.

Мы вошли. В помещении было очень много журналистов, большинство - иностранные. Я почувствовала, что мне надо выговориться, чтобы успокоиться. Повернувшись к журналистам, я громко сказала:

- Люди, азербайджанцы! Нас уничтожили. Сожгли Ходжалы, убили наших людей. Мы только что вернулись из плена. Армяне очень сильные, у них много техники и солдат. Они меня возили в Ханкенди, я сама видела все это. Они говорят, что возьмут Шушу, Лачин, Келбеджер, а потом и Агдам. Как мы оказались в таком положении? В чем моя вина? Быть телефонисткой - преступление? Вы знаете, что мы пережили за эти дни? Нас каждый день избивали, мучили, как только могли. Вы понимаете, что это значит? - говорила я и плакала.

Командир Аллахверди Багиров обратился ко мне:

- Ты все правильно говоришь, но сейчас немного успокойся. Даст бог, дальше все будет хорошо. Кто такие армяне, чтобы нас победить? Мы отвоюем Ходжалы, вот увидишь!

Эльшад внимательно меня слушал. Когда он увидел, что я потеряла контроль над собой, он посмотрел на меня и произнес:

- Хватит, сколько можно говорить? Никто не сможет понять, что нам довелось пережить, а мы не сможем это описать.

Мы рассказывали, а все внимательно нас слушали. Потом пришел врач. Осмотрев мою ногу, он сказал, что необходима операция. Рана

Эльшада была не такой опасной. Потом вошли журналисты и попросили теперь рассказать о плене Эльшада, а не меня. «Для нас равносильно смерти говорить о том, что пережила в плену женщина», – пояснили нам они. Эльшада снимали, фотографировали следы от побоев у него на спине, спросили, как он попал в плен, что с ним делали.

Эльшад начал рассказывать:

- Каждый день приходили армяне и били нас, особенно мучили тех, кто был в военной форме. Они приходили втроем-вчетвером с палками, дубинками, цепями, шлангами и так далее и били нас. Пол в нашей камере был полностью залит кровью, нас забивали до смерти, но как только они видели, что мы падали без сознания, бить прекращали. Губу мне рассекли прикладом от автомата Калашникова. Если бы не сестра, меня не отпустили бы. Спасибо ей, она ради меня рисковала своей жизнью. Помогите Бог всем мужчинам и женщинам, оставшимся в армянских тюрьмах, помогите Бог всему нашему народу!

Кто-то из журналистов заплакал, не в силах сдержаться. Другой журналист негромко произнес: «Надо отомстить за девушек!»

- Какая месть, а? Что вы такое говорите? Это пустые слова. Я лично видела их силу и мощь, технику и солдат. Я не верю, что у нас хватит всего этого для того, чтобы сражаться, – ответила ему я.

Журналисты видели мою раненую ногу, следы от побоев на моем теле, но никто не видел самую большую рану – рану в сердце. Никто из присутствующих не мог понять того, что я чувствовала. Говорили о разных вещах. Наконец, у меня не осталось сил это слушать. Хакверди сказал всем:

- Заканчивайте уже, мои дети хотят есть и пить, они устали. Дома нас тоже ждут.

Нас отвели в машину. Видеооператор поехал с нами.

- Эльшад, поехали теперь домой, завтра с утра я отвезу вас к Ньюбар, – сказал дядя.

Я хотела увидеть маму как можно скорее... Нас отвезли прямо в дом к тете Фамиле, она ждала нас на пороге:

- Слава Аллаху, мои маленькие, слава Аллаху, вы приехали! Пусть армяне будут прокляты! Заходите скорее, идемте.

Мы поднялись по лестнице. Обе бабушки ждали нас у двери. Увидев нас, обе принялись благодарить Аллаха, от радости не знали, что

делать. Я растерялась, кого из них сначала обнять. В доме было много народа, мы все обнимались и плакали. Оператор все это снимал - тогда мне и в голову не приходило, что это исторические кадры. Я обняла бабушку по папе и спросила у нее:

- Бабушка, скажи, мама жива?

- Да, успокойся, Дюрю. Завтра мы отвезем вас к Ньюбар.

Я видела, что бабушка очень радуется, хотя и волнуется. Если бы с мамой случилось что-то плохое, бабушка бы вела себя по-другому. Бабушка по маме обнимала Эльшада и плакала - как будто мы были в плену у врагов долгие годы. Обе бабушки плакали, глядя на нас. В этот момент Фамиле принесла всем чай с вареньем. Когда гости ушли, дядя Хакверди сказал:

- Я вас завтра отвезу к маме. А пока спокойной ночи!

Все улеглись. Моя постель была такой мягкой, такой удобной, что я заснула, едва коснувшись подушки. Дядя рано утром отвез нас в больницу к маме. Я надела платье, которое мне дала тетя Фамиле. Дядя привел нас в палату, где лежала мама, и сказал ей:

- Мы пришли.

Мама посмотрела на меня:

- Вы из плена вернулись? Вы видели Дюрдане и Эльшада? Их должны были отпустить, но их все нет и нет.

Услышав это, я зарыдала:

- Мама, это мы, мы пришли. Нас отпустили вчера вечером.

Мама на этих словах потеряла сознание, ее привели в чувство лекарствами и водой. Она обнимала нас и плакала, не могла найти слов, чтобы выразить свою радость. Рядом с моей мамой лежала Нарханым, с которой мы вместе были в плену. Она тоже радовалась за нас, к нам пришли врачи, медсестры, другие больные - все разделяли нашу радость. Нарханым спрашивала про своего мужа и детей и плакала...

Все палаты в больнице были полностью заполнены. Говорят, примерно столько же отвезли в Баку. Все ходили, искали своих родных. Мама не узнала нас с Эльшадом спустя всего восемь дней, а если бы мы провели в плену месяц, что бы было? Мы провели в Агдаме только четыре дня - город каждый день обстреливали из ракет Алазань и Град, отовсюду были слышны залпы пушек.

Еще когда мы были в Агдаме, бабушка как-то утром решила расчесать и заплести мне волосы.

- Ай, Дюрю, господи, ты поседела! Смотри, слева у виска седая прядь, в других местах тоже седые волосы. Бедная моя девочка, сколько же ты натерпелась за эти восемь дней! - расстроилась бабушка.

- Бабушка, ты, пожалуйста, об этом никому не говори, хорошо? Ничего ведь страшного, правда? - попросила я.

Бабушка все время пыталась что-то у меня выпытать, даже хотела отправить к врачу на осмотр. В тот же день Агдам особенно сильно обстреляли, и мы уехали в Баку. Раненая нога очень болела. Нас разместили в общежитии Второго медицинского училища. Когда директор училища увидел мою рану, он пришел в ужас. Он вызвал Скорую помощь и вместе с Эльшадом отправил нас в поликлинику. Мне сделали рентген. Увидев на снимке пулю, я очень испугалась. Меня положили в Центральную больницу Азербайджана. Нога с каждым днем все больше распухла и сильнее болела. После двух дней осмотров врачи решили, что операции не избежать, а потом необходимо длительное лечение. Дни шли. 21 марта мне вытащили пулю из ноги, но я все равно не могла ходить. Было очень тяжело. Начались сильные головные боли, почки болели, на ногу я даже встать не могла. Ногу мне в больнице лечили целый месяц, потом я еще довольно много времени провела в больнице из-за головных болей. Как говорили доктора, за восемь дней в холодной, влажной, страшной тюрьме мне сильно подорвали здоровье. Все время, пока я лежала в больнице, врачи уделяли мне много внимания, делали все возможное, чтобы как можно быстрее вылечить меня. Они все узнали, что я была в плену, и относились ко мне как к своему ребенку. Врачи меня очень разбаловали. Спустя несколько месяцев, я вернулась домой. Нога все еще была воспалена. Как мне сказал врач, если бы тот русский доктор не залил мою рану спиртом, ногу точно пришлось бы ампутировать, потому что в рану занесли инфекцию, а спирт ее уничтожил.

Я очень боялась, что мне отрежут ногу. Ведь в той тюрьме я потеряла свою жизнь, очень не хотелось терять и ногу. Каждый день я ходила в больницу на перевязку. Целый год нога была воспалена. Наконец, врачи сказали мне, что дело пошло на поправку. Я очень обрадовалась,

все домашние тоже были счастливы, но бабушка все равно расстраивалась каждый раз, когда смотрела на мою раненую ногу.

После той ночи на 26 февраля я прошла сквозь многое. За восемь дней плена я несколько раз умирала и воскресала, но теперь мы с братьями, мамой и бабушкой снова были вместе. И мы всегда будем помнить наш дом в Ходжалы, нашу землю, наших погибших и пропавших без вести. У нас в семье никто не умер, но мы с братом сильно пострадали, потому что иногда умереть легче, чем жить, как мы поняли. Нет ничего хуже, чем попасть к врагу в плен. Это такая рана, которая никогда не заживет. И если мужчины сильные и выносливые, то женщина - очень хрупкое создание, поэтому для нее попасть в руки к врагу - катастрофа. Из-за Нагорно-Карабахской войны мы пережили много бед. Как жаль, что руководство страны в тот период было занято только подковой борьбой и защитой личных интересов. Сейчас все закончилось, но мы стали жертвами этого. Если бы только в начале девяностых у власти был Гейдар Алиев! Тогда бы не было Ходжалинского геноцида, а наши земли не были бы захвачены.

Заключение

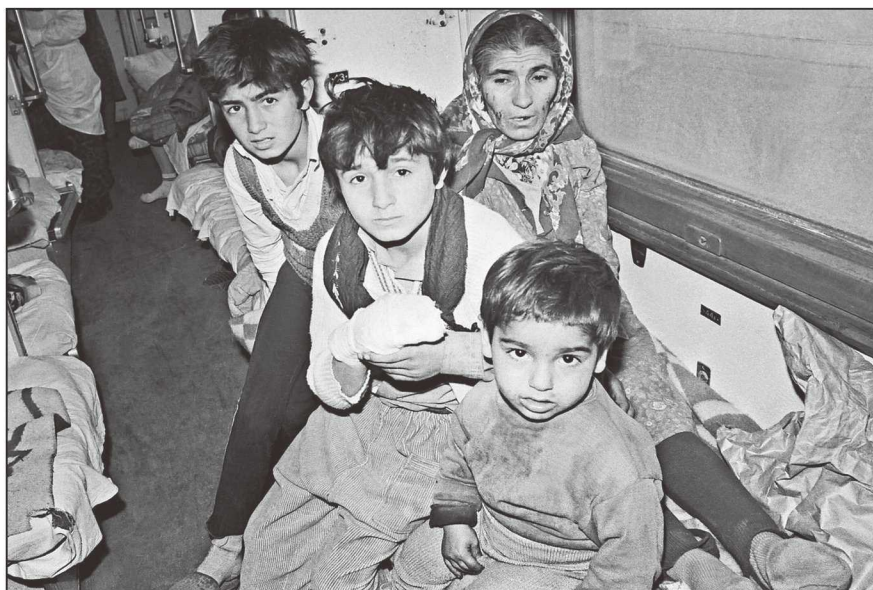
Все, что здесь написано, - абсолютная правда. Книга повествует об издевательствах армян, которые перенесла двадцатилетняя девушка. Пусть я не все смогла передать через слово, я знаю, что читатели поймут все правильно. Каждый раз, когда я начинаю рассказывать об этом, я словно каждый раз все переживаю заново. Да, я перенесла все эти ужасы. Виталий, Каро, Монте; бакинские, французские и турецкие армяне; негры и арабы; по словам очевидцев - иранцы, русские, девушка-снайпер из Сумгайыта - все они часто мне вспоминаются. Если я о них забуду, с ними умрет и моя ненависть. Как я могу забыть двадцатилетнюю Дюрдане - молодую, стройную, беспомощную девушку? Я никогда ее не забуду. Сейчас я уже совсем другая Дюрдане - тоскующая по родине и ненавидящая армян женщина. Я готова защищать наши земли не как женщина, а как гражданка Азербайджана, как каждый из ходжалинцев, как женщина, прошедшая через все те ужасы. Я готова умереть ради спасения этих земель от захватчика, потому что в землях Карабаха лежат мои дед и отец.

Я до сих пор страдаю из-за тех восьми ужасных дней, потому что побои, которым меня подвергали, полностью подорвали мое здоровье. Да, оглядываясь назад, я все время говорю: «Спасибо Богу за мой сегодняшний день!» Все время, пока я была в плену, я и подумать не могла, что доживу до сегодняшнего дня. Тогда я была просто девушкой, ждущей смерть. Я думала не о будущем, а о смерти. Бог не уготовил мне смерть там, поэтому я осталась жива. Двадцатилетняя девочка, оказавшись лицом к лицу со смертью, сумела выжить.

Сейчас я живу в поселке Бузовна недалеко от Баку. Я замужем, у меня есть дочь. Я с уверенностью могу сказать, что мой муж – лучший представитель своего народа. Он лучший из лучших, он дает мне силы жить. Дочь тоже старается сделать все для того, чтобы я забыла те страшные дни. С самого ее рождения переживаю лучший период своей жизни, я никогда раньше не была так счастлива. Когда-то я, как и любая девушка, хотела вместе со свадебным шествием выйти из отцовского дома навстречу жениху, но не получилось. Не дано мне было испытать такое счастье. Причина всех несчастий, что у меня были, – армяне. Они очень меня мучили. Но теперь у меня есть семья, есть прекрасная дочь, она с любовью называет меня «мама». Благодаря ей я испытываю самые сильные эмоции в своей жизни. Когда я болею, дочь изо всех пытается меня отвлечь. Дочь – свет в моем окне, мой майский цветок, зеница моего ока, мое сердце. Каждый раз, когда она называет меня «мама», я забываю обо всех горестях. Дочь называет меня Национальным героем Карабаха.

То, что здесь написано, без прикрас, – воспоминания молодой азербайджанской девушки, жительницы Ходжалы. К сожалению, я прошла через все это. Но это лишь часть той трагедии, которую пережила в тех страшных и ужасных условиях хрупкая, одинокая и несчастная девушка. Я как могла старалась передать все, что видела в ночь, когда случился ходжалинский геноцид, и в последующие восемь дней. Цель этой книги – способствовать тому, чтобы ужасные события в Ходжалы были признаны геноцидом. На сегодняшний день парламенты многих стран признали нашу трагедию геноцидом и ежегодно организуют памятные мероприятия. Я написала книгу потому, что чувствую потребность поделиться с миром воспоминаниями, ведь я лично видела все ужасы, причиненные армянами нашему народу, сама пере-

жила все издевательства, каким нас подвергали армяне. Именно поэтому я взялась за перо и написала книгу – пусть все знают об ужасных деяниях армян. Иногда я опускала кое-какие подробности, но в целом попыталась рассказать обо всем, что со мной было. Ходжалинцы многое потеряли, много людей погибло. Жаль, что я тоже не погибла! В ту ночь было убито 613 ходжалинцев – я все время жалею о том, что не стала 614-й... Если бы я погибла в ту ночь, я бы спокойно навсегда уснула, чтобы больше не проснуться на этой земле. Пусть земля будет пухом всем погибшим! Я ни на миг не забуду того, что пережила за те восемь дней. Каждую ночь я вновь все это вижу – словно фильм ужасов. Разве можно забыть эти издевательства? Я верю в то, что нужно сражаться за родину, за свои земли. На войне гибнут солдаты, сыновья, мужья. Но на войне женщине нет места, она для мужчин, потому что сражаться с врагом выходят именно мужчины. Двадцать процентов наших земель все еще оккупированы врагом. Но сейчас Азербайджан – сильное государство. Даст бог, в скором времени освободят нашу родину, наш Нагорный Карабах. Мы будем изо всех сил защищать нашу землю. Мы верим, что в один прекрасный наш трехцветный флаг снова зареет в Ханкенди, Шуше, Ходжалы, Лачине и Кельбеджере. Справедливость восторжествует, преступники будут наказаны, и мы обязательно вернемся домой!

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

После подписания Гюлистанского (1813 год) и Туркменчайского (1825 год) договоров армяне стали массово расселяться на азербайджанских землях. Несмотря на то, что переселенцы составляли меньшинство, они проводили агрессивную политику политической экспансии. Век спустя Первая мировая война способствовала новому притоку армян на Южный Кавказ. Вскоре этот процесс вылился в искусственное разделение исконных азербайджанских территорий: новая автономия с наспех очерченными границами на долгие годы стала источником нестабильности, напряженности и конфликтов.

В период с 1905 по 1907 год армянские националисты устроили целую серию широкомасштабных погромов против азербайджанцев. Кровавые зверства творились не только в Баку, но и по всему Азербайджану, а также в азербайджанских селах на территории нынешней Армении. Сотни поселений были разрушены, тысячи людей убиты или получили увечья.

Воспользовавшись ситуацией, сложившейся в России в последний год Первой мировой войны и после Февральской и Октябрьской революций, армянские националисты принялись претворять в жизнь экспансионистские планы. Под предлогом борьбы с контрреволюционными элементами в марте 1918 года в Баку, в Шемахинском и Губинском районах, а также в Карабахе, Зангезуре, Нахчыване, Лянкяране и в других регионах были совершены массовые убийства азербайджанцев. В ходе кровавых событий погибли тысячи мирных жителей, были сожжены дотла азербайджанские села и разрушены исторические памятники.

После установления Советской власти в Армении в 1920 году националистам представилась реальная возможность осуществить свою

мечту. В течение 70 советских лет армянам удалось расширить свои границы за счет Азербайджана, используя всевозможные средства для выдворения азербайджанцев со своих земель. Так, в 1920 году армяне объявили Зангезур и ряд других азербайджанских территорий частью Армянской Советской Социалистической Республики. Кроме того, хотя нагорная часть Карабаха и оставалась в составе Азербайджана, ей был присвоен статус автономии. Административные границы определили таким образом, чтобы обеспечить армянскому населению большинство. Тем самым на территории Азербайджана было создано искусственное армянское территориальное образование, в то время как полумиллионной азербайджанской общине, компактно проживавшей в Армении, было отказано в симметричной привилегии.

В советский период Армения прилагала целенаправленные усилия для изменения своего этнического состава. Под предлогом расселения армян, прибывавших из-за рубежа, многих азербайджанцев вынудили покинуть места, где они родились и прожили всю жизнь. На основе постановлений Совета Министров СССР от 23 декабря 1947 года и 10 марта 1948 года за последующие пять лет более 150 тысячам азербайджанцев пришлось оставить свои исторические земли в Армении.

В конце 1987 года Армянская ССР открыто предъявила территориальные претензии на Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО). Это ознаменовало начало изгнания азербайджанцев из Армянской ССР и, в последствии, НКАО.

Первая кровь нового этапа армяно-азербайджанского конфликта пролилась еще 22 февраля 1988 у населённого пункта Аскеран в Азербайджане, где армянские вооруженные бандиты пытались остановить азербайджанцев из города Агдам, направлявшихся в Степанакерт (Ханкенди), чтобы выразить свой протест против незаконного решения областных властей об отделении Карабаха от Азербайджана. В результате армянскими стрелками были убиты двое азербайджанцев: работавший на виноградниках крестьянин и мальчик. Советское руководство ничего серьезного не предпринимает по данному поводу, что лишь ускоряет организованное армянами планомерное выселение и истребление азербайджанцев Армении и Нагорного Карабаха.

Вскоре после предъявления претензий на территорию Нагорного Карабаха 250 тысяч азербайджанцев были депортированы из Арме-

нии. За 1987-1988 годы в Армении были убиты 216 азербайджанцев, включая детей, женщин и пожилых людей.

Задолго до того, как мировое сообщество стало свидетелем ужасающих террористических атак 11 сентября 2001 года, армянские спецслужбы и военизированные организации регулярно совершали теракты на территории Азербайджана. Мишенями становились гражданские объекты, включая промышленные зоны, а также воздушный, морской и сухопутный транспорт. В результате терактов с конца 1980-х годов погибли более 2000 азербайджанцев, большинство - женщины, дети и старики.

В конце 1991 года за распадом Советского Союза последовала эскалация вооруженных действий. Армения развязала войну против Азербайджана и оккупировала его территории, включая Нагорный Карабах и семь прилегающих к нему районов. На оккупированных территориях была проведена этническая чистка, завершившаяся депортацией около миллиона азербайджанцев из родных мест. Армянская сторона установила этнически чистый, субординированный сепаратистский режим на оккупированных территориях Азербайджана.

Международное сообщество неоднократно критиковало и осуждало разжигателей войны. В 1993 году Совет Безопасности ООН принял резолюции 822, 853, 874 и 884, осуждающие применение силы против Азербайджана и оккупацию его территорий, подтверждающего суверенитет и территориальную целостность и нерушимость международно-признанных границ Азербайджана. В этих резолюциях Совет Безопасности ООН подтвердил, что Нагорно-Карабахский регион является частью Азербайджана, и потребовал немедленного, полного и безоговорочного вывода оккупационных сил со всех территорий Азербайджана.

Генеральная Ассамблея ООН приняла три резолюции, касающиеся конфликта (48/114 от 20 декабря 1993 года, 60/285 от 7 сентября 2006 года и 62/243 от 14 марта 2008 года), а также внесла в повестку регулярных сессий специальный пункт «О ситуации на оккупированных территориях Азербайджана». Другие международные организации занимают аналогичную позицию.

ХОДЖАЛИНСКИЙ ГЕНОЦИД

Основные факты

Ходжалы - город в Нагорно-Карабахском регионе Азербайджана общей площадью в 0,94 км² и с населением 7000 человек. Здесь располагался единственный гражданский аэропорт в регионе, поэтому Ходжалы являлся важным коммуникационным центром.

В октябре 1991 года город окружили армянские вооруженные силы. 30 октября было отрезано сухопутное сообщение; единственным средством транспорта были вертолеты. После того как гражданский вертолет был сбит армянами над городом Шуша (погибли по меньшей мере 40 человек), прервалась и эта нить. С января 1992 года город существовал без электроэнергии, выживая лишь благодаря мужеству населения и героизму его защитников.

В ночь с 25 на 26 февраля 1992 года после массивного артобстрела армянские вооруженные силы и военизированные отряды при поддержке 366-го мотострелкового полка бывшего СССР осуществили взятие Ходжалы.

После начала штурма около 2500 жителей, оставшихся в городе к той трагической ночи, попытались покинуть его в надежде укрыться в ближайшем месте, подконтрольном Азербайджану. Но надежда оказалась тщетной: беженцев расстреляли с армянских постов или взяли в плен около сел Нахчыванлы и Пирджамал. Те, кто пытался уйти через горные массивы, - в основном женщины и дети, - умерли от обморожений. Единицам удалось добраться до Агдама.

Несомненно, Ходжалинская трагедия стала самой масштабной и кровавой резней конфликта. В результате штурма и взятия города были убиты 613 человек, включая 106 женщин, 63 ребенка и 70 стариков. 1275 жителей Ходжалы были взяты в заложники; судьба 150 остается неизвестной. Город был стерт с лица земли. 487 ходжалинцев, включая 76 детей младше года, были ранены. 26 детей потеряли обоих родителей, 130 - одного; восемь семей истреблены полностью. Из числа погибших 56 человек были убиты с особой жестокостью: их сжигали заживо, снимали с них скальпы, отрезали головы, выкалывали глаза; беременной женщине проткнули живот штыком.

Люди, стоящие за бойней

Официальный Ереван не просто отрицает свою ответственность за оккупацию и военное присутствие на территориях Азербайджана. Напротив, ситуацию с массовыми убийствами в Ходжалы пытаются преподнести таким образом, будто азербайджанцы сами препятствовали эвакуации гражданского населения из зоны боевых действий, более того – расстреливали своих соотечественников, чтобы использовать их гибель в политических целях.

Однако имеется более чем достаточно доказательств и сообщений из разных источников, безоговорочно подтверждающих ответственность за эти преступления Армении, ее политического и военного руководства и субординированных сепаратистских вооруженных групп. Среди этих источников – СМИ, показания очевидцев ходжалинских событий, резолюции правительств, межправительственных и неправительственных организаций.

В своем постановлении от 22 апреля 2010 года Европейский суд по правам человека, в частности, отметил следующее: «Сообщения, полученные из независимых источников, указывают на то, что во время взятия Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 года сотни гражданских лиц, имеющих азербайджанские этнические корни, были убиты, ранены или взяты в заложники при попытке бегства из города, взятого армянскими боевиками».

Согласно армянскому автору Маркару Мелконяну, который посвятил книгу своему брату, хорошо известному международному террористу Монте Мелконяну, город «был стратегической целью, но он также стал своего рода актом возмездия». Автор подробно описывает, как боевики из вооруженных отрядов «Арабо» и «Арамо» расправлялись с мирным населением Ходжалы. В частности, некоторым мир-

ным жителям, преодолевшим более 10 километров, почти удалось добраться до безопасного места, когда «их настигли [армянские] солдаты». Последние, по словам Мелконяна, «вытащили ножи, которые так долго носили за поясом, и пустили их в дело» (Markar Melkonian, *My Brother's Road: An American's Fateful Journey to Armenia* (London and New York, 2005), стр. 213-214).

События в Ходжалы произошли в тот момент, когда нынешний президент Республики Армения Серж Саргсян возглавлял Комитет сил самообороны незаконного сепаратистского режима, поэтому его воспоминания являются одним из важнейших свидетельств. Следующие слова, произнесенные господином Саргсяном, не оставляют сомнений в том, кто стоит за преступлениями, совершенными в Ходжалы: «До Ходжалы азербайджанцы думали, что с нами можно шутить; они считали, что армяне не способны поднять руку на гражданское население. Мы сумели сломать этот [стереотип]». (Thomas de Waal, *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War* (New York and London, 2003), стр. 172).

Отвечая на вопрос журналиста о том, сожалеет ли он о смерти сотен людей, господин Саргсян без особого смущения ответил: «Я совершенно ни о чем не жалею... Такие потрясения необходимы, даже если это стоит тысяч жизней». Подобные слова из уст человека, занимающего высший политический и военный пост в государстве, говорят сами за себя и отмечают любую попытку отрицать ответственность Армении за преступления против мирных азербайджанцев (источник: <http://carnegieendowment.org/2012/02/24/president-interview-andtragicanniversary/9vpa>).

Квалификация преступления

К ситуации, связанной с оккупированными Арменией территориями Азербайджана, - Нагорного Карабаха и областью вокруг него, - применим весь спектр принципов международного права. Есть достаточно оснований, чтобы заключить, что правительство Республики Армения и подотчетные ей силы несут ответственность за серьезные нарушения прав человека и международного гуманитарного права, приравняемые к разряду преступлений, - в частности, неизбирательное применение силы, в том числе убийство мирных граждан, захват и удержание заложников, а также ненадлежащее обращение с военнопленными и заложниками и их произвольные казни.

В соответствующих резолюциях, принятых в 1993 году в ответ на незаконное применение силы против Азербайджана и оккупацию его территорий, Совет Безопасности ООН непосредственно указал на нарушения международного гуманитарного права, включая перемещение значительного числа гражданских лиц, нападения на мирных жителей и обстрел жилых районов. В своем решении от 22 апреля 2010 года Европейский суд по правам человека квалифицировал массовое уничтожение азербайджанского гражданского населения города Ходжалы как «деяния особой тяжести, равносильные военным преступлениям и преступлениям против человечности».

В ходе официального расследования, проведенного Азербайджаном, было установлено, что в нападениях на гражданских лиц в Ходжалы присутствовали следующие элементы геноцида, определяемые международным правом:

- actus reus - убийство и причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройств;
- наличие охраняемой группы, против которой были направлены действия преступников;

- конкретное намерение геноцида, предполагающее полное или частичное уничтожение какой-либо группы, выделяемой по расовому, этническому, национальному или религиозному признаку.

Как следует из результатов расследования, преступление, совершенное в Ходжалы, является геноцидом сразу по нескольким критериям. Прежде всего, есть однозначные и убедительные доказательства намерения полностью или частично уничтожить определенную группу людей. Во-вторых, Ходжалинский геноцид был «достаточным», чтобы иметь последствия для азербайджанцев в целом. И наконец, преступление было совершено в пределах конкретного географического района.

Ответственность за содеянное

Согласно международному праву, преступления, совершенные в ходе конфликта между Арменией и Азербайджаном, влекут за собой как ответственность государств, так и индивидуальную уголовную ответственность.

Поскольку агрессия против Азербайджана и оккупация его территории продолжаются, Республика Армения несет полную ответственность за нарушения международного права. Эта ответственность влечет за собой юридические последствия: прежде всего обязанность прекратить подобные действия, представить адекватные заверения и гарантии того, что эти действия не повторятся, и обеспечить полноценное возмещение нанесенного ущерба в форме реституции, компенсации и сатисфакции (по отдельности либо в совокупности).

Помимо ответственности Республики Армения как государства, некоторые акты, совершенные в ходе вооруженного конфликта, в том числе в городе Ходжалы, квалифицируются как международные уголовные преступления, и ответственность за них несут конкретные участники событий, их сообщники и пособники. Хорошо известно, что бывший и нынешний президенты Армении – Роберт Кочарян и Серж Саргсян – вместе со многими другими высокопоставленными политиками и военными лично участвовали в захвате азербайджанских земель и расправах над гражданскими и военнослужащими. Очевидно, что с учетом масштабов и тяжести преступлений, совершенных этими лицами, неизбежным следствием должно стать уголовное преследование.

Освещение событий на страницах международной прессы

Несмотря на то что Азербайджан столкнулся с жесткой информационной блокадой и широкомасштабной проармянской пропагандой, Ходжалинский геноцид получил широкое освещение в мировых средствах массовой информации. Тяжесть преступлений и жестокость армянских сепаратистов были столь вопиющи, что не могли остаться без внимания мировой общественности.

**ДЮРДАНЕ
АГАЕВА**

**ВОСЕМЬ ДНЕЙ
В АРМЯНСКОМ
ПЛЕНУ**

Воспоминания
ходжалинской
девушки

